

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

УДХ 93/99
ББК 63.3
Т 610

В качестве предисловия

Печатается по решению Ученого совета Музея-Геноцида армян НАН РА

Торосян Саргис

Т 610: От Дарданел до Палестины/С. Торосян. - Ереван : Музей-институт геноцида армян, 2014. – 176 стр.

Перевод Евгении Арзумановой
Редактор Рузанна Карапетян

Мемуары Саргиса Торосяна это не просто воспоминания армянского офицера, служившего в османской армии в период Первой мировой войны, это уникальный письменный памятник и живое свидетельство Геноцида армян. Как участник известного Галлипольского сражения, одной из многих кровавых битв великой войны, Саргис Торосян был награжден османским правительством, но в это же время его близкие и родные были тем же правительством вероломно депортированы и зверски убиты. Интересное и захватывающее повествование автора - свидетеля стремительно развивающихся событий на европейском и ближневосточном театрах военно-политических действий, перемежается с перипетиями его личной драмы и испытаний.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДХ 93/99
ББК 63.3

ISBN 978-9939-822-46-4

© Музей-институт Геноцида армян, 2014

Предлагаемая вниманию русскоязычного читателя книга воспоминаний во многом уникальна. Ее автор – военнослужащий османской армии армянского происхождения – прошел через все перипетии Первой мировой войны и последующих лет, пережил свою долю человеческой трагедии, побывал во многих, кажущихся безвыходными, переделках... Его имя Саргис Торосян. Он не пострадал от резни и депортаций, однако, тоже, в своем роде, является жертвой Геноцида армян – одного из самых страшных преступлений двадцатого века.

Беспрецедентная и исключительная по своему содержанию книга воспоминаний Саргиса Торосяна рассказывает о жизни и деятельности армянского офицера, по воле судьбы и по долгу военной службы оказавшего выдающиеся услуги Османской Турции, о жизни и деятельности, в которых переплелись геройство и самоотверженность, предательство и происки недоброжелателей, любовь и боль утраты.

Чтение этих мемуаров, которые были впервые изданы в 1947 г. на английском языке^{*}, оказало на меня очень большое впечатление. Наряду с присущим военному человеку четким и точным изложением мыслей и описаний, в повествовании автора можно увидеть эмоциональную подачу неожиданных переходов от одной темы к другой, благодаря чему книга читается на одном дыхании.

Мемуары Саргиса Торосяна были переведены и опубликованы на турецком языке, и, по нашим сведениям, они уже вызвали серьезный интерес в турецких кругах, в то же время став объектом разнородных мнений и споров. Без колебаний можем сказать, что книга стала своеобразным камнем преткновения и для турецких, так называемых, либеральных кругов, которые, вопреки ожиданиям, с большой неохотой восприняли факт существования этих воспоминаний, рассматривая их в качестве серьезного вызова существующему порядку вещей и своим представлениям об истории.

Почему?

Очевидно, что появление в Дарданельской операции или битве при Чанаккале, являющейся в турецком самосознании и турецкой историографии «святая святых», где погибли сотни тысяч турецких

* Torossian Sarkis. From Dardanelles to Palestine: A True Story of Five Battle Fronts of Turkey and Her Allies and a Harem Romance (Personal Memoirs). Boston: Meador Pub. Co, 1947. 219 p.

солдат, в том числе и представители других, населявших империю, этнических групп, «армянского следа», причем в связи с жестокой реальностью и последствиями геноцида армян, должно было вызвать шок в Турции.

Здесь стоит отметить, что параллельно с нашей работой по повторному введению в обращение мемуаров Саргиса Торосяна и их представлению широкой общественности мы получали множество писем из Турции. Турецкие журналисты пытались поставить под сомнение, как существование Саргиса Торосяна, так и историческую достоверность его истории. Возникает вопрос: почему эти мемуары вызвали в Турции такое острое неприятие? По нашему глубокому убеждению для этого есть, по крайней мере, две причины. Во-первых, в битве при Чанаккале, во время которой, согласно турецкой историографии, бились и погибали за родину лишь турки, не могло быть места для «армянского героя», подобного Саргису Торосяну. Затем, существование «армянского героя», который блестяще выполняет поставленные перед ним задачи и даже дает советы турецким и немецким высокопоставленным чиновникам, бросает тень на образ основателя Турецкой республики Мустафы Кемала, начало формирования сусально-героического образа которого приходится именно на Дарданельскую операцию. По нашему глубокому убеждению именно здесь нужно искать психологические истоки подобной болезненной реакции и противодействия турецких кругов.

Однако на долю турецких националистов и выступающих под лживыми либеральными масками историков выпало очередное разочарование, когда турецкий историк Танер Акчам в городе Филадельфия (США) встретился с внучкой Саргиса Торосяна, которая представила ему оригиналы упоминаемых в книге турецких благодарственных грамот, в том числе документа, подписанного военным министром Энвером, фотография которого представлена в данном издании. Это открытие стало еще одним мощным ударом по турецким позициям отрицания геноцида, еще одной возможностью для разоблачения гнусного подчёрка преступлений Османской Турции, в ответ на заслуги армянского офицера в османской армии, подвергнувшей его родных насильственному переселению и смерти.

К сожалению как в российской, так и в мировой историографии доминирует тенденция представления событий всемирной истории в русле закостеневших подходов и новые материалы о том или ином

событии с трудом входят в оборот или вовсе становятся предметом недоверия или же далекой от академических подходов критики. На деле, мы имеем дело с неким трендом, стремлением интерпретировать события всемирной истории в русле централизованных представлений, где, как правило, доминирует селективный подход, обязательные ссылки на авторитетных, а иногда и вовсе не авторитетных авторов, порой пишущих под заказ и обслуживающих интересы конкретной силы или стороны. Это не может не способствовать дальнейшей маргинализации исторической науки и еще большей банализации принципа историзма.

Быть может, история капитана Саргиса Торосяна в сознании некоторых исследователей представляется чрезмерно одиозной и субъективной, а то и вовсе не соответствующей главному нарративу преподнесения истории Первой мировой войны, так как армянин там выступает в роли защитника Константинополя, а Лоуренс Аравийский вовсе не рыцарь, окутанный ореолом таинственности, а всего лишь простой раздатчик денег английского правительства.

Параллельные истории... Недосказанные и умышленно сокрытые под запретом чьих-то интересов, они, без всяких оговорок, тоже являются частью целого и, поэтому, достойны быть представлены на суд читателя...

Гайк Демоян, д.и.н.,
директор Музея-института геноцида армян НАН РА

ОТ ДАРДАНЕЛЛ ДО ПАЛЕСТИНЫ

Правдивая история о пяти фронтах Турции,
ее союзниках и о гаремном романе

Автор
КАПИТАН САРГИС ТОРОСЯН

Капитан артиллерии и офицер передового наблюдения в турецкой армии; командующий шеститысячным отрядом арабских всадников под руководством Союзников в Дамаске; командир кавалерийского взвода в составе Армянского легиона под командованием французов в Киликии.

*Посвящается памяти моих
преданных мученической смерти родителей*

**ГРАМОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ИМЯ АЛЛАХА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ
КАПИТАНУ АРТИЛЛЕРИИ САРГИС-БЕЮ ТОРОСЯНУ
СЫНУ ОГАНА
МЕСТО РОЖДЕНИЯ – ОБЛАСТЬ КЕСАРИЯ, ГОРОД ЭВЕРЕК**

Капитан Саргис-бей Торосян был командиром батареи тяжелой артиллерии форта Эртогрул (батарея мыса Геллес) в составе шестого полка в период битвы при Дарданеллах. Во время наступления противника на Дарданеллы 19 и 25 февраля 1915г. капитан Торосян отважно и доблестно встретил вражеские военные корабли, один из которых был потоплен, а еще одному были нанесены значительные повреждения. Позже он был командиром форта Румели Гамидие. Во время сокрушительных атак вражеских военных кораблей 18 марта 1915г. он вновь самоотверженно противостоял противнику и потопил еще один вражеский военный корабль, благодаря чему в сражении была одержана победа. Вышеупомянутый человек был ранен в ходе боевых действий, проявил великое мужество и принес победу Имперской армии. В связи с этим от лица Армии ему выносятся благодарность и 16 декабря 1914г. присваивается звание Капитана. Также он был награжден Военной медалью правительством Османской империи.

В подтверждение чего вышеупомянутому лицу была вручена данная Грамота от 18 мая 1915г.

*ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
И ВОЕННЫЙ МИНИСТР – ЭНВЕР.*

БИОГРАФИЯ САРГИСА ТОРОСЯНА

Капитан Торосян родился в 1891г. в городе Эверек, расположенном в центральной части юга Османской империи. Родители Торосяна были армянами. Благодаря обязательному начальному образованию, полученному в армянской приходской школе, он значительно опережал по своему интеллектуальному развитию своих необразованных соседей-мусульман, большинство из которых в те времена не обучались никакой грамоте и которые по своему образу жизни, были едва ли лучше, чем дикари. С юности он был преисполнен желанием стать солдатом, что в соответствии с турецкими законами христианам строго запрещалось, однако, посещая Государственное училище в Адрианополе, он вскоре подружился с молодым арабом по имени Мухаррем, сыном бригадного генерала из Константинополя. Будучи другом Мухаррема, Саргис был принят в его дом и семью как сын, а отец Мухаррема, влиятельный паша, добился зачисления обоим юношей в Военное училище. В выходные Саргис часто гостил во дворце паши, и между ним и сестрой Мухаррема вспыхнул роман.

В 1914г. Торосян окончил Военное училище, получив звание второго лейтенанта артиллерии, и был на три месяца направлен в Германию. Незадолго до того, как Турция вступила в войну, он был назначен командиром форта Эртогрул (мыс Геллес), охранявшего вход в пролив Дарданеллы. С тех пор и до того момента, когда генерал Алленби вошел в Палестину, своей доблестью и навыками, проявленными в боях, Торосян неоднократно удостоивался похвалы со стороны военного начальства и получал награды от Турции, Германии, Австрии и Болгарии. Однако эти годы принесли ему и немало горя, когда он потерял друга своей юности Мухаррема и свою любимую и когда во время резни, устроенной турками, были убиты его родители.

Спустя некоторое время он узнал, что его братья, которые отправились в Америку в то время, когда он поступал в Государственное училище, теперь вернулись вместе с тысячами армянских добровольцев, для того чтобы присоединиться к Союзным войскам, и, переполненный безграничным страхом и ненавистью к двуличным туркам, жестоко убившим его родителей, он воспользовался случаем, оставил свое турецкое командование и перешел на сторону арабов, действующих во главе с Нури Юсуфом, под руководством Союзников. За свою отвагу и великолепные командирские способности, проявленные еще

до Палестины и позже, в военных действиях от Бейрута до Киликии, в которых он участвовал в качестве командира кавалерийского взвода в составе Армянского легиона под командованием французов, он был представлен к английским и французским наградам.

Участие в боевых действиях на пяти разных фронтах, а также глубокие знания условий тех лет, полученные из личного опыта, стали для капитана Торосяна источником обширного материала для написания захватывающего дневника – и мы думаем, что Вы согласитесь с нами в том, что он правильно использовал свой материал.

Капитан Торосян хорошо известен в Филадельфии и ее окрестностях, где он выступал с лекциями перед многочисленными собраниями легионеров.

ВСТУПЛЕНИЕ

Сила и живость этой книги прежде всего объясняются тем, что она представляет собой личный опыт, переложенный на бумагу. Людям всегда интересно то, что видят, делают и чувствуют такие же, как они. Каждый человек, какой бы банальной ни была его жизнь, может рассказать о ней так, что его история станет по-настоящему захватывающей. Если он будет говорить о том, что действительно понимает, его будут слушать. Наши рассказы становятся утомительными, только когда они перестают быть нашими. Они не вызывают доверия. Это инстинктивно чувствуют слушатели и читатели. Работая над своим дневником, капитан Торосян не ставил перед собой подобных ограничений. В этой волнующей истории о самом живописном участке театра военных действий он ясно и динамично описал события, разыгравшиеся на сцене, где он играл реальную и очень важную роль. Историки последующих лет, изучающие Великую войну, исследуя трагически безуспешные действия Союзников при Дарданеллах, а также завоевание Палестины генералом Алленби, обнаружат, что данная книга является ценным источником информации, и найдут в ней материал, который сделает их повествование более детальным.

Можно без преувеличения сказать, что интерес читателя сохраняется на протяжении всей книги, и что с самого начала и до конца повествование весьма интересно. Правда, широко распространено мнение, что люди «пресытились» книгами о войне. Тем не менее это мнение опровергается успехом таких произведений, как «На западном фронте без перемен», «Конец путешествия», «Копья, направленные на нас» и десятка других, которые можно назвать. Несмотря на объективность автора и отсутствие какой-либо пропаганды, призывающей к миру, каждый, кто читает эту книгу и переживает с ним вместе страхи и надежды, опасности и трудности, победы и поражения, через которые ему пришлось пройти, отложит этот дневник с решительным намерением сделать все возможное, для того чтобы был найден лучший способ решения наших политических, расовых и религиозных разногласий, нежели применение оружия. Как странно, что люди не понимают, что они не смогут по праву претендовать на цивилизацию до тех пор, пока им не удастся разрешить свои разногласия, открыто и честно достигнув соглашения.

Хотя капитан Торосян – армянин, и многие персонажи, с которыми мы встречаемся на страницах его дневника, также являются представителями этого народа, его история выходит за рамки национального и временного и находит признание во все времена и среди всех народов. Так, например, в ней можно встретить яркое описание великого Лоуренса, с которым капитан Торосян был связан на протяжении очень недолгого времени, но достаточно тесно, и которому он оказал существенную помощь.

Подводя итог, можно совершенно уверенно сказать, что каждый, кто берет в руки эту книгу, независимо от того, является ли он обычным читателем, которого интересуют истории о приключениях, или студентом, изучающим Великую войну или Ближний Восток, со всеми его трагедиями и достижениями, найдет в ней неиссякаемый источник вдохновения и информации.

Джон Арчибальд Маккаллум

ГЛАВА I

Дни Первой мировой войны

С тех пор как я покинул Восток, прошло больше десяти лет. Для меня это были годы покоя и вместе с тем борьбы за существование в Америке. У меня было много времени для размышлений, и я пришел к выводу, что, в то время как великая радость жизни заключается в том, что ты просто жил, испытывал трепет пылкого восторга и невыносимую мучительность горя, в том, что ты любил и ненавидел, полнота жизни состоит в понимании социальных и экономических сил, которые определяют мотивы, стоящие за поступками людей, классов и народов.

Думаю, что внутренне я до сих пор во многом остаюсь военным, а мое мышление все еще продолжает выдавать образование, полученное мной в Военном училище. Я не писатель.

Возможно, вам покажется, что история, которую я расскажу, – это история о приключениях. На самом деле она повествует о реальном периоде моей жизни. Я заранее прошу меня простить за то, что в моей истории прелесть солнечного дня будет затенена волнующими меня подробностями того, как было выиграно то или иное сражение. Ведь только так я умею рассказывать. Я видел ясное ночное небо пустыни, усыпанное мириадами холодных звезд; и Босфор, окутанный лунным светом; в моей памяти до сих пор живут воспоминания о том, как безгранично прекрасны были одетые в сумерки турецкие сады и как в солнечные дни белые дымки облаков мчались по небу, словно стремительные вестники. Я помню розовые закаты и закаты цвета золота и пурпура. Я знаю о Востоке; я познал боль потери первой любви; красоту наполненных смыслом слов – и скуку лениво брошенных фраз. Но гораздо больше я знаю о войне, об интриге и о чуждых мне горных вершинах, выступающих в угрюмой тьме приближающегося шторма.

Позвольте мне отвлечься всего на несколько страниц. Я обещаю, что больше отступлений не будет. Так я скорее смогу сбросить с себя пелену лет и прийти к тому, что я собираюсь вам рассказать.

Мир меняется. Но в те времена, о которых я пишу, миром правили мрачно парящие над землей тени людей, худых и толстых, низких и высоких. Это были маленькие люди, главной особенностью которых было безразличие к человеческим жизням и готовность пожертвовать

жизнями других для удовлетворения собственного тщеславия. Они были последними вестниками умирающего порядка. Возможно, в истории они займут место среди мрачного и гротескного. Они были символами, символами судьбы, если хотите, в равной степени неспособными чувствовать радость и сожаление, жестоко бесчувственными к героизму и жертвам миллионов людей, которых они считали своими марионетками. Они были столь же безразличны, сколь судьба, но я рад верить в это, не столь неотвратимы. Они были словно зверские и изобретательные в своей жестокости боги, не привыкшие шутить и безжалостные в своем стремлении разрушить жизни бесчисленного множества людей, сотен тысяч миллионов тех, кто страдал и работал не покладая рук и в конечном счете был исполнителем всех великих дел.

Во всем этом есть ирония, поскольку тени, о которых я говорю, были мировыми политиками. А ирония состоит в том, что эти тени, эти политики, каждый в отдельности, были так же незначительны для общественного строя, который они представляли, как незначительны были для них жизни миллионов разоренных ими людей. Они были всего лишь инструментами, купленными на деньги иностранных империалистов, правивших всем миром в те дни, о которых я пишу. Это были люди, чьи империалистические интриги с другими государствами привели к резне, в которой были убиты мой отец и моя мать, и сотни тысяч, миллионы моих соотечественников. Это были предатели, лишившие права на жизнь последующие поколения. И они были обречены на смерть, как когда-то был обречен мой народ.

Во время Мировой войны я был капитаном, командиром турецкого артиллерийского дивизиона, а позже возглавлял шеститысячную арабскую кавалерию в восстании арабов во времена, когда полковник Лоуренс Аравийский все еще тащил мешок с британским золотом далеко за пределы фронта. Мы называли его по-арабски «Хаваджа-эль-Масра», что означало «казначей». В действительности он был не только казначеем, но и табельщиком, которого назначили следить за тем, чтобы у наших британских господ империалистов весь день была работа.

Было время, когда я искренне верил в то, что убийцы моих родителей и моего народа – турки, и что причина смерти моей сестры – их жестокость, но теперь я знаю, что настоящие убийцы – Англия и Франция, хотя это могла быть и любая другая империалистическая

страна. Турки были всего лишь инструментом в руках иностранного империализма.

Я говорю, что это были Англия и Франция, потому что я командовал турецкой батареей форта Эртогрул (мыс Геллес) на Галлипольском полуострове и видел, как английские и французские линейные корабли громят наши оборонительные сооружения форт за фортом. И я видел, как победители уплывают, отказываясь от победы и более не возвращаясь. Мировая война могла бы быть окончена еще до того, как она началась, если бы Англия хотела победы при Дарданеллах. Но английский и французский империализм не хотели победы, они не хотели, чтобы русский империализм контролировал поверженные Дарданеллы, не хотели, чтобы Россия претендовала на индийские колонии Англии или угрожала влиянию Франции в Средиземноморье. И поэтому были убиты мои родители, и бесчисленное множество людей героически погибли в бессмысленных боях на сотне военных фронтов.

Несмотря на то, что я служил в турецкой армии, по происхождению я армянин, и я был одним из немногих христиан, которые стали офицерами турецких османских вооруженных сил.

В этом маленьком абзаце я сообщаю о своей национальности и о том, где я жил, как мне кажется, настолько ясно, насколько это возможно. Мне очень сложно описывать в подробностях мой старый дом. Это был мир совершенно чуждый Америке.

Будучи угнетенным национальным меньшинством в стране невежественных людей, умы которых находились во власти муэдзина¹, людей, которых эксплуатировали и которыми не могли управлять, мы, армяне, всегда жили в атмосфере тревоги и секретности. Мы жили в стране, где правили шпионаж и кровопролитие, чудовищное насилие, зверство и резня. Одним словом, думается мне, мы жили так, как потом было суждено жить другим национальным меньшинствам по всему миру. В нашем отчаянном стремлении к автономии мы были обмануты сначала империалистической Россией, затем империалистической Англией и, наконец, империалистической Францией. Однако название стран не имеет значения. Цели и сущность иностранного империализма меняются только внешне; в корне своем он остается бесчестным и отвратительным. Иностранцы империалисты, попытки толкнувшие нас на восстание и борьбу за национальную идею,

¹ Муэдзин – служитель мечети, призывающий мусульман на молитву.

были молотом, а наковальней были турецкие массы, подстрекаемые их лидерами, демагогами, которые пытались отвлечь их от их убогого существования, натравливая их против армян и возбуждая в них религиозный пыл и фанатизм. В нас пробуждали фантастически сильную национальную идею, пока в конечном счете турки, в отчаянии перед нависшей угрозой нашего восстания, не приняли решения покончить с Армянским вопросом, устроив самую страшную резню времен Великой войны.

Когда я вспоминаю свое отрочество, мне кажется, что в самой атмосфере, в самих домах, в которых мы жили, в церквах, в которых мы молились, в школах, в которых мы учились, было что-то военное. Мы словно жили в осажденном городе, в военном лагере, только в нем не было оружия, потому что ни одному христианину в Османской Турции не разрешалось держать оружие, даже саблю. Воздух, постоянно заряженный слухами, до предела натянутой сдержанностью, мрачным терпением и бесконечным страхом, был всегда наэлектризован. И всегда мы, армяне, живущие в Эвереке, ждали какого-то мистического знака, предзнаменования, которое бы разожгло назревающий мятеж; религиозного предзнаменования.

Я учился в высоких стенах приходской школы, принадлежавшей армянской церкви. Я словно учился в крепости. Стены этой крепости, высота которых достигала шести метров, окружали приходскую школу, церковь и дома священников.

Наши собственные дома тоже были построены таким образом, чтобы обеспечить максимальную безопасность безоружному и постоянно преследуемому армянскому народу. Они были обнесены толстыми каменными стенами и зачастую вмещали от шестнадцати до двадцати комнат, чтобы целые семьи: дяди, тети, бабушки и дедушки - могли жить как можно ближе друг к другу; и в этой нашей скученности, в этой сплоченности была наша единственная защита. В каждом доме была только одна входная дверь. Она была огромной и изготавливалась из больших досок цельного дерева. Под домами проходила целая сеть подземных ходов и комнат, в которых женщины и дети были вынуждены жить без соблюдения элементарных этических норм до тех пор, пока правительство не приняло решение остановить спровоцированные им погромы. Армяне сражались палками и камнями, единственным оружием, которое у них было.

Еще одна особенность, которую я помню, состояла в том, что в армянских городах и деревнях дома были построены так близко друг к другу, что их крыши соприкасались. И это тоже было проявлением сплоченности. Нашей единственной защитой. Даже те, кто держали хозяйство, жили в деревне и каждый день отправлялись на ферму, которая располагалась на окраине.

Я провел свое детство, играя в тени мрачных стен и страха, и был еще подростком, когда в турецкой области Киликия были вырезаны тридцать пять тысяч моих соотечественников. Это произошло сразу после мятежа младотурок в 1908г., в то самое время, когда турки и армяне радовались свержению султана Абдул-Гамида. Результатом этой резни было окончательное низложение султана. Он был брошен в тюрьму, и все мы были убеждены в том, что в стране наконец наступил покой, и теперь мы свободны от преследований. Мои старшие братья отправились в Америку, о которой тогда слагали легенды как о стране изобилия. Нашей семье едва хватало средств для существования, а деньги, присланные из Америки, очень бы нам помогли.

Турецкая угроза и Армянский вопрос должны были остаться в прошлом.

ГЛАВА II

Золотые дни гаремов

В наших воспоминаниях прошедшие события всегда кажутся намного более важными, чем в те дни, о которых мы вспоминаем. Незначительные события, которые мы дорисовываем в своих мыслях, со временем становятся очень важными; и совершенные нами в прошлом поступки часто определяются и объясняются нами таким образом, чтобы соответствовать нашему нынешнему мировоззрению. Я старался избежать этой ошибки. Мне действительно кажется, что мы, маленькие армяне Эверека, играли солдат гораздо более серьезно и с несколько большим рвением, чем кто-либо, поскольку для армянина быть настоящим солдатом в турецкой армии, а не просто призванным на военную службу, было практически невозможно. Однако в целом, если не считать постоянно нависающей над нами тени страха, моя юность была небогата событиями.

Моя жизнь завертелась по-настоящему, только когда я был в тысяче километрах от дома, ценой великой жертвы со стороны моих родителей став студентом Турецкого государственного училища в Адрианополе. Тогда и началась моя странная карьера.

Много лет назад, когда рана от пережитого мною горя была еще совсем свежа, если бы вы попросили меня в одном предложении рассказать вам о своей жизни, я бы ответил, что она началась с дружбы в Адрианополе и закончилась в оливковой роще у входа в один старенький садик в Аравии.

Мухаррем был арабом. Его отец, паша, был бригадным генералом из Константинополя.

Судьба! Шанс!

Судьба – это итог, а шанс – ветер, который приводит нас к этому итогу. И они непостижимы.

Вы можете обвинить меня в празднословии. Сказать, что во мне проявляется мистицизм Востока. И все же, не встретить я Мухаррема, кто знает, как бы все сложилось.

В первые дни учебы в училище мы были не более чем однокурсниками. Начало нашего общения не было ознаменовано ничем, и все же мы стали друг для друга близкими друзьями; ближе, чем братья. К тому времени, когда наступили наши первые летние каникулы, мы уже были неразлучны, а благодаря письмам, которые Мухаррем по-

лучал от родных, я познакомился с его семьей так же близко, как если бы это была моя семья. Несомненно, письма Мухаррема были полны рассказов о нашей дружбе, так как меня пригласили провести каникулы во дворце паши на Босфоре.

Как бы я хотел описать вам трепет тех чудесных дней, такой, какой я испытывал тогда и испытываю до сих пор; тот ослепительный блеск, то изумление, которое охватило меня, когда я очутился среди непривычной для меня роскоши.

Во дворец меня окружали спокойное величие и пышность Востока; дорогие мозаики, богатые ткани, бесценные персидские ковры, перед которыми я иногда сидел в восторге на протяжении долгих минут, не в силах оторвать глаз от разнообразных рисунков, восхищаясь мастерством ткачей; серебристая парча на высоких окнах; тахты, обитые кожей ручной выделки.

Я словно очутился в сказке. Это было так восхитительно реально и вместе с тем невероятно, и я уверен в том, что добрая мать Мухаррема и его очаровательные чуткие сестры понимали мои чувства. Дом паши стал для меня местом, где я чувствовал себя по-настоящему счастливым и где началось мое долгое, полное волнений путешествие, которое привело меня в тот незабываемый садик в Аравии, где меня ждало горе.

Вам когда-нибудь доводилось вглядываться в чистые безмятежные глаза, черные и сверкающие, смотреть, как свет и тени играют на нежном, утонченном, словно камея², лице и шепчут слова, которые необязательно произносить вслух? У Джамили были такие глаза. Она была младшей сестрой Мухаррема и, к сожалению, мне придется это признать, более кокетливой, чем старшая – Фериде.

Я не знаю, будет ли когда-нибудь еще луна светить так восхитительно прекрасно, как в те дни, когда она освещала воды Босфора и когда ее спокойное сияние проникало в комнаты через узорчатую решетку окон, в те дни, когда воздух был полон благоуханий сада.

Годы нашей учебы в Государственном училище Адрианополя пролетели, словно шелест страниц; это были беспечные, счастливые, светлые годы, после которых Мухаррем поступил в Военную академию, а я остался на распутье. Куда мне идти учиться? На государственного служащего? Я выбрал наверно самое невозможное для всех христиан армян призвание, решив стать офицером турецкой армии.

² Камея – миниатюрный портрет, как правило, профиля женской головки, тщательно и в мельчайших деталях вырезанный на камне овальной формы.

Я никогда не забуду тот день, когда, сразу после того, как мы окончили училище и вернулись домой, паша пригласил нас на обед. Он сидел один в большом приемном зале. Его темная величественная фигура выступала в свете огромной серебряной люстры с мириадами зажженных свечей. На торжественном столе, стоявшем у дивана, сверкали золотые и серебряные блюда с фруктами и орехами, накрытые шелковыми тканями.

Мухаррем первым заговорил о том, чтобы я поступил в Военную академию вместе с ним.

Я был потрясен безрассудной смелостью своего друга и вместе с тем настолько подавлен и разочарован, когда паша подчеркнул строгость турецкого закона, что побледнел и почувствовал дурноту. Я не преувеличиваю; мне было так плохо.

Кажется, паша был огорчен не меньше, чем я. Он долго сидел молча. Его черные глаза задумчиво и напряженно смотрели куда-то в пустоту, не замечая нас. Через некоторое время он улыбнулся и сказал, что нам не следует терять надежду.

В течение следующих нескольких дней я беспокоился блуждал по дворцу, забредая в своем беспокойстве то в одни, то в другие его уголки.

Прошла неделя, и нам с Мухарремом сообщили о том, что паша будет устраивать праздничный ужин в честь премьер-министра³ на который были приглашены приближенные высокопоставленных военных деятелей и другие государственные сановники, которые, по мнению паши, могли помочь осуществлению его планов. Мы не присутствовали на ужине, однако позже нам было велено туда явиться, когда паша красноречиво попросил у своих гостей, чтобы, ради его семьи, они помогли ему устроить меня, его второго любимого сына, как он меня назвал, учиться в Военное училище вместе с его сыном Мухарремом. Потом нас с Мухарремом представили поочередно каждому сановнику. Я вышел из зала потрясенный. В моей голове толпились роскошные мундиры, смуглые лица, растянувшиеся в дружелюбной улыбке из-под усов, и бокалы вина, поднятые за наше здоровье.

Прошло две недели, а может быть, и больше. Я бродил по дворцовым садам, размышляя о будущем, и то и дело сталкивался с Джамилей у решетчатого окна или на садовых тропинках, и мной овладело желание украдкой поговорить с ней.

³ Имеется в виду Министр внутренних дел Талаат-паша.

Должно быть, это покажется ужасно старомодным, но в то время для девушки из турецкой семьи было непростительным и постыдным заговаривать с молодым человеком, если только она не находилась в сопровождении взрослой женщины.

Тем не менее большинство влюбленных юношей и девушек находили способ обойти это правило, даже несмотря на охраняющих гарем евнухов. Однако мы с Джамилей были менее удачливы. Между нами стояло не только различие в наших религиях, но и то, что я был в огромном долгу перед пашой.

И все же я влюбился в эти черные глаза, глядевшие на меня поверх турецкой вуали и сверкавшие, словно звезды в ясную ночь. Это была любовь, которую молодые американцы едва ли поймут: преданная, пылкая, верная и страстная, пусть даже мои губы ни разу не коснулись ее рук. Мы разговаривали глазами, а в мимолетных жестах и трепете рук были сокрыты целые любовные послания.

Потом однажды паша пришел домой и обнял нас с Мухарремом, и я понял, что моя мечта наконец осуществилась.

Все последующие дни до того момента, когда осенью мы были зачислены в Артиллерийское училище, я был словно в счастливом бреду. Меня охватывал неопишуемый восторг. В моей памяти, кажется, все еще жива радость, которую я испытывал в те дни, хотя я помню все достаточно смутно, если не считать того, что я написал своим родителям, и в честь моего поступления они устроили большой пир.

В Артиллерийском училище я был самым прилежным студентом. Я усерднее всех упражнялся в фехтовании, гимнастике и верховой езде. Я знал, что я гордость училища и обязан вести свой курс – и я вел его.

Пятница в Турции была священным днем отдыха. В этот день мы, студенты, надевали свои лучшие формы и отправлялись навещать друзей и родителей. Паша всегда присылал за Мухарремом и мной специальное ландо⁴. Как прекрасен был мир! Каким блистательным казалось мое будущее! Я не знаю, Паша ли больше гордился мной, или я им. Казалось, что жизнь всегда будет такой. Обучение в Военном училище, великолепные мундиры, ландо, приехавшее за нами по выходным, и счастливые мгновения, когда все мое уважение, вся

⁴ Ландо – четырехместная пассажирская повозка со складывающейся крышей.

Я не знаю, как в эти безумные дни до нашего отбытия на фронт, среди этого возбуждения и замешательства, я смог удержаться от того, чтобы прижать Джамилю к своей груди. Она казалась еще совсем ребенком в своем непомерном беспокойстве за Мухаррема и меня. Она не могла ни есть, ни спать. Ее лицо стало мертвенно бледным, а в глазах, полных тревоги, стояли слезы. Думаю, уже тогда жена паша догадалась о нашей тайной любви.

В ночь перед отъездом я нашел на своей подушке розы, которые Джамиля сорвала в саду; они все еще хранили прохладу сумерек и сладкий аромат ее нежных пальцев. Она обвязала их своим платком и вложила в букет маленькую карточку с надписью «Торосяну от Джамили». Едва ли она смогла бы выразить свою любовь полнее, даже если я сжимал бы ее в своих объятиях, вслушиваясь в дорогие сердцу слова, которые она боялась произнести.

Вам когда-нибудь случалось улыбаться и чувствовать, будто вы гримасничаете перед лицом чего-то величественного, чего-то несоизмеримо более важного, чем вы? Вам когда-нибудь доводилось говорить оживленно и многословно и при этом ощущать себя глупым попугаем, бормочущим одни и те же пустые слова? Во время нашего последнего завтрака перед отъездом мы с Мухарремом пытались говорить и смеяться, и именно так я себя чувствовал. Паша, который всегда ходил с гордо вздернутым подбородком, в этот день сидел, понурился голову. Мать Мухаррема и Фериде тихонько плакали. Милая маленькая Джамиля беспомощно оглядывалась по сторонам. Она попыталась улыбнуться, когда Мухаррем пошутил и предложил заключить пари о том, что мы вернемся через три недели. Никто даже не притронулся к еде. Напряжение продолжало расти, и я уже был уверен, что в конце концов кто-нибудь вскрикнет. Я чувствовал себя ничтожным и смешным.

Стук копыт, внезапно донесшийся с подъездной дороги, разрядил накаленную до предела атмосферу. Мне, как и Мухаррему, было ужасно жаль их, но мне и вправду казалось, что глупо поднимать такую панику вокруг того, что, по нашему мнению, должно было быть волнующей забавой и не более.

Сквозь открытые окна слышно было радостное ржание лошадей. Наконец паша встал, и мы поняли, что наши приключения начинаются. Вдруг мать Мухаррема отозвала сына в сторону и сказала, что

ей нужно кое-что ему сообщить. Это было так непохоже на эту благовоспитанную женщину, дружелюбную и вместе с тем всегда строго следовавшую правилам этикета, что я не мог не обратить на это внимания и, не в силах удержаться от нескромного любопытства, украдкой взглянул в их сторону. По ее жесту и кивку я понял, что она говорит о Джамиле, и, так как они стояли достаточно близко, я заметил неожиданное удивление на лице Мухаррема. Позже мне казалось, что в этот момент я что-то понял, хотя на самом деле, думаю, в это время, в спешке и суматохе отъезда, я не мог ничего понять. Только много месяцев спустя я вспомнил этот разговор Мухаррема с матерью.

Паша подошел сначала к Мухаррему, а потом – ко мне, и мрачно поцеловал каждого из нас в лоб.

А потом, прежде чем кто-либо успел понять, как все произошло, мы уже сидели в ландо на пути к пристани. В первом ландо сидели паша и мы с Мухарремом, а во втором – мать Мухаррема и его сестры. Чуть впереди нас ехало ландо бригадного генерала Шукри-паши, бывшего командира Армейского корпуса Монастира. Я улыбнулся Мухаррему, потому что знал, что в этом ландо сидит его возлюбленная, дочь паша Нурий. Она была столь же дерзкой, сколь робкой была моя маленькая Джамиля. Помню, как однажды она пригласила нас с Мухарремом, и мы, нарушив все законы гарема, тайно провели три часа в обществе Нурии и ее подруг, пока паша и его жена были на официальном приеме, а огромный черный евнух-араб Гарем Агаси, следивший за гаремом, притворился, что ничего не видит, как и стражи у дворцовых ворот, внимательно высматривавшие в небо луну. К счастью, генералы, по крайней мере, турецкие, возвращаясь во дворец, поднимают очень много шума, и звук горна известил нас о прибытии Шукри-паши. Дружелюбный слуга проводил нас по безлюдному залу и коридору во двор, откуда мы вышли через маленькие и, вероятно, секретные ворота, укрытые в розовых кустах.

Мы прибыли к пристани. Нурия, пылкая и страстно влюбленная, вновь презрела все условности и, торопливо приподняв вуаль, поцеловала Мухаррема в губы. И в этот момент я подумал, что война не так уж ужасна, если под предлогом приближающегося расставания юная турецкая девушка может открыто поцеловать своего возлюбленного в губы.

Джамиля стояла рядом со своей матерью. Я поцеловал ее руку и в ее глазах, в этих кротких черных глазах, в которых играли свет и тени, прочел слова, предназначенные мне одному.

Раздался гудок, мы шелкнули каблуками, отдали честь и среди шума голосов, взывавших к Аллаху, наконец отплыли. Море подкрасилось к кораблю и разделило нас, и теперь, когда мы стояли у лееров, казалось, толкало землю все дальше и дальше. Я помахал Джамиле платком, которым она связала сорванные для меня розы. Она послала мне воздушный поцелуй. Земля уплывала все дальше. Я смотрел на любимую до тех пор, пока она не исчезла полностью, пока она не растворилась в таинственной дали, хрупкая камешка с большими черными глазами.

В этот день ни мне, ни Мухаррему не хотелось говорить, и, когда нас накрыла ночь, мы стояли у леера⁶ и смотрели на волнуемое море. Я вспоминал о пережитых мною счастливых мгновениях и в этих воспоминаниях открыл для себя печаль, которая таится в прощании.

⁶ Леер – (на судах) трос, служащий для постановки парусов, предотвращение падения людей за борт, просушки белья и т.д.

ГЛАВА III

Сражения при Дарданеллах

Туманным утром меня, молодого офицера, второго лейтенанта, еще совсем недавно студента Военного училища, высадили на оконечности Галлипольского полуострова. Теперь я был командиром форта Эртогрул. И вдруг впервые война начала казаться мне чем-то серьезным; это была не шутка. В моих руках был форт, и мне нужно было что-то с ним делать. Когда я принял командование от своего предшественника, должно быть, я показался ему ужасным занудой, как и все вторые лейтенанты. Все дело в том, что я вдруг почувствовал очень сильное волнение, осознав всю ответственность, которая на меня легла. Я приготовился осмотреть форт.

Я сразу же отметил для себя несколько фактов:

Факт первый: Расположение форта Эртогрул было весьма заметным, и, несомненно, он был одним из наиболее важных фортов, охранявших вход в пролив Дарданеллы.

Факт второй: Противник должен был сначала направить свои силы против форта, и только после этого он мог надеяться на серьезное продвижение.

Факт третий: Возможно все-таки, война была не такой уж забавой.

Факт четвертый: Батарея располагала двумя 25,5-сантиметровыми пушками Круппа, установленными на круговых рельсах прямо у входа и способными стрелять в любом направлении.

Факт пятый: Каждый снаряд весил 650 килограмм.

Факт шестой: Казармы размещались на расстоянии примерно 125 метров по прямой линии позади пушки.

Факт седьмой: Гарнизон состоял из ста пятнадцати человек, каждый из которых отвечал за восстановление фортификационных сооружений или хранение продовольствия и боеприпасов. Вокруг царила такая суеда, и ощущение готовности было настолько сильным, что я приготовился в любую секунду услышать о наступлении вражеского флота.

Осмотр был завершен, и я нанес визит вежливости командиру более крупного форта Сед-уль-Бахр, который располагался на расстоянии всего полутора километров от форта Эртогрул. Я отметил, что в связи с крупными размерами и заметным расположением этот форт более уязвим при обстреле с дальних расстояний, чем мой маленький форт с батареей, состоявшей из двух пушек.

В форте Сед-уль-Бахр, основную батарею которого составляли пять пушек ближнего радиуса действия, царила та же атмосфера готовности, то же чувство надвигающейся бури. Все это выглядело немного преувеличенным. С тех пор, как я покинул дворец паши, мир казался мне бессмысленно накаленным до предела.

По возвращении в форт Эртогрул я внимательно изучил карты фортификационных сооружений Дарданелл и обнаружил, что по другую сторону пролива, на азиатском берегу, располагаются форты Кум-Кале и Орхание соответственно. Они были приблизительно тех же размеров и очертаний, что и форты Эртогрул и Сед-уль-Бахр, и располагали артиллерией примерно такой же мощности.

Помимо четырех фортов, вход в Дарданеллы охраняли еще девять дополнительных фортификационных сооружений, построенных на пологом берегу: пять из них размещались на азиатском берегу, и четыре – на европейском. Эти укрепления располагали в общей сложности тридцатью пятью артиллерийскими установками. Только пять из них были способны стрелять на расстояние 14 000 метров, и шесть – на расстояние 10 000 метров. Дальность стрельбы остальных пушек составляла 8 000 метров. Все они относились к стационарному типу и были закреплены на цементном постаменте под углом 45 градусов. Я вспомнил свое обучение в Германии и современные артиллерийские установки, которые я там видел, и провел много времени, размышляя над состоянием наших укреплений. Помню, как, отметив про себя, что дальность стрельбы морской пушки должна составлять 20 000 метров, я нервно пожал плечами.

На протяжении нескольких недель мы ждали, готовились, неизменно внимательные и напряженные; и каждое утро, только проснувшись, мы видели вдали патрулировавшие море британские миноносцы; а по вечерам, когда ночь еще не успевала лечь непроглядной пеленой на воды Дарданелл, мы все еще различали на фоне темнеющего неба их неустанно рыщущие силуэты. Прошло три недели, и ничего не происходило.

Рано утром 3 ноября 1914г., за два дня до того, как Турции была объявлена война, один из моих наблюдателей разбудил меня и доложил о том, что британские и французские корабли приближаются и, очевидно, готовятся к наступлению.

Я приказал направить на них все силы, распорядился привести в боевую готовность пушки и поспешил к наблюдательному посту на

холме Аджи-Баба, возвышавшемся над нашей крепостью. Я доложил в штаб о приближении вражеских кораблей и принялся ждать дальнейших инструкций. В ответ на мое сообщение мне посоветовали держать солдат в укрытии и не предпринимать активных действий.

Британские и французские военные корабли приблизились к нам на расстояние около 12 000 метров и открыли шквальный огонь по фортам Сед-уль-Бахр и Кум-Кале. В семь утра, спустя полчаса непрерывного обстрела, они уплыли.

Я уже собирался покинуть наблюдательный пост, когда раздался ужасный взрыв, от которого земля задрожала так сильно, будто произошло землетрясение. Я бросился к телефону и позвонил в штаб. Что случилось? В тот момент никто еще не знал. Но вскоре мы узнали, что в склад боеприпасов форта Сед-уль-Бахр через вентиляционное отверстие попал снаряд, выпущенный одним из британских кораблей, и что было уничтожено пятьсот офицеров и других укрывавшихся там людей. Они были в буквальном смысле разорваны на куски. Единственным, кто остался в живых, был полковник Халил-бей. Когда я увидел его, он был обезумевшим от пережитого.

Для меня становилось все более очевидным, что война – весьма отвратительное дело, и я все больше думал о своих родителях в Эвреке, о Джамиле, и с каждым днем моя уверенность в том, что я смогу преодолеть все препятствия, понемногу убывала, так же как и вера в то, что я родился под счастливой звездой.

Прошло еще пять недель в неизвестности и постоянном монотонном ожидании. Рано или поздно вопрос будет поднят, и британские и французские корабли вновь начнут наступление на форт. Но когда? И почему они так тянут с этим? Между тем неизменный патруль британских миноносцев не прекращался.

Днем 13 декабря, когда я находился на собрании офицеров в форте Сед-уль-Бахр, произошел еще один ужасный взрыв. Мы все поспешили к наблюдательным постам, но не обнаружили никаких признаков присутствия противника, если не считать постоянно патрулировавшие воды пролива миноносцы. Мы слабо различали крики людей, доносившиеся до нас со стороны пролива, который мы не видели со своей позиции, выходящей на море.

Вскоре из штаба командующего нам сообщили, что турецкий военный корабль «Мессудие» был подорван торпедой, выпущенной подводной лодкой, и теперь тонул.

Оставив наблюдательный пост, я помчался к ближайшему обзорному пункту и успел увидеть его прямо перед тем, как он накренился и пошел ко дну. Я видел, как матросы в суматохе бросаются к спасательным шлюпкам. Некоторые прыгали за борт. Все это казалось безумным, невероятным. Это было похоже на картину, изображавшую кораблекрушение. Такое не могло происходить в действительности. Повсюду на поверхности воды были люди; ко дну пошел куттер; на воде покачивались спасательные круги; люди тонули. Когда корабль исчез с поверхности, огромный столб воды взметнулся вверх.

Позже мы узнали, что одной из вражеских подводных лодок, благодаря огромному мастерству и, конечно, во многом благодаря везению, удалось проложить себе путь на пятнадцать километров вглубь пролива через огромное количество мин. Удар, нанесенный «Мессудие», оказался таким неожиданным и пришелся на такую важную часть судна, что привел к гибели двухсот с лишним человек экипажа. Через полчаса все закончилось.

Я постепенно начинал осознавать всю мощь и разрушительную силу войны.

Прошло еще чуть более двух месяцев бездействия. Миноносцы продолжали свое неусыпное рысканье вдали в море, а мы ждали и готовились, готовились и ждали. Я уже стал задумываться над тем, что, возможно, в конечном счете война может оказаться всего лишь парой несчастных случаев, приведших к большим жертвам: случайный снаряд и попадание в цель подводной лодки.

Но утром 18 февраля 1915г. нас неожиданно разбудил шум, который до этого мы ни разу не слышали: гул моторов высоко в небе. Два больших вражеских самолета, летевших вне зоны действия наших устаревших зенитных установок, сбросили нам несколько пачек листовок и повернули в сторону моря. Прочитав эти листовки, я решил, что, вне всякого сомнения, принимаю участие в одной из самых странных войн, поскольку нам сообщалось о том, что объединенная группировка французских и английских войск планирует крупное наступление. Копии писем я направил командующему фортификационными сооружениями на Дарданеллах генералу Джевад-паше, и, насколько я знаю на сегодняшний день, они содержатся в архивных документах. Наш противник умел не только разрушать, но и проявлять учтивость.

Всем укреплениям было приказано перейти в боевую готовность, и на этом этапе форт Орхание, расположенный прямо напротив моего форта, был передан немецкой артиллерийской батарее.

Я провел день, проверяя состояние наших укреплений и готовность солдат и артиллерийских установок. Этой ночью, вернувшись к себе, я впервые задался вопросом относительно стратегии Союзников. Новостей о крупных сражениях на море не было, а немецкий флот в этот момент был надежно отрезан от нас. Так почему же французы и англичане тянули с наступлением на наши позиции? Почему их атака 3-го ноября была такой пассивной? И с чего, подумать только! Это странное проявление благородства и объявление о планирующемся наступлении? Неужели они так презрительно относились к нашей способности воевать и к нашим укреплениям, что решили предоставить нам возможность отступить? Или, возможно, начал я смутно предполагать, может быть, но могло ли быть такое, что англичане и французы не хотели брать Дарданеллы? Но ведь это был полный абсурд.

Все же этой ночью, когда я остался наедине с собой, меня занимали не только размышления о военных стратегиях. Что принесет завтрашний день? Я был уверен в том, что мы находимся на пороге масштабного сражения, и я был не столько взвинчен, сколько утомлен. И, возможно, это покажется парадоксом, но я чувствовал все бремя своей молодости. Едва успев окончить военное училище, я уже командовал важным фортом, а между тем надвигалось крупное сражение. Мне было очень одиноко, и я позвонил Мухаррему в штаб командующего, который располагался в пятнадцати километрах от форта Эртогрул. Больше десяти минут продолжался этот весьма важный телефонный разговор, и все это время мы успокаивали друг друга, как две испуганные девицы. Не могу сказать, что меня успокоили слова Мухаррема о том, что генерал Джевад-паша, обсуждая укрепления, отметил, что, несмотря на мою молодость, он верит в мои способности и правильность моих суждений в командовании. В своих способностях я очень сомневался, а что насчет правильности суждений – я был уверен в том, что, если у меня и есть какие-либо суждения в отношении командования, то они неправильны.

Я не мог уснуть: мысли, волнения и проблемы вертелись в моей голове. Я задумался над неопределенными слухами, все чаще ходившими в офицерских кругах, о том, что обстановка в самой Турции в последнее время весьма напряжена и что Армянский вопрос вновь принимает

все большие масштабы. У турецких властей были свои собственные серьезные проблемы, и они, несомненно, искали эффективный способ окончательно решить Армянский вопрос традиционным и наиболее быстрым путем, который только мог прийти им в голову, а именно – резней, организованной правительством. Все это было неточно, но я помнил свою юность и историю моего народа и моих близких.

Мои близкие! Прошло шесть лет, с тех пор как я в последний раз видел их; мои братья были далеко; дома остались только стареющие родители и младшая сестра, которая была еще маленьким, словно тростинка, ребенком, когда я уехал. Что ждет их в будущем? Что будет с ними, если я погибну? Война уже успела научить меня тому, что смерть и в самом деле может стать концом приключений. Я не сомневался в том, что, пока я жив, будучи офицером турецкой армии, я могу быть уверен в том, что моя семья находится в безопасности. В этот первый критический период своей жизни я думал о родных больше, чем когда-либо прежде. Этой ночью я спал беспокойно.

19 февраля выдался холодный день; сырой воздух пронизывал до костей, а с поверхности воды тяжело поднимался густой туман. Я проснулся рано, в шесть часов утра, и взял бинокль самого дальнего обзора. На фоне утреннего неба я разглядел едва различимые очертания 24 приближавшихся кораблей. Я постоянно находился на связи со штабом и видел, как клубы дыма над крошечными точками на горизонте разрастаются, принимая все более устрашающие размеры. Я понятия не имел, с какой скоростью плывут корабли. Было ясно одно: они приближаются очень быстро.

Я получил из штаба приказ не открывать огонь до тех пор, пока противник не нанесет первый удар. Поэтому я приказал своим солдатам укрыться в блиндажах и ждать, пока не наступит время занимать места у орудий.

Я очень сильно опасался размера и дальности стрельбы вражеских установок и начал беспокоиться о том, будет ли у нас вообще возможность открыть огонь по противнику. Я знал, что, если они обнаружат наши позиции и определят разделяющее нас расстояние, мой маленький форт может быть разрушен очень быстро.

В 7:30 утра французские линейные корабли заняли позицию с правой стороны пролива, а английские корабли расположились слева на расстоянии 10 000 метров от берега.

Наступила ужасная напряженная тишина, угрожающая, предгро-

зовая. Это были не самые счастливые минуты моей жизни. По-видимому, все это время российский крейсер «Аскольд» выполнял наблюдательные функции, поскольку он не предпринимал никаких попыток принять участие в последовавшем наступлении.

В 8:00 утра немцы, занимавшие форт Орхание, очевидно, не в силах выдержать напряжение и вопреки общему приказу, полученному нами, открыли огонь, вместо того чтобы подождать, пока противник перейдет в наступление. Их стрельба была для нас губительной, потому что снаряды попадали мимо цели и выбрасывали тонны воды в воздух.

И этот залп послужил началом настоящему аду, когда вражеский флот нанес ответный удар, беспощадно обрушивая град снарядов на форт до тех пор, пока не превратил его в гигантский костер на берегу пролива; форт был охвачен пламенем; в воздух взмывали сотни, тысячи обломков, и в небо поднимались огромные столбы дыма.

Внезапно длинную, в несколько километров, полосу берега объяло яростное шипящее пламя: противник разделился и направил огонь по фортам Сед-уль-Бахр и Кум-Кале. От чудовищной канонады под нами затряслась земля. Все вокруг в радиусе многих километров покрыла густая пелена дыма, в котором ничего нельзя было различить; было практически невозможно прицеливаться, поэтому после десятка сделанных вслепую выстрелов я понял, что мы впустую тратим снаряды, и сообщил об этом в штаб полка. Полковник Халил-бей, командующий боевыми действиями, дал мне указания действовать так, как я считаю должным.

В 10:30 утра я приказал своим солдатам укрыться на складах боеприпасов, вернулся к своему месту на наблюдательном посту и продолжил внимательно следить за дальнейшими действиями противника.

Воды пролива превратились в хаос, в настоящий ад, в безумную картину обезумевшего мира: столпотворение кораблей, пушечная стрельба и тонны кипящей воды и грязи, которые выбрасывались в небо разрывающимися снарядами; казалось, что снаряды летят во всех направлениях, без какой-либо цели, без смысла. Под ужасающим огнем валом земля заходила ходуном, а от оглушительного грохота моя голова начала разрываться от боли.

Около 11 утра огонь прекратился, только кое-где продолжали раздаваться прерывистые звуки стрельбы. Я увидел в бинокль, что от

форта Орхание остались только обуглившиеся руины, от которых все еще поднимался в небо густой дым. В фортах Сед-уль-Бахр и Кум-Кале ситуация была немногим лучше. Практически все их артиллерийские установки замолкли. Только слабые выстрелы одной из их батарей, которая все еще продолжала героически сопротивляться, свидетельствовали о том, что они еще не были до конца уничтожены. Для турок это было гибелью.

В полдень боевые действия прекратились, и, празднуя победу, оркестры заиграли военные марши.

Вскоре после часа дня противник возобновил атаку, на этот раз направив огонь на мой форт Эртогрул. Я приказал солдатам оставаться в блиндажах, а сам снова вернулся на наблюдательный пост. Мы не выпустили ни одного снаряда. Вражеские самолеты приблизились и начали кружить у нас над головой. Мы не подали никаких признаков жизни. Никого не было видно.

По всей вероятности, их наблюдатели донесли о том, что Эртогрул также повержен, поскольку корабли противника начали смело двигаться по направлению к входу в пролив.

В 3 часа дня один из кораблей приблизился к нам на расстояние примерно 5 000 метров от моих пушек. Некоторое время он оставался на месте, словно для того, чтобы направить на наши укрепления огонь также и других кораблей в более отдаленных частях пролива.

В 3:30 дня мои солдаты заняли места у орудий, и я тщательно определил разделявшее нас расстояние и установил дальность стрельбы. В четыре я дал приказ открыть огонь.

У вражеского корабля не было шансов, так как он находился прямо на линии нашего огня. Прежде чем его экипаж понял, что происходит, мы успели нанести серьезные повреждения бортам судна. Экипаж безуспешно пытался исправить ситуацию, чтобы избежать наших прямых попаданий, но мы обрушили на корабль шквальный огонь, и уйти уже было невозможно. Он накренился и начал погружаться в воду, словно игрушечный кораблик. На помощь ему пришли линейные корабли. Они начали буксировать его, но не проплыли и пятисот метров, как он перевернулся и пошел ко дну.

И тогда разразился настоящий ад. На протяжении целого часа объединенные силы противника обрушивали на нас снаряды.

Наши батареи были бессильны, и люди прятались, где могли.

Уже смеркалось, когда противник начал отходить, и я остался

стоять посреди руин, которые еще недавно были нашими казармами. Я был потрясен страшной трагедией, свидетелем и виновником которой я стал. Меня придавило бремя моей молодости. Казалось, жизнь была сплошным бременем, слишком тяжелым, чтобы его можно было вынести.

Через развалины я пробрался к блиндажам, а потом к офицерам и солдатам, стоявшим у пушек. Они были по пояс в ярзи и обломках, словно уставшие и измученные изгои, мусорщики, забравшиеся на огромную кучу мусора, в которую превратился мир.

Я приказал провести перекличку и, к своему удивлению, обнаружил, что, хотя многие получили легкие ранения, потерь среди солдат нет. Мы вместе отпраздновали успех за кое-как приготовленным ужином.

К восьми часам я начал получать поздравления от старших офицеров. Мухаррем позвонил по особому желанию генерала Джевад-паши. Оказалось, что моя батарея была единственной батареей, которой удалось потопить вражеский корабль. Я слишком устал, чтобы это каким-то образом меня волновало, но все же я вновь подумал о том, что, возможно, все-таки я родился под счастливой звездой.

В течение нескольких дней из-за пасмурной погоды и беспокойного моря условия для противника были неблагоприятными, и за время этой передышки мы успели восстановить наши укрепления настолько, насколько это было возможно, и отремонтировали наши орудия. Я был слишком занят, чтобы думать.

Утром 25 февраля 1915г. я заметил, что вражеские корабли вновь приближаются. Справа от нас вне радиуса действия нашей артиллерии я увидел и тот самый российский линкор. Он появился в Саросском заливе и занял позицию для наблюдения.

Наступление началось вскоре после десяти часов. Оно было направлено на мой форт. Мы открыли ответный огонь. В самом начале несколько наших снарядов достигли цели. В 11 утра английский военный корабль «Агамемнон» был поврежден и вынужден покинуть район боевых действий. Однако позже я увидел, что полученные им повреждения не столь серьезны, поскольку он вновь появился в сражении, состоявшемся 5 марта.

Теперь атаковую позицию занял английский супердредноут класса «Королева Елизавета». На протяжении двух часов он вел непрерывный обстрел, пока форт Эртогрул не превратился в руины; наша артиллерия была уничтожена, а большинство солдат погибли.

Телефонные и телеграфные линии были повреждены, оборудование – разбито вдребезги, и я был полностью изолирован.

Когда обстрел наконец прекратился, я начал, спотыкаясь, пробираться через развалины, чтобы посмотреть, остался ли кто-нибудь в живых. В конце концов около 11:50 я увидел старого офицера Хильми-бея. Наполовину обезумевший, он сидел посреди обломков пушки и что-то бессвязно бормотал. Все же мне удалось добиться от него, что несколько моих солдат бежали к холмам.

Я попытался связаться с командиром полка Халил-беем, подразделение которого размещалось в полутора тысячах метров от моего наблюдательного поста. Но когда я его нашел, ему было совсем не до моего отчета: его измятое изуродованное тело лежало под обломками стола, а череп был расколот в результате попадания снаряда.

Я действовал, опираясь на инстинкты и полученные в училище навыки. Я был офицером, а офицер в этой ситуации должен был что-нибудь сделать. Через несколько минут мне удалось распутать телефонные провода, выгрести из-под завалов оборудование и сообщить генералу Джевад-паше о потере моего форта. Мне было приказано найти бежавших солдат и, если удастся это сделать, отправить их в главный лагерь. Я же должен был вернуться к своему наблюдательному посту и докладывать о дальнейших действиях противника.

Было уже почти час дня, когда я вернулся на свой пост и послал адъютанта на поиски бежавших солдат. Сам же я стал внимательно следить за приближавшимися кораблями. Я слышал торжественные марши. Смерть под звуки военных оркестров! Когда я понял, что один из вражеских самолетов обнаружил мою позицию, я отправил единственного оставшегося у меня штабного офицера к обломкам укреплений полковника Халил-бея, для того чтобы сообщить об этом по телефону в штаб командующего. В 1:45 дня противник вновь начал обстрел развалин, оставшихся от моего форта, только на этот раз огонь был направлен на мой пост. На меня градом посыпались снаряды, и я очертя голову бросился к укрытию, хотя бы к какому-нибудь укрытию. Я был молод и перепуган; я думал, что погибну, и эта мысль мне совершенно не нравилась. Отчаянно уворачиваясь, я побежал к окопам, которые мы выкопали неподалеку от холмов. Они были заполнены водой после полившего накануне ночью дождя и рыхлой землей, разметанной повсюду снарядами. Это были не окопы, а ямы, полные грязи, но я нашел наполовину пустой блиндаж,

забрался в него и сидел, сжавшись, пока надо мной свистели, визжали и разрывались снаряды, и думая о том, что же будет дальше. Мне недолго пришлось гадать. Раздался ужасный взрыв, и всего в нескольких метрах от меня разорвался снаряд. Осколки меня не задели, но меня отбросило в сторону, и я оказался буквально погребен до плеч в рыхлой земле и грязи окопа.

Мне удалось выбраться, только когда уже стемнело. Все мое тело онемело от боли и изнурения, и я даже не знаю, как я смог вернуться к наблюдательному посту и в последний раз определить позицию противника.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким и несчастным, как в тот момент, когда оставил свой пост и начал с трудом продираться в сторону главного лагеря. Я ступал босыми ногами, и не успел я пройти и нескольких шагов, как мои ноги все были в крови, потому что мне пришлось идти по острым осколкам снарядов. Остановившись ненадолго, чтобы передохнуть, я оглянулся и увидел бесчисленные огни ликующей армии противника; до меня доносились едва различимые звуки военных оркестров.

Пошел морозящий мокрый снег; жалкий, весь в грязи я побрел дальше. Мне казалось, и до сих пор кажется, когда я вспоминаю этот день, что я шел много-много километров в течение долгих часов, пока я буквально не натолкнулся на старый сарай с боеприпасами. На самом деле, думаю, я прошел немногим более километра, но даже это расстояние огромно, если ты ступаешь босыми ногами по разорванной снарядами земле.

Внезапно в сарае раздалось тихое ржание и, войдя внутрь, я увидел раненую лошадь. Рана была несерьезной; по крайней мере, когда я осматривал животное, наощупь обходя его в темноте, его состояние показалось мне не самым тяжелым. Я наверно никогда не узнаю, каким образом мне удалось поставить лошадь на ноги и не оказаться растоптанным ее копытами.

Я поднял ее, и, повесив голову, она медленно поплелась к выходу. Едва ли в целом мире в эту ночь нашлась бы более вялая, более жалкая пара, чем мы. Когда мы вышли, ветер хлестнул в нас мокрым снегом, но мы все равно пошли навстречу буре.

Я не помню точно, что происходило до того момента, когда я услышал ружейный выстрел. Это заставило меня очнуться, и в ответ на резкое «Кто там?» я смог назвать свое имя.

Меня проводили в палатку командира, и я очутился среди небольшой группы пехотинцев, расположившейся там ночевать. Мне дали попить и подкрепиться, и после того как я немного отдохнул и раны моей лошади были кое-как перевязаны, я решил двигаться дальше, потому что мне сообщили, что главный лагерь располагается не так далеко и что пару часов назад несколько солдат из моего форта прошли в этом направлении.

Рассвет уже давно миновал, когда я набрел на главный лагерь и нашел там своих выживших офицеров и солдат. Всего их было восемнадцать человек. Израненные и истерзанные войной, они сидели в порванных формах, все еще запачканных порохом, и почти все были перевязаны бинтами. Я сообщил в штаб командующего о своем прибытии и о том, что я нашел своих солдат, и на несколько дней меня освободили от участия в боевых действиях и госпитализировали.

После того как меня отпустили из госпиталя, я был сразу же назначен командиром форта Румели Гамидие и получил приказ как можно скорее отправиться туда. Завершив торопливые приготовления, я приступил к командованию новым фортом по прошествии всего пяти дней после уничтожения форта Эртогрул.

Форт Румели Гамидие оказался не лучше и не хуже форта Эртогрул, если не считать того факта, что все его пушки были ближнего действия. Мне стало казаться, что оборона Дарданелл свелась к тому, что мы просто пытались как можно лучше справиться со сложными условиями и непреклонно держались до тех пор, пока нас неизбежно не выбивали с наших позиций. Наша артиллерия не могла нанести кораблям противника никакого серьезного урона, и они неуклонно двигались вперед. Когда я прибыл в форт Румели Гамидие, вражеские военные корабли уже на восемь километров продвинулись вглубь Дарданелл и расположились по обеим сторонам пролива в Каранлык Лиман и Эски Гиссарлык. И всего за несколько дней они преодолели еще три километра, практически полностью очистив свой путь от мин.

С 5-го по 7-е марта флот противника вновь вел обстрел наших фортов. В это же время начались и атаки с воздуха. С вражеских самолетов нам сбрасывались листовки, в которых от нас требовали отказать от союза с немцами и обещали в таком случае установить с нами дружеские отношения.

5 марта с главного наблюдательного поста и с британских линкоров, располагавшихся в Саросском заливе с европейской стороны

полуострова, был открыт массированный огонь через весь участок суши по фортам Чименлык, Анадолу Меджидие, Килид-уль-Бахр, Анадолу Гамидие и по моему форту Румели Гамидие. С расстояния примерно 20 000 метров.

7 марта форты Анадолу Гамидие, Чименлык и находившийся под моим командованием форт Румели Гамидие были частично разрушены, а боеприпасы практически полностью взорваны.

В 11:20 утра 18 марта, после передышки, продолжавшейся одиннадцать дней, «Морские чудовища» начали еще одну масштабную атаку, вновь открыв шквальный огонь по нашим фортам.

Примерно в десяти километрах вниз по проливу от Румели Гамидие французские и английские военные корабли перестраивались в новые позиции.

Казалось, это переломный момент, и я уже начал задаваться вопросом, когда наступит конец. Более крупные форты, расположенные на входе в пролив, были повержены уже давно; противник заметно продвинулся вглубь узкого пролива, и теперь на его пути стояло только несколько маленьких фортов, на вооружении которых находились пушки ближнего радиуса действия; в таких условиях падение Константинополя казалось всего лишь вопросом нескольких часов.

Командирам всех оставшихся фортов был дан срочный приказ до последнего противостоять противнику и любой ценой сдерживать его как можно дольше. Мы и без общего приказа знали, что в умах турецких лидеров царит неизмеримая тревога.

Я занял позицию рядом со своей батареей и распорядился привести в боевую готовность пушки самого большого калибра.

В 12:40 после полудня форт Анадолу Гамидие, располагавший двумя единственными пушками дальнего радиуса действия, оставшимися в нашем распоряжении, открыл огонь по вражескому флоту. Но корабли все время стремительно двигались взад и вперед по зигзагообразному курсу, и нам не удалось нанести им заметных повреждений.

Тонны и тонны снарядов были выпущены в этот день; словно град, они обрушивались на сушу и воду.

К 2:30 дня форт Анадолу Гамидие, самый сильный из оставшихся у Турции фортификационных сооружений, был практически уничтожен, а форт Чименлык – буквально разнесен в щепки. Город Чанак был охвачен огнем.

В 3 часа дня прилетели вражеские самолеты, которые вынудили турецкие войска отступить.

Поняв, что основные наши укрепления разрушены, противник решил к более смелым маневрам. С азиатской стороны побережья к нам стал приближаться один из французских кораблей. Я смотрел, как он подступает метр за метром. От сковавшего меня напряжения я начал задыхаться. Он подплывал все ближе и ближе, а потом стал постепенно замедляться и поворачивать к середине пролива. Я дал команду стрелять. Мы трижды попали прямо в цель и накрыли огнем переднюю палубу корабля. Одним из выстрелов нам удалось разнести его рулевое устройство, и он начал сильно крениться. В 3:40 стрельба усилилась. В 4:45 один из британских кораблей наскочил на мину в 4 500 метрах вниз по побережью на противоположной стороне пролива и утонул так быстро, что направившиеся ему на помощь митохондрии не успели ничего предпринять. В 5 часов еще один британский военный корабль получил повреждение и, окутанный густым облаком дыма, тяжело поплыл вдоль побережья.

Обстрелянный нами французский корабль пытался сдаться, но наша артиллерия была беспощадна. Его отчаянные сигналы оставались без внимания. Наконец и он исчез в водах Дарданелл.

В 6 часов вечера, нам приказали прекратить стрельбу, однако противник был решительно намерен свести с нами счеты и не ослаблял огня. Наши немногочисленные оставшиеся форты быстро превращались в пылающие руины. Все наши мощные артиллерийские установки уже давно были выведены из строя; слышалась только тщетная прерывистая стрельба пушек полевой артиллерии.

В 6:16 вечера был дан приказ полностью прекратить огонь, поскольку было очевидно, что продолжать бесполезно. И в этот самый момент я заметил, что вражеские корабли двигаются в южном направлении, словно уходя от несомненной победы. Я оторопел и смотрел на них в изумлении. Внезапный поворот событий настолько ошеломил меня, что я замер у своего наблюдательного поста, пытаюсь понять эту, как я тогда решил, новую тактику.

Потом я все же покинул пост, решив осмотреть свои поврежденные орудия, но так и не добрался до них, потому что, не прошел я и ста метров, как неподалеку от меня разорвался случайный снаряд, и, я узнал об этом уже позже, его осколки попали мне в голову и в грудь.

Когда я открыл глаза, я увидел, что нахожусь в госпитале в городе Дарданеллы. Вдобавок к ранам от осколков, мои голова и лицо были сильно обожжены порохом. Я не вставал с постели больше двух недель.

Мухаррем навещал меня каждый день, всякий раз передавая мне огромное количество поздравлений и рассказывая самые важные новости с батареей, находившихся под моим командованием, и единственным, что я мог бы сделать, чтобы не получать этих новостей, было закрыть глаза и заставить молчать моих солдат. Так создаются герои. Все же я был доволен, особенно когда получал письма от Джамили и моей матери. Мне было радостно понимать, что меня ждет любимая и что мои родители, несмотря на слухи об армянской резне, находятся в безопасности и счастливы.

Мой триумф наступил в тот день, когда однажды госпиталь случилось посетить Энвер-паше и офицерам его штаба. Ознакомившись с информацией обо мне и узнав, что мои раны были получены во время героических действий, как с гордостью сообщило мое начальство, он присвоил мне звание капитана. Теперь я был еще более спокоен за судьбу своих родителей и самоуверен настолько, чтобы строить планы о том, когда я смогу увидеть Джамилю и похвастаться своим значком капитана. И снова, возможно, я оказался счастливецом.

Пока я лежал в госпитале, у меня было много свободного времени для размышлений о сражениях, в которых я принимал участие. Новость о том, что после 18 марта противник не предпринимал попыток дальнейшего наступления, сбила меня с толку. Я расспрашивал своего друга Мухаррема и посещавших меня различных должностных лиц о том, каково общее мнение в кругах высшего командования. Мнение было таково, что противник может вновь начать наступление в любой день, и тогда война будет окончена, точно так же, как 18 марта все полагали, что турецкому правительству пришел конец. Ни для кого не было секретом, что в этот день турецкие лидеры готовились бежать и что для них заранее были подготовлены специальные поезда, на которых они собирались уехать в более безопасные места во внутренних районах страны.

Когда 19 марта англичане и французы не продвинулись вглубь Дарданелл, чтобы потребовать ожидавшую их награду, едва ли мы, солдаты, были озадачены больше, чем турецкие лидеры.

У турецких военно-морских и военных чиновников были все основания полагать, что высшее командование Союзных флотов прекрасно знает о том, что положение дел у турок крайне сложное. На самом деле хваленая разведка англичан и французов, казалось, всегда была хорошо осведомлена. В руках Союзников были все слагаемые победы; турецкая артиллерия практически полностью была уничтожена, крепости лежали в руинах, недостаток боеприпасов был колоссальным, а в многонациональном Константинополе собрались многочисленные группировки недовольных, которые были бы только рады падению турецкого правительства.

Размышляя над этим и анализируя события прошлого, я пришел к однозначному выводу, что Союзники специально тянут время. Но почему? Любому военному человеку, любому наблюдателю такое странное поведение Союзников показалось бы подозрительным.

Почему Союзники приняли меры предосторожности и за день до сражения 19 февраля сбросили нам с самолета листовки, предупреждая о планировавшемся крупном наступлении?

Почему в течение всей осады в Саросском заливе находился российский корабль? Могло ли быть такое, что его просто пригласили наблюдать издалека за героическими попытками британцев и французов взять Дарданеллы?

Почему данные о потерях среди англичан, которые были опубликованы в их официальных отчетах, дошедших до нас, были такими абсурдными, что скорее позабавили, чем поразили нас?

К 19 марта был потоплен только один французский корабль и два английских корабля. Два других получили повреждения, но позже вернулись в строй. Потери среди солдат, естественно, были сравнительно небольшими.

Вскоре началось обсуждение различных предположений, почему Союзники больше не предпринимают попыток наступления на Дарданеллы. Даже простодушный турецкий солдат-крестьянин догадался, что противник умышленно отказался от относительно простой победы. Это проявление дипломатии было до такой степени наглым и откровенным, что его мог заметить даже рядовой солдат.

Великая Англия, владычица морей, могущественная Франция, победившие, но ускользающие от победы. Почему?

Давайте посмотрим, что еще происходило вплоть до 18 марта. Итак, во-первых России удалось завоевать северную Турцию, и ее

войска продвинулись вглубь территории Турции более чем на триста километров. А у входа в Босфор расположились корабли российского военно-морского флота и транспортные суда, с нетерпением ожидавшие сигнала довести до конца победу французского и английского флотов, высадив на сушу войска, российские войска.

Мне думается, что английская и французская канцелярии провели тогда не одну беспокойную ночь, и что премьеры и дипломаты дрожали при мысли о том, что русские могут захватить Константинополь как свой личный приз, перекрыть проход в Суэцкий канал и к индийским колониям Англии и прервать доминирование французов и англичан в Средиземноморье. Видение имперской России, державшей Константинополь, ужасало маленьких людей из канцелярии; оно было для них ночным кошмаром, и поэтому то, что могло стать легкой победой, было превращено в весьма жалкое неубедительное поражение.

Я не намерен выступать за или против военных, но в чем я уверен, так это в том, что войны, если таковые вообще должны происходить, могли бы вестись более гуманно (если быстрое завершение и убийство и нанесение увечий миллиону человек, скажем, более гуманно, чем убийство двух миллионов), если бы военным позволили заниматься своим делом и вести войну в соответствии с полученной ими надлежащей военной подготовкой и с их суждениями, а не в соответствии с указаниями демагогов и низкопробных политиканов.

Много раз я оглядывался назад, размышляя над трагическими результатами, к которым привела дипломатия англичан и французов, побудившая их отказаться от победы при Дарданеллах. Иностранная империализм и его жажда власти отвратительны и беспощадны.

Я думаю, что, если бы 18 марта Союзники прошли Дарданеллы, а они знали, что тогда они смогли бы взять Константинополь, война была бы окончена на несколько лет раньше, и это позволило бы избежать бесчисленных страданий; и никогда бы не произошло того ужасного бедствия, которое за два года практически стерло с лица земли взрослое армянское население Турции.

Прошу простить мне, что я отклонился немного от темы, но я убежден сейчас, так же как был убежден тогда, в том, что дипломаты и демагоги ни в грош не ставят жизни людей, которые должны одерживать их победы в войнах.

К началу апреля мне объявили, что я достаточно здоров для возвращения к службе, и, не теряя ни секунды, мне приказали приступить

к командованию батареями близ форта Дарданос в шести километрах к югу от форта Анадолу Гамидие. Я узнал, что во время перерыва в боевых действиях у турок было достаточно времени, для того чтобы заново частично отстроить фортификационные сооружения, установить новые пушки и запастись боеприпасами. День и ночь тысячи людей неистово трудились над восстановлением укреплений.

Благодаря непрерывной пропаганде уверенность каждого в неизбежном поражении превратилась в чувство победы. Турецкие солдаты то и дело шутили о бегстве гяуров, то есть неверных (турки называют всех немагомтан гяурами), и восхваляли предусмотрительность турок, выгнавших их за пределы турецких вод.

Тем не менее враг оставил регион не полностью, и выяснилось, что он готовится к наступлению на суше.

На отрезке восьми километров пролив патрулировала группа миноносцев, и время от времени вражеские подводные лодки проникали через его заминированные воды к Мраморному морю и топили турецкие корабли с продовольствием и боеприпасами.

На этот период война превратилась в игру в кошки-мышки, в которой англичане и французы, без сомнения, надеялись на то, что мышка, то есть Турция, соберется с силами и вновь побежит прятаться в нору.

Боевые действия сводились к отдельным мелким стычкам и перестрелкам. Временами то тут, то там вокруг нас раздавались звукирывающихся снарядов, но значительных повреждений они не наносили.

Стало известно, что французы предпринимают попытки по высадке войск на Анатолийском побережье, а англичане – на европейской стороне пролива, однако эта новость не вызвала большой тревоги, поскольку, для того чтобы предотвратить подобное положение дел, в конце марта к Дарданеллам было направлено несколько отборных турецких полков.

В середине апреля моя счастливая звезда показалась вновь. Недалеко от моей батареи была замечена британская подводная лодка, которая, очевидно, поднялась на поверхность, для того чтобы взять курс. Мы открыли по ней огонь и продолжали яростно палить до тех пор, пока она не зарылась носом в воду и не врезалась с огромной силой в берег.

Британцы подали сигнал о капитуляции, но на какой-то момент я потерял контроль над своими людьми, и они продолжили стрелять.

Вероятнее всего, командир был убит сразу же, экипаж выпрыгнул за борт и начал плыть к берегу. Несколько пехотинцев, словно безумные, бросились к британцам и стали колоть их штыками, примкнутыми к ружьям. Я помчался за ними, оставив своих офицеров следить за более дисциплинированными солдатами. Только наставив на них ружье, я смог припугнуть их и тем самым предотвратить кровавую расправу.

Это был первый и последний случай массового неповиновения, с которым мне пришлось столкнуться, и единственный раз, когда мне было отмечено, что я христианин. Мне потребовалось выступить с очень длинной страстной речью и проявить значительную строгость, для того чтобы наконец заставить их понять, что, хотя война и может быть формой легализованного убийства, она не дает привилегий так открыто убивать беззащитных солдат.

ГЛАВА IV

Из Дарданелл в скотобойню

Недели проходили медленно. Зима подошла к концу, и наступила прохладная благоухающая весна. Война на Дарданеллах не сдвигалась с мертвой точки.

Однако понемногу стали просачиваться все более тревожные новости. Турецкие лидеры, уверенные в том, что французы и англичане боятся брать Дарданеллы, намеревались навсегда решить долгое время не дававший им покоя Армянский вопрос. Поговаривали, что планируется осуществление массовой резни, и что армянское население должно быть уничтожено или обращено в рабство во внутренних районах страны. Всех служащих государственного аппарата, имевших армянское происхождение, выгнали со службы, а армянских офицеров, как сообщалось, собирались лишить оружия и подвергнуть той же участи, что и гражданское население.

Письма от матери теперь приходили очень нерегулярно и подвергались такой жесткой цензуре, что мой единственный источник достоверной информации теперь не представлял никакой ценности.

Я начал задумываться над тем, что ожидает меня самого.

Я знал, что партия «Единение и прогресс», находившаяся тогда у власти, в отчаянии, несмотря на то, что, благодаря дипломатии англичан и французов, она получила очевидную передышку. Государственная казна была пуста, офицеры и личный состав уже долгое время не получали жалованья, запасы продовольствия для армии подходили к концу, а имевшегося обмундирования и техники было недостаточно, и состояние их было ужасным. В качестве чрезвычайной меры, а также для того чтобы усмирить недовольство турецких масс, правящая партия «Единение и прогресс» издала декрет, в соответствии с которым из всех армянских церквей должны были быть изъяты золотые и серебряные реликвии, которые в дальнейшем могли быть сконвертированы в деньги. Кроме того, согласно декрету, у всех армян, у которых имелись запасы еды, продовольствие должно было быть конфисковано для нужд армии.

У этого декрета был только один недочет. Армянское население Турции насчитывало более двух миллионов, и оно было возмущено принятым постановлением и воспротивилось бы ему, если бы это

было возможно. Правительство понимало, что, даже несмотря на то, что армяне лишены оружия, они представляют потенциальную угрозу хотя бы в силу своей численности, поэтому были разработаны планы, по которым целые города должны были быть депортированы, семьи – разделены и брошены в невыносимые условия существования в опасные районы страны, где им предстояло погибнуть от голода и лишений. Безусловно, у правительства было бесчисленное количество других планов по решению Армянского вопроса; я рассказываю только об одном, просочившемся за пределы правящих кругов.

Я был не очень удивлен, когда однажды утром весной от командира фортификационных сооружений пришло сообщение, в котором требовалось, чтобы я немедленно явился к нему за получением дальнейших приказов. Меня освободили от командования моей батареей.

Путь до штаба занимал час на лошади, и, когда я прибыл туда, и меня провели в кабинет командующего, я уже был готов ко всему и молча злился. Тем не менее я твердо решил не показывать своих чувств и сделать все возможное, для того чтобы разрешить ситуацию, обещавшую быть крайне неприятной.

Я отдал честь и начал ждать. Роясь в бумагах, лежавших на письменном столе, командир выглядел чем-то озабоченным и, как мне показалось, растерянным. Потом он встал и, обойдя стол, подошел ко мне, держа в руках кипу бумаг, похожих на официальные документы. Я подумал, придется ли мне сдать саблю тотчас же. Когда же он обратился ко мне, как к дорогому товарищу, и крепко сжал мне руку в дружелюбном рукопожатии, я был более чем когда-либо в замешательстве. Мои отношения с товарищами по службе и старшими офицерами в турецкой армии всегда были очень теплыми, но в эти напряженные и тяжелые времена я чувствовал, что отношение гражданских властей, может быть, передалось и военным. И, возможно, так и было, но все же я никогда с этим не сталкивался.

Командир попросил меня присесть и отметил, что я, безусловно, знаю о новой политике османского правительства в отношении солдат-христиан. Он сообщил мне, что письма из министерства, которые он держал в руках, – от Военного министра Энвер-паши – и что министр приказывает мне немедленно явиться к нему.

Потом я узнал, что первый приказ был получен несколько дней назад, и что командир постарался использовать все свое влияние, для

того чтобы оставить меня в составе своих подразделений. Он сразу же направил протест, в котором говорилось о том, что я один из лучших его людей, и что без меня весьма сложно обойтись. Его просьбы были тщетны, и ночью мне предстояло сесть на борт турецкого миноносца, с тем чтобы на следующее утро представиться Военному министру.

Я сидел неподвижно. Я не знал, что сказать. Итак, вот он – конец моих приключений; награда за верность, за безупречную военную службу. Мне было так же сложно говорить, как и моему командиру, который теперь мрачно смотрел в окно. Думаю, что, когда я уходил и мы обменялись рукопожатием, ему, так же как и мне, пришлось выдать из себя улыбку. Несмотря на мое бессвязное бормотание, он знал, как я благодарен ему за его заботу.

Оставшуюся часть дня я провел, собирая вещи. Ближе к вечеру я навестил Мухаррема в штабе командующего. Он был еще более возбужден и разгневан, чем я. Но в то же время, несмотря на все свое негодование, он предостерег меня, чтобы я, во имя Аллаха и нашей дружбы, не делал и не говорил ничего опрометчивого. Он возмущался против глупости и жестокости правительства и предупредил, что перед Энвер-пашой нужно вести себя спокойно и быть настойчивым и что необходимо произвести на него впечатление своей преданностью турецкому делу.

И только когда мой корабль уже должен был отплыть, когда я стоял у подножия трапа, он сказал мне, что генерал Джевад-паша также интересовался моим делом и написал несколько писем Военному министру, восхваляя мою преданность, храбрость и мои способности и подчеркивая, что форты под моим командованием были единственными, преуспевшими в потоплении вражеских кораблей. Я подумал, что неплохо, когда у тебя есть своя счастливая звезда, даже если она не всегда рядом; письмо Джевад-паши могло иметь некоторый вес.

Мы долго плыли по водам пролива; все огни на корабле были погашены, и каждый жест, каждое слово – приглушены. Я провел несколько часов, расхаживая взад и вперед по палубе. Занимавшие меня мысли были чернее ночи. Наконец я уснул тревожным сном, твердо решив, что за любое оскорбление чести моих родителей, моей чести или чести моего народа я воздам Турку вдвойне. Много лет спустя я задумался над интересным фактом, что мы начинаем испытывать сильнейшее негодование по поводу зла, причиненного другим, только тогда, когда страдаем сами; люди не столько возмущены неспра-

ведливостью по отношению к другим, сколько тем, что совершается по отношению к ним.

Когда я проснулся, уже давно рассвело. Был прекрасный майский день. Ярко светило солнце, и на небе не было ни облачка. В такие дни не хочется думать о каких-то неприятных делах.

Вскоре после семи часов эсминец вошел в док, и я уже стоял на пристани, останавливая ландо. Здание Военного министерства располагалось в Константинополе, примерно в полутора километрах от побережья. Приближаясь к нему, я начал размышлять об офицерах, вызывавшихся сюда во времена правления султанов и больше никогда не покидавших стен министерства, и о многочисленных христианах, брошенных в тюрьму, на которой оно стояло, и ожидавших там неминуемой смерти. Я был подавлен и чувствовал себя некомфортно.

Ландо остановилось у ворот, и я вышел. Ко мне подошел караульный. Проверив мои документы, он позволил мне пройти и направил меня к Военному министру, чьи ведомства располагались в правом крыле здания.

Сначала меня провели в кабинет местного военачальника, огромного и необычайно крепко сложенного турка с холодными черными глазами, взгляд которых словно пронизывал насквозь; он был скорее не военным, а бюрократом в военной форме. Я приветствовал его и стал внимательно ждать.

Какое-то мгновение он смотрел прямо сквозь меня, так, словно я был сделан из папье-маше. Внезапно он схватил револьвер. Я никогда не забуду этот момент, потому что я решил, что он собирается убить меня прямо там. Я подумал, с чего бы ему устраивать такой беспорядок в министерстве. Конечно, эта мысль была абсурдной, но в минуты напряжения часто случается, что в голову закрадываются всевозможные абсурдные мысли.

Он буквально закричал, когда потребовал, чтобы я сообщил, кто я и почему пришел в министерство с саблей и револьвером. Я ответил, что я капитан Торосян, и что меня вызвали с фронта с приказом явиться к Его превосходительству Военному министру.

Он не обратил никакого внимания на мои слова, но я заметил, что он нажал на кнопку, и в ту же секунду за дверью раздался звонок. В кабинет моментально вбежали сержант и двое караульных. Они прижали мои руки к бокам и отняли у меня саблю и револьвер. Несмотря

на мой оставшийся незамеченным протест, они повели меня по холлу, отперли дверь и попросту втолкнули меня внутрь помещения, оказавшегося переполненной арестантами гауптвахтой. Смерд спертого воздуха был невыносимым; комната практически не проветривалась. Она была полна сотен полуголодных, полуодетых, грязных турецких подонков, и они пели. Они столпились вокруг меня и стали фамильярно приветствовать, называя капитаном и шуточно приговаривая, что я, по всей видимости, пришел потому, что меня назначили их командиром.

В конце концов я узнал, что эти люди – осужденные, которых приговорили к длительному сроку. Но они получили помилование от Министра внутренних дел Его превосходительства Талаат-паши при условии, что будут нести службу внутри страны, занимаясь подстрекательством и якобы продвигая права армян. Они бурно требовали крови гяуров и ласк их женщин.

Я все еще говорил с ними, пытаюсь понять их предназначение, когда дверь вновь распахнулась, и в комнату ворвался взволнованный офицер в сопровождении сержанта и нескольких караульных. Прежде чем я успел понять его слова, офицер начал извиняться и умолять меня следовать за ним в холл. Мне вернули револьвер и саблю и сообщили, что Военный министр, уже давно ожидавший меня, расспрашивал местного военачальника о том, где я.

В конечном счете я решил, что на дворе весна, и что у меня и вправду есть своя счастливая звезда. Много раз с тех пор я задавался вопросом, что же уготовил мне в тот день местный военачальник.

Меня провели в приемную, где в ярком свете майского солнца, проникавшего через высокие окна, играли красками великолепные гобелены, прелестные ковры, роскошные диваны и тахты. Я снова обрел уверенность.

Послышался скрип открывающейся двери и голос офицера, вызывавший капитана Торосьяна. Я встал, нервно поправил форму и последовал за ним по длинному узкому коридору, вдоль которого выстроились в ряд военная полиция и офицеры разведки. Все они были вооружены, а в выражении их лиц и позах читалась напряженная бдительность.

После формального приветствия секретарь взял мою гарду, посмотрел на написанное на ней имя и в тот же миг стал улыбчивым и приветливым. Он вытащил из письменного стола папку с документа-

ми и быстро просмотрел их, продолжая улыбаться. Потом он поднялся, протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать, герой!»

И я понял, что на дворе и в самом деле весна.

Он предложил мне присесть и заявил, что турецкое правительство от всего сердца благодарно мне за мою, как он выразился, доблестную службу и что армия называет мои действия при Дарданеллах ни много ни мало героическими.

Это была хорошая новость.

Потом он объяснил, что высшее командование считало целесообразным отозвать всех солдат-христиан из турецких рядов и отправить их трудиться в тылу. Тем не менее он добавил, что ко мне данное постановление не применяется, и что я волен вернуться к обязанностям командующего на Дарданеллах или принять другое назначение в отряд полевой артиллерии. Я должен был объявить свое решение в тот же день.

Он снова взял письма, лежавшие на столе, и жестом попросил следовать за ним. Меня провели в личный кабинет Энвер-паши. Военный министр восседал за огромным письменным столом в величественном кресле, обитом гладкой блестящей кожей, и я подсознательно почувствовал, что, когда он окинул меня взглядом, в его коварных злых глазах мелькнула неуверенность.

И снова воинские приветствия. И все это в полном молчании. Секретарь положил бумаги на стол Военного министра и бесшумно вышел.

Целую минуту Его превосходительство пристально меня рассматривал, а потом встал и представил меня своим немецким советникам Лиману фон Сандерсу и генералу фон дер Гольцу, назвав меня армянским героем Дарданелл.

И снова герой. Я уже начинал и сам в это верить.

Я сразу же почувствовал себя в своей тарелке: так тепло меня приняли.

Безусловно, разговор, который я сейчас перескажу, не дословно излагает то, что было сказано в тот день, однако он точно передает смысл сказанных слов и показывает мою первую настоящую попытку утаивания.

– Капитан, – начал Военный министр, – если судить по официальным отчетам, вы, похоже, довольно обстоятельно изучили военную тактику. Скажите, что вы думаете об укреплениях на Дарданеллах? Достаточно ли они эффективны, для того чтобы отразить наступление вражеских военных кораблей?

Естественно, я посчитал неблагоприятным ответить, что, на мой взгляд, они так же эффективны, как жалкие кучи мусора, каковыми они и являлись, поэтому я уклонился от прямого ответа и высказался обобщенно.

– Эмиринис дер Назер Паша Хазиретлери⁷, у меня есть только одно предложение. Я предлагаю расположить пушки вдоль берега таким образом, чтобы помешать вражеским тральщикам извлекать наши мины.

Его следующий вопрос был неожиданным.

– Могут ли британцы преуспеть во взятии Константинополя, если они высадутся на Дарданеллах и начнут продвигаться по суше?

– Нет, господин, – ответил я уверенно, хотя на самом деле не был столь уверен. – Необходимо только перегородить им путь отрядами, которые состояли бы из настоящих патриотов, и тогда нам удастся эффективно остановить их продвижение. Размещенные там войска – одни из лучших, которые имеются в нашем распоряжении, и они должны суметь отразить атаки противника. Ваше превосходительство, по моему мнению, война – это не просто вопрос науки и полученных навыков. И, кроме того, ее успех зависит не только от денег, людей или новейшей боевой техники. Война – это еще и дело сердца, и победы одерживаются лишь благодаря патриотизму.

Это были слова, которые я постеснялся бы сказать своему штаб-сержанту, но, кажется, они доставили Его превосходительству удовольствие, так как он широко улыбнулся, сидя в своем величественном кресле, и взглянул на своих коллег, которые, я уверен, сомневались в том, что с военной точки зрения мои слова имеют смысл.

Затем Военный министр указал на большую карту, висевшую прямо напротив его стола, и спросил:

– Капитан, в чем, по-вашему, причина того, что немцам не удалось захватить Париж?

Я начал чувствовать себя отличником, которым хотели похвалиться, но у меня и в самом деле был готовый ответ и на этот вопрос.

– Ваше превосходительство, – ответил я, – по моему мнению, немцы совершили серьезную ошибку, когда остановились, прорвав первую линию обороны Союзников. Им не следовало ждать подкрепления, а нужно было двигаться дальше, прямо к цели. Если бы они

⁷ Ваше превосходительство, министр.

это сделали, Париж был бы в их руках до того, как у деморализованной французской армии была бы возможность восстановить свои расстроженные порядки и вновь объединиться.

Не успел я договорить, как Военный министр начал тихо посмеиваться. Немецкие офицеры заговорили быстро на своем языке. Возможно, они говорили о том, что молодые офицеры одинаковы везде. Я нисколько не сомневаюсь в том, что многие вторые лейтенанты могли бы советовать офицерам штаба, какие предпринимать действия. Однако я действительно придерживался такого мнения тогда и продолжаю придерживаться его сейчас.

По кругу были переданы сигары. Я молча ждал. Паша вновь посмотрел на лежавшие перед ним документы.

– Капитан, как вы полагаете, можно ли считать офицера достаточно квалифицированным для того, чтобы принять командование артиллерийской батареей, если он только окончил Военное училище? – был его следующий вопрос.

– Нет, господин, – тотчас ответил я. – Большинство моих однокурсников учились хорошо, но во время боевых действий не справлялись со своим волнением и были не способны выполнять свои обязанности настолько грамотно, насколько они могли бы или должны были бы. Господин, критические ситуации не для неопытных.

Он ничего на это не сказал, но сделал несколько замечок. Потом, словно для того чтобы завершить разговор, он слегка отодвинул в сторону мои документы, развернулся в кресле и посмотрел на меня в упор.

– Вы когда-нибудь видели меня на Дарданеллах? – шутливо спросил он.

– Конечно, Ваше превосходительство. Вы и офицеры вашего штаба любезно посетили офицерское крыло госпиталя в городе Дарданеллы в то время, когда я лежал там раненный. Ваше превосходительство, если помните, в тот день вы повесили меня со второго лейтенанта до капитана.

Напоследок он спросил меня, хочу ли я вернуться к командованию старым фортом или принять новое назначение в качестве командира дивизиона в составе полевого артиллерийского полка Восьмой дивизии.

Я выбрал новое назначение.

Я вновь отдал честь; немецкие офицеры учтиво со мной попрощались, и паша сам проводил меня до двери.

В кабинете секретаря я получил разрешение на трехнедельный отпуск. Затем меня провели до ворот. Если когда-нибудь человек и был на седьмом небе от счастья, то этот человек – я.

ГЛАВА V

Тучи рассеиваются, и вновь сияет свет любви

Первое, что я сделал, после того как остановил ландо, – это поспешил на ближайший телеграф и отправил сообщения Мухаррему, матери и генералу Джевад-паше.

В последнее время все больше говорили о положении армянских областей в стране. Говорили, что всех мужчин старше пятнадцати лет убивают прямо на глазах их женщин; жен и дочерей похищают и насилюют; женщин и детей депортируют и, изнуренных и измученных, гонят на расстояния многих километров.

Я зарегистрировался в одном из больших отелей и провел два спокойных дня, ожидая весточки из дома. Наконец она пришла: моих родителей и сестру не тронули, потому что они были близкими капитана Торосяна, воевавшего на Дарданеллах. Похоже, все-таки в этих разговорах о героизме был какой-то смысл.

В воздухе витала весна, и на следующий день родители Мухаррема должны были вернуться во дворец паши после недельного отсутствия.

Я решил отправиться в Таксим в районе Пера и провести вечер в одном из военных клубов, расположенных в этом районе. Я выбрал «Казино», самый популярный из клубов, принадлежавший армянину по имени Гарабед – человеку, пользовавшемуся благосклонностью и хорошей репутацией среди турецких офицеров за свою услужливость, учтивость и щедрость.

Эта ночь была моей, и было бы ложной скромностью сказать, что она не доставила мне огромного удовольствия и не продолжает доставлять до сих пор, когда я вспоминаю о ней.

Едва я переступил порог, как несколько офицеров узнали меня и начали кричать, приветствуя «героя Гамидие». К этому времени мне уже нравилось быть героем, независимо от того, приносило это удачу или нет. Два офицера подняли меня на руки, понесли на плечах к дивану и устроили вокруг него парад. Штатские посетители клуба, большинство из которых были торговцами, вскочили на ноги и начали аплодировать и приветствовать меня. Некоторые восклицали, что нужно устроить праздник. Это была ночь, посвященная королю. А королем был я, и мне это нравилось. Владелец клуба Гарабед лично обслуживал мой стол, отстранив от работы метрдотеля

и его помощников. Вина, спиртное, песни. Я испытывал сильное возбуждение и радовался тому, что живу. Играл оркестр, и полураздетые танцовщицы чувственно двигались под восточную музыку.

Больше не было разрываемых снарядами Дарданелл, не было Армянского вопроса, не было несущей смерть чудовищной войны. В воздухе царил весна, и на следующий день мне предстояло увидеть Джамилю. Каким же счастливецом я был!

Полночь и введенный при военном положении комендантский час наступили слишком быстро. Посетители уже стали расходиться, когда Гарабед подошел ко мне и пригласил меня остаться на ночь у него дома.

Я лег спать довольный, все еще продолжая улыбаться тому, как Гарабед с гордостью рассказывал своей жене о моем армянском происхождении и об уважении, оказанном мне турками.

Когда я проснулся на следующее утро, был ясный день, и я увидел небеса цвета лазури и мерцающий солнечный свет. И заполняющее комнату благоухание цветов, растущих в саду, казалось таким непривычным после того, как я столько месяцев, просыпаясь на рассвете, вдыхал отвратительный запах жженого пороха.

За завтраком мне вдруг захотелось открыться жене Гарабед, и я рассказал ей о своей тайной любви к Джамиле. Должно быть, она поняла, насколько сильно мне хочется увидеть любимую как можно скорее, потому что, несмотря на опасность, которой она подвергалась, укрывая под своей крышей мусульманскую девушку и мужчину-христианина, она предложила мне договориться о встрече с Джамилей в ее доме.

Только позже я подумал, что наверно был ужасно невежлив; я наспех проглотил свой завтрак и, буквально вылетев из дома и быстро попрощавшись, остановил ландо.

По дороге во дворец паша написал Джамиле записку. Думаю, это было настоящим безрассудством. В ней я рассказал любимой о своих планах и попросил на следующий день в час прийти в дом Гарабед, где я буду ждать ее. Я убеждал ее найти способ сделать это.

Потом я стал беспокоиться о том, как же я смогу улучшить момент, когда нас никто не будет видеть, чтобы передать ей записку.

Когда двери во дворце открылись передо мной, мать Мухаррема уже ждала меня. Она поцеловала меня и прижала к груди, как родного сына. Паша тепло пожал мне руку, и мы вместе поднялись по мраморной лестнице, непринужденно разговаривая и смеясь.

Утро прошло за разговором с пашой. Он забрасывал меня всевозможными вопросами о фронте и заставлял рассказывать обо всем, что мне пришлось испытать. Я заметил, что он очень постарел с тех пор, как я уехал.

Я то и дело посматривал на дверь, надеясь, что в комнату войдет мать Мухаррема или его сестры. Наконец разговор затих, и я сказал, что хотел бы пойти в сад и вновь прогуляться по знакомым старым тропинкам.

Я не спеша побрел по портику и спустился в сад, который весной превращался в настоящую сказку. Высокие деревья, обрамлявшие аллею, только недавно покрылись почками, а молодая изумрудно-зеленая трава была усыпана пестрыми весенними цветами. Вьющиеся вдоль крытых тропинок виноградные лозы тянулись к солнцу своими молодыми побегами. Отойдя достаточно далеко от дома, я остановился и оглянулся назад, чтобы посмотреть, может быть, Джамиля увидела меня в окно, как я и задумал, и смогла каким-нибудь образом выскользнуть в сад. Я увидел ее. Она была словно фея в этом благоухающем сказочном царстве весны. Она быстро приближалась по окаймленной виноградными лозами тропинке и подошла ко мне тихо, словно шелест теплого ветра. И тогда, в первый раз, я поцеловал ее и прижал к груди.

И в этот миг я подумал: разве не правда, что самые сладкие мгновения любви – это мгновения, незаметно похищенные у изнуренного и изнуряющего мира. Я видел ее всего какой-то миг; поцелуй, брошенное шепотом слово, скомканная в руке записка; а потом она исчезла. Я подошел к мраморной скамейке, стоявшей у бассейна, и сел, бесконечно счастливый в блаженном весеннем полусне.

Когда я вернулся домой, паша заявил, что ни в коем случае не позволит мне оставаться во время отпуска у кого-то другого, а не в его доме. Впереди меня ждали три недели, целых три недели рядом с моей Джамилей.

Я несколько не сомневался в том, что поступил правильно, договорившись о встрече с Джамилей, не испытывал никаких угрызений совести, поскольку тайные встречи между турецкими юношами и девушками из высших слоев были распространенным явлением. Даже в те дни девушки из высших сословий презирали запреты, которые накладывал гарем, и нарушали их при первой же возможности. Придумывались бесчисленные предлоги, для того чтобы выбраться

за пределы дворцовых ворот. И, оказавшись на свободе, они собирались в назначенном месте, сбрасывали с себя строгие платья и вуали и надевали самую модную европейскую одежду, которую могли раздобыть.

В тот вечер за ужином я пытался поймать взгляд Джамили, но паша, не переставая, говорил со мной о войне и своем недовольстве тираническим правлением Военного министра Энвер-паши и Министра внутренних дел Талаат-паши, которые фактически были диктаторами. Высшие чины армии, казалось, единодушно осуждали политику этих людей, но все же их патриотизм перед лицом критической ситуации, в которой находилась их страна, сделал их беспомощными. Отец Мухаррема был первым офицером старшего командного состава, который, как я слышал, открыто сожалел о том, что Союзники не взяли или, как он выражался, отказались взять Константинополь и тем самым положить конец войне.

На другое утро я проснулся рано и под предлогом важных дел, ждавших меня в Константинополе, уехал в десять часов, сказав, что вернуться не раньше, чем на следующий день.

У Гарабеда я, должно быть, вел себя, как невыносимый зануда, и ужасно надоел его жене. Я нервно ерзал, вел пустые разговоры, расхаживал по дому, постоянно мешался на пути слуг и бесчисленное количество раз спрашивал у хозяйки дома, удастся ли, по ее мнению, Джамиле выбраться из гарема. И такое же бесчисленное количество раз она уверяла меня, что удастся.

Наступил час дня, но Джамили все еще не было. Я до сих пор помню свое театральное отчаяние. «И подумать только, — страстно жестикулировал я, — подумать только, что я считал себя счастливым».

В дверь постучали. Мое сердце перестало биться; я уверен, что перестало. В свете спокойных размышлений и в тени долгих лет, прошедших с тех пор, такое утверждение должно казаться нелепым и смешным. Но все же я уверен в том, что так и было; на какое-то мгновение мое сердце замерло.

Жена Гарабеда сама открыла дверь. Я помню только, как я остался один в гостиной, сжимая в своих объятиях Джамилю.

Я поцеловал ее, но это был не жадный порывистый поцелуй, полный страсти, к каким привыкли вы, американцы, это был нежный, трепетный поцелуй любви. Я был молод, и она была нужна мне боль-

ше всего на свете. Она была бесконечно нужна мне. Она была для меня жизнью, и я любил ее безмерно.

Мы шептались друг другу о нашей любви и преданности, и она плакала, как ребенок; она ведь и была ребенком; плакала, моля о счастье и думая о нашем скором расставании.

Позже, когда Джамили уже успокоилась и снова начала улыбаться, мы отправились на пустынный берег Босфора, где ее никто бы не узнал. Мы наняли лодку и плавали до заката, покачиваясь на синих волнах и говоря друг другу о любви. И на земле не было никого, кроме нас двоих. Может ли столько счастья уместиться в такой короткий миг? Она тихонько пела, а где-то далеко на берегу сверкала на солнце бубенчик. Эти первые часы, которые мы провели наедине друг с другом, были во сто крат волшебнее сна.

Когда мы наняли ландо и поехали обратно в город, вечерние тени уже успели незаметно подкрасться и окутать заходящее солнце. В этот день я остался ночевать у Гарабеда, а Джамили взяла другое ландо, которое увезло ее во дворец. Однако прежде мы успели договориться еще об одной встрече.

С этого дня мой отпуск превратился в унылые блуждания по садам во дворце паши, тянувшиеся между волшебными минутами наших встреч.

Когда наступила последняя неделя моего отпуска, и пришел день нашей последней встречи, войдя в дом Гарабеда, она прильнула ко мне, умоляя не покидать ее. Ее прелестное личико побледнело и осунулось, а огромные черные глаза сверкали словно звезды. Она сказала, что ей кажется, будто мы никогда больше не увидим друг друга.

В ответ я засмеялся, но, по правде говоря, я спрашивал себя, что ждет меня на Галлипольском полуострове.

В этот последний день мы вновь отправились на наш пустынный берег Босфора, но на этот раз мы были не столь веселы. Мы говорили, но очень мало.

По пути я увидел озеро. Мы остановились и побрели по окружавшим его тропинкам, наблюдая за серебряными рыбками, стрелами пронесившимися в прохладной чистой воде. Сняв вуаль, Джамили принялась небрежно размахивать ею в руке, пока тонкая ткань случайно не зацепилась за куст. Я до сих пор помню, как осторожно снимал ее с ветки. Мы увидели уединенное местечко и сели. Я шептал ей слова любви и целовал ее руки и губы. Она развязала крошечный

талисман, который носила на серебряной цепочке поверх вуали, и попросила меня хранить его на сердце. Она сказала, что этот талисман сделал один знаменитый чародей, поклявшийся Аллахом, что его владелец всегда будет защищен от ужасной смерти.

Я не засмеялся и даже не улыбнулся; только осторожно поцеловал его и положил в карман на груди.

Я прошу вашего прощения, если кажусь чересчур сентиментальным, но все это происходило, когда я был молод, и воспоминания об этом, которые живы во мне после стольких лет, все еще очень дороги мне.

Еще через три дня я уже был в лагере, приступив к новым обязанностям в качестве командира дивизиона. На четвертый день в восемь часов утра последний артиллерийский дивизион погрузился в поезд, и я стоял на перроне, прощаясь с пашой и его женой. Джамили и ее сестры не было. Жена паши в слезах рассказывала мне о том, что накануне ночью они получили записку от Мухаррема, в которой говорилось об опасном положении турецких вооруженных сил и о надвигавшихся крупных сражениях, свидетельством приближения которых были собирающиеся подкрепления противника. Джамили, сказала она, была безутешна.

Это было печальное прощание, и мне было грустно уезжать. Думаю, тогда мой героизм не стоил ничего. Мне не хотелось ехать. Паша взял мою руку и долго сжимал ее, моля Аллаха о том, чтобы он защитил меня.

Мы попрощались; я оставил их на перроне – печальных дорогих моему сердцу стариков – и запрыгнул в уезжающий поезд.

ГЛАВА VI

Боевые действия на Галлипольском полуострове

Я был назначен командиром дивизиона в составе полка знаменитой турецкой дивизии, которая, бросив вызов артиллерии Союзников, отважилась пройти Суэцкий канал. Восемьдесят процентов ее первоначального состава, включая офицеров, погибли, совершая один из самых героических подвигов времен Войны на Востоке.

Всего за пару недель до моего назначения остатки этой дивизии вернулись из Суэца. Ее истощенные ряды были пополнены лучшими солдатами резерва, находившимися в Константинополе. Теперь, когда прежняя сила дивизии была восстановлена, она направлялась на Галлипольский полуостров для участия в боевых действиях.

Мне стало известно, что англичанам удалось высадить на сушу два крупных экспедиционных корпуса: один – поблизости от форта Сед-уль-Бахр, а другой – в Ари-Бурну, неподалеку от залива Анафорта (Сувла)⁸. Французы осуществили высадку на Анатолийской стороне, пересекли Галлипольский полуостров и объединились с правым флангом британских войск на Керевис-Дере. С входа в пролив Дарданеллы и с Саросского залива высадившиеся отряды прикрывали военные корабли противника. Тот самый флот, который 18 марта уклонился от победы, теперь поддерживал огнем операцию сухопутных войск.

Планировалось, что наш полк займет позицию возле Алчи-Тепе, расположенного всего в двух шагах от вражеских фортификационных сооружений, там, где раньше располагался Сед-уль-Бахр.

Но вопрос состоял в том, как добраться до нашей позиции. Британские подводные лодки нашли безопасный путь через заминированные воды Дарданелл. В последние несколько месяцев они постоянно появлялись в водах Мраморного моря и всякий раз топили турецкие корабли снабжения. Поэтому путь по воде был перекрыт. С другой стороны, вся линия Берлин-Константинополь, по которой мы передвигались, за пределами Узун-Купри в Западной Фракии была разрушена вражескими снарядами.

Таким образом, нам ничего не оставалось, кроме как преодолеть это расстояние в пешем порядке.

⁸ Залив Эгейского моря, омывающий побережье Галлипольского полуострова на европейской стороне.

Мы покинули Узун-Купри и четыре дня шли пешим ходом, пока к вечеру четвертого дня не дошли до холмов, прямо за которыми находился Алчи-Тепе. Здесь мы получили приказ привести нашу батарею в боевую готовность, для того чтобы прикрыть находившиеся там несколько пехотных рот.

Холмы в районе Алчи-Тепе расположены неподалеку от входа в Дарданеллы; от Саросского залива Дарданеллы отделяет очень узкая полоса суши. Наша позиция находилась на линии огня британских и французских военных кораблей, и поэтому, чтобы нас не обнаружили, нам приходилось каждые три-четыре часа менять расположение нашей батареи.

Не успели мы разместиться, как немецкий генерал фон Сандерс, руководивший операциями сухопутных войск на Дарданеллах, отдал приказ об общем наступлении на британские позиции. По нашим подсчетам, численность наших сил составляла сорок тысяч человек.

Мне приказали занять позицию рядом с деревней Киртех, находившейся в километре к западу от Алчи-Тепе. Я поспешил туда со своей батареей, поскольку атака была запланирована на раннее утро следующего дня, 4 июня 1915г.

Точно определив позицию противников и установив пушки на необходимую дальность стрельбы, я приказал своим людям ждать дальнейших распоряжений.

В 4 часа утра стали раздаваться телефонные звонки, и пришло время для начала наступления. Сразу несколько больших военных оркестров затрубили патриотические марши.

Если вы прошли через сражения и видели хаос, который сеет повсюду артиллерийский обстрел, несомненно, вы испытали бы благоговейный трепет при виде того, с какой отвагой и безрассудством солдаты строй за строем двинулись вниз по склону холма, когда первые слабые проблески рассвета забрезжили в бескрайней тьме. Охваченный изумлением я смотрел, как эти турецкие солдаты наступают на британские позиции, выкрикивая призывы к Аллаху.

В это время наша артиллерия, состоявшая из восьми мощных батарей, открыла огонь, чтобы поддержать наступление. Я внимательно наблюдал за разделявшим нас расстоянием, но не был уверен в том, что наши снаряды достигают цели.

Со стороны противника не доносилось ни единого звука; даже его прожекторы были отключены.

Турецкая пехота продолжала наступать и уже достигла заграждения из колючей проволоки, окружавшего британские окопы.

Внезапно прожекторы на кораблях зажглись, и вражеский флот открыл шквальный ответный огонь. Тонны снарядов и шрапнели обрушились на наших солдат. Они были словно мокрые курицы, которых застал врасплох несущий смерть дождь снарядов. И снова воцарился хаос: рев огромных пушек, ружейная стрельба, отрывистые пулеметные выстрелы, крики, стоны умирающих солдат и, каким бы невероятным это ни показалось, трубные марши военных оркестров, вдохновлявшие людей на героическую и напрасную смерть. Это было безумие, и это было неопишимо ужасно.

Сорок пять адских минут продолжался огонь, и к тому времени, когда утреннее солнце взошло над горизонтом, море людей поглотил океан вечности, и земля превратилась в склеп с разорванными, изуродованными телами, в груды мертвых, умирающих и изувеченных.

Огонь прекратился, и следующие пятнадцать минут я смотрел, не отрываясь, на эту долину опустошения, в которой только едва двигались полуживые существа, еще совсем недавно бывшие людьми.

Вскоре из окопов высыпали британские и французские солдаты, которые под прикрытием тяжелой артиллерии начали взбираться на холм к нашей основной позиции – Алчи-Тепе.

Турки осторожно ждали, пока противник достигнет второй линии окопов. Затем они сошлись в грандиозной рукопашной схватке и начали колоть друг друга штыками. В этом бою французы и англичане понесли большие потери и были вынуждены отступить.

Вновь наступила тишина. Ни одной из сторон не удалось продвинуться вперед, и победу одержала смерть. Над ранеными собрались отряды Красного Креста. Повсюду по лужам крови сновали санитары-носильщики, разбрасывая во все стороны кровавые брызги. Мертвых предали земле. Возможно, некоторые даже не понимали, во имя кого и чего сражаются. За линией фронта женщины, когда-то с трепетом слушавшие голоса любимых мужей, остались одни, и только отголоски воспоминаний теперь вызывали у них трепет. И не было любимых, которых они могли обнять, были только призрачные воспоминания. Но, естественно, все было именно так, как должно было быть; ведь войны очень важны.

До 21 июня на Галлипольском фронте в районе Алчи-Тепе все было спокойно. Но рано утром 21 июня французские силы в Керевис-Дере провели атаку на турецкие окопы и захватили три из них.

И снова все стихло до 23 июня, когда они возобновили атаку. После шквального огня тяжелой артиллерии, последовавшего с обеих сторон, и вмешательства небольших отрядов пехоты французам так и не удалось продвинуться дальше.

Потом вновь временное затишье. Я не знаю, что было хуже: война или чудовищное напряжение ожидания. Атакуют ли противник завтра или ночью, или уже сегодня, через час или в следующее мгновение? Или может быть, наш штаб прикажет нанести по неприятелю внезапный удар? Это была не передышка, а напряженное бездействие, до предела накалявшее нервы.

28 июня вновь разразился огонь – неистовый артиллерийский обстрел с каждой точки дислокации британцев и французов. Бомбардировка продолжалась непрерывно два дня, и к утру 30 июня были захвачены еще два турецких окопа. Турки понесли огромные потери, и большая часть оставшихся сил начала беспорядочно отступать.

Что касается моей батареи, пушки были целы, и потеря среди солдат не было, но мои люди были совершенно изнурены после напряжения долгой битвы. Как и я. И когда нас сменила другая батарея, я был счастлив не меньше, чем мои солдаты.

За линией фронта, в пункте отдыха я получил разрешение переправиться через пролив и повидать Мухаррема, воинская часть которого располагалась неподалеку от города Чанак. Мы рассказывали друг другу о наших приключениях и говорили о доме, стараясь избегать любых упоминаний о том, что мы не раз находились в опасности. С этого дня и вплоть до июля нам удавалось навещать друг друга достаточно регулярно, поскольку боевые действия стихли и перешли в редкие вылазки пехоты и обмен артиллерийским огнем.

В июле сражений было ненамного больше, однако во всех этих сражениях турки несли потери. Несколько раз вражеский флот обстреливал наши позиции. Наша артиллерия отвечала тем же, и, казалось, ни одна из сторон не готова была рисковать, переходя в общее наступление.

Турки предприняли вторую крупную атаку только в начале августа. Именно в это время британцы высадились в заливе Анафорта (Сувла). И вновь вакханалия крови. И ужаса. И страданий. И безум-

ная картина убитых из винтовок, изувеченных шрапнелью и штыками.

Турецкая армия продолжала нести огромные потери, но упорно удерживала свою позицию, несмотря на преимущество Союзников, которых поддерживал могучий флот.

И как будто мало было несчастий и людских потерь. Знойные летние месяцы принесли с собой эпидемию тифа. Иногда мне кажется, что от полного уничтожения обе стороны спасли прохладные сентябрьские ветра.

Утро 29 сентября выдалось таким же, как и предыдущие дни, – ясным, прохладным и зловещим. Вот уже несколько недель военные действия сводились к незначительным стычкам и редкому артиллерийскому обстрелу с обеих сторон.

История, о которой я сейчас расскажу, может показаться вам похожей на сцену из восточного романа или на эпизод из сказки, и все же эта история – жестокая правда. Я не буду пытаться придать ей какую-либо поэтичность или романтический ореол, которого у нее не было. Она была слишком мучительно реальной, для того чтобы быть романтической, и мои чувства были до такой степени притуплены, и до того я привык к смерти, что, казалось, моя душа превратилась в огромную зияющую пустоту, в которой наощупь бродила печаль.

Утром 29 сентября я получил сообщение о том, что Мухаррем тяжело ранен и очень хочет поскорее увидеть меня.

Я отпрашивался на этот день, назначил своих лейтенантов ответственными за батарею и каким-то образом, сам не знаю, как, переправился через пролив. На другом берегу, в госпитале, я нашел Мухаррема. Он лежал на койке весь в бинтах, из которых выглядывали только сверкающие глаза и распухшие синие губы.

Врач отделения сообщил мне, что у Мухаррема нет шансов; все его тело было в ранах, и у него было сильное внутреннее кровотечение.

Я сел рядом с его кроватью и взял его руку, единственную часть тела, которая не была перебинтована, сжал ее в своей руке и улыбнулся, и сказал, что он скоро поправится, и спросил, для чего ему понадобилось прыгать под снаряд. Мой голос казался мне самому плоским и банальным, таким же плоским и банальным, как и неправдивая ложь, которую он произносил, потому что Мухаррем знал, что я говорю неправду, и что я понимаю, что он знает это. Он попытался

улыбнуться мне. До сих пор меня преследуют его блестящие в лихорадке глаза. Это перебинтованное тело, этот умирающий человек был моим самым близким другом, моим товарищем, с которым мы были неразлучны все лучшие юные годы моей жизни. Но почему? Для чего? В одно мгновение перед моими глазами пронеслись все те дни, что мы провели вместе. То, как весело нам было, наша карьера, планы, которые мы строили на будущее; я думал обо всем этом, и, уверен, он тоже, только он знал, что его мечты уже никогда не осуществятся. Огромная чудовищная жестокость войны придавила меня и лишила дара речи.

Он попытался что-то сказать, но его распухшие губы только издали хриплый шепот. Я умолял его не испытывать свои силы, но он упрямо твердил, что скоро умрет, он точно это знает, и что ему непременно нужно поведать мне одну тайну.

Тайна, которую он собирался мне рассказать, касалась Джамили. Его голос был тихим и сухим, но, рассказывая мне ее историю, он почти не запинаясь, разве только из-за боли. Именно в эту минуту я вспомнил, как мать Мухаррема отозвала его в сторону. Это было в тот весенний день, когда нам казалось, что война всего лишь забава.

Конечно, по прошествии стольких лет я не смогу рассказать вам эту историю точно теми же словами, которые произносил Мухаррем, поэтому я передам ее вкратце, так, как я ее сейчас вспоминаю.

— Я хочу поведать тебе о своей сестре Джамиле, — прошептал он со странной, новой для меня интонацией. — Во время армянской резни в 1896 году мой отец был командиром бригады, размещавшейся близ Муша. Еще в то время он был глубоко огорчен произволом, учиненным турками по отношению к христианским подданным. Однажды, проходя через армянскую деревню, он подобрал маленькую девочку едва ли старше двух лет, бесцельно бродившую по опустевшим улицам. Не было никаких следов, по которым он мог бы найти ее родителей, и из жалости, или из любви, или из сожаления мой отец взял ее с собой домой. Потом она была принята в семью. Моя мать, однако, не желала, чтобы она носила татуировку в виде креста на левом плече, и с помощью кислоты ей удалось избавиться от этого символа христианской веры; он оставил за собой шрам необычной формы.

Мои родители очень надеялись, что я женюсь на ней, но ты давно знаешь о моей любви к Нурие, а я, прости, что говорю об этом, понял, что ты любишь Джамилю. Я говорю тебе это для того, чтобы ты знал,

что она принадлежит к твоему народу, и что Аллах, с одной стороны, и Бог — с другой, не разделяют вас.

Мой дорогой друг, все, о чем я тебе сейчас поведал, — мой секрет. Пойди к Нурие и скажи ей о моей беззаветной любви. Повидайся с моей матерью и сестрой и передай им, что я люблю их.

Сейчас, когда я перечитываю эти слова, они звучат пафосно, а сама история выглядит не более чем сказочной выдумкой лихорадочного сознания, но в то же время, все это пустые слова, жалкие тени того, что я в действительности видел и чувствовал в тот вечер. Тогда они не казались пафосными. Я хотел, чтобы мой друг жил, и я принимал его фатализм.

Два дня спустя, мрачным дождливым утром, он умер; умер, когда я сидел у его кровати, сжимая его руку. Я смотрел вдаль, а он, казалось, спал; и я почувствовал, как его рука похолодела в моей.

Той ночью, когда я плыл по темным водам пролива обратно в свою часть, ветер яростно разносил дождь и хлестал им в лицо, словно плетями. Очень непросто потерять друга и внезапно почувствовать себя одиноким. Возможно, дружба все же значит больше, чем любовь, потому что в этот миг я думал не о Джамиле, а о Мухарреме, чей голос стих навсегда; нигде уже я его не увижу снова, нигде не услышу его смех. Даже на войне, в этом огромном склепе, смерть может дотронуться до вашего плеча и сказать: «Хотя ты видишь меня каждый день, хотя на твоих глазах умирают сотни, тысячи солдат, и ты уже ни в грош меня не ставишь, когда я проскальзываю мимо тебя совсем близко, я все еще могу причинить тебе боль».

Я хотел отпроситься и отправиться к паше, но давление со стороны противника еще больше усилилось, а его атаки участились, поэтому я успел только набросать ему письмо. На протяжении трех месяцев Союзники теснили нас, каждая их операция завершалась огромными потерями для турок, и я уже начал задаваться вопросом, не будут ли турецкие войска полностью уничтожены на Галлипольском фронте. Все же эти бесконечные сражения не привели к существенному продвижению противника.

Я вновь начал размышлять над тактикой Союзников, и вновь я пришел к выводу, что они не хотели брать Константинополь. Это была не война, а бесполезная бойня во имя дипломатии.

Наверно каждый военный недоумевал, почему Союзники не высаживают на крайних точках Галлипольского полуострова и в районе залива Сувла большие отряды. Союзный флот мог запросто пройти

Саросский залив до крайней узкой точки полуострова и высадить там свои отряды, чтобы заблокировать турецкие войска на узкой полоске суши, отрезав их от любой возможной связи с Константинополем. Однако призрак русского медведя, захватившего пролив, помешал осуществлению такого простого и эффективного маневра.

В то время как французские и английские войска закреплялись на Галлипольском полуострове, их российский союзник уверенно продвигался в северо-восточной части Малой Азии. К декабрю 1915г. русские отряды прошли уже несколько сотен километров на Кавказском фронте и в конце января 1916г. оккупировали территорию неподалеку от города Эрзурум.

В это же самое время другой сильный русский отряд проложил себе путь на Персидском фронте и к первой неделе января уже достиг города Хамадан⁹, с тем чтобы соединиться с британскими войсками в Месопотамии.

До нас дошли новости, что турецкие власти вновь готовятся эвакуироваться из Константинополя, поскольку он был столицей. Повторялось 18 марта 1915г.; французы и англичане снова колотили в дверь.

И уже во второй раз случилось неожиданное, и снова турки начали ошибочно благодарить Аллаха, тогда как им нужно было благодарить французскую и английскую дипломатию.

Сопrotивление турецких сил все больше ослабевало, потери уже достигали запредельных цифр, но французы и англичане вдруг решили вывести войска из района Галлипольского полуострова. В ночь на 8 и на 9 января 1916г. вражеские отряды погрузились на борт ожидавших их кораблей и уплыли, оставив огромное количество военной техники, снаряжения и продовольствия.

Тотчас же все войска, за исключением основных, были отозваны с Дарданелл, и турки приступили к реорганизации разбитых полков с целью отразить угрозу со стороны русских.

Давайте вновь вернемся к Персидскому и Кавказскому фронтам и посмотрим, что произошло дальше.

Турецкие силы, двигавшиеся с Месопотамского фронта на север к Кавказскому фронту, рассчитывали прорвать линию наступления русских войск и, таким образом, не позволить им захватить некоторые из наиболее крупных городов. Однако до середины февраля

⁹ В Древности – Экбатаны. Город в Иране, столица провинции Хамадан.

наступления турецких сил отбивались с огромными потерями для турок: более 40 000 турок были убиты и около 20 000 – захвачены в плен. Русские повсеместно одерживали победы. Под их контроль уже перешли такие большие процветающие города, как Ван¹⁰, Битлис¹¹, Муш¹², многочисленные окружающие их небольшие городки, также представляющие особую важность, и один из крупнейших портов на Черном море – порт Трапезунд¹³. К 30 апреля 1916г. русские приблизились к Константинополю на расстояние 720 километров.

В то же время ситуация на Персидском фронте поначалу приняла достаточно странный оборот. Русские войска, продвигавшиеся через Персию к городу Хамадан с намерением соединиться с британскими войсками в Месопотамии, натолкнулись на очевидное нежелание англичан предпринимать дальнейшие действия. Тем временем турки подтянули резервы с Галлипольского полуострова, и в конце мая им удалось вытеснить русских.

Но где был английский генерал Таунсенд¹⁴ со своей бригадой из 19.000 человек, размещавшейся в городе Кут-эль-Амара? И почему они бездействовали три месяца? Должно быть, русские тоже размышляли над этим вопросом.

Каким бы странным и фантастичным это ни показалось, но 29 апреля 1916г. генерал Таунсенд сдался турецким войскам, в три раза уступавшим по численности его силам.

Турецкие генералы были настолько удивлены его капитуляцией, что генералу Таунсенду пришлось объяснять, что его бригада занимала Месопотамию только для того, чтобы защищать от внешних противников интересы Великобритании в Индии и Персии.

¹⁰ Столица древней Армении. Город на востоке современной Турции. Административный центр ила Ван.

¹¹ Битлис или Багеш – город и район в иле Битлис на востоке современной Турции.

¹² Город в современной Турции. Столица одноименной провинции.

¹³ Современное название – Трабзон. Город в современной Турции. Административный центр ила Трабзон.

¹⁴ Чарльз Вере Феррерс Таунсенд (21 февраля 1861 – 18 мая 1924) – британский военный деятель, генерал-майор.

Изумленные турки едва успели поверить своему счастью и прийти в себя от заявления генерала Таунсенда, как произошло нечто еще более невероятное. Генерал Таунсенд предложил выплатить туркам триста тысяч фунтов стерлингов, если его войскам предоставят свободу в обмен на клятву, что никогда больше они не будут досаждать туркам на Месопотамском или каком-либо другом фронте.

Сумма была огромной, а предложение генерала – не только невероятным, но и заманчивым для турок; и только присутствие их немецких союзников и советников помешало принять такую внушительную взятку. Таким образом, войска генерала Таунсенда безоговорочно и без всякой необходимости капитулировали и стали военнопленными. Цена, которую заплатили солдаты этого британского отряда кровью и пытками, не имеет эквивалентов в анналах истории. Дипломатия выиграла еще одно очко, результатов которого почти девятнадцать тысячам человек уже не суждено было дожить.

Генерала Таунсенда отправили в Константинополь, интернировали и предоставили ему дворец на Босфоре, а что касается его солдат, им повезло гораздо меньше.

Поначалу их разделили по национальному признаку, потом – согласно религиозному вероисповеданию. Почти три тысячи из них были лишены одежды, подвергнуты всяческим издевательствам, унижениям и пыткам. Сотни были убиты сразу же. И только солдаты индийского происхождения и магометане получили хоть какие-то шансы выжить. Даже три сотни британских офицеров не избежали ужасной участи. Их погнали на расстояние сотен километров, оставив практически без еды и медицинской помощи. Но очень немногим солдатам из бригады генерала Таунсенда суждено было дойти до Константинополя и Аски-Сехира.

Спустя несколько месяцев после капитуляции и рассеивания бригады, направляясь в Мосул, я проходил через Месопотамскую долину. В городе Дарра, древней столице царя Дария, я увидел человеческие кости, около пяти сотен скелетов. Я сразу отметил, что волосы на черепках светло-каштанового цвета; определенно, останки принадлежали не армянам и не туркам.

Позже я узнал от местных жителей и от хвастливых офицеров и чиновников, что несколько сотен британских солдат были ограблены, раздеты и брошены в огромную яму, в которой и лежала большая часть скелетов. Яма соединялась с рекой и таким образом затопля-

лась водой, и люди тонули точно так же, как это происходило в дни царя Дария старшего.

Я сказал, что это были скелеты, но на самом деле многие из них все еще находились на разных стадиях разложения.

В самом деле, смерть героев иногда может быть странной.

ГЛАВА VII

Тайна гарема

После нескольких месяцев сражений на Галлипольском полуострове наша дивизия была практически полностью уничтожена. 14 января 1916г. оставшиеся солдаты отправились обратно в Константинополь, где им предстояло быстро реорганизоваться и получить новое снаряжение. Необходимо было подготовить сотни людей, которые бы восполнили потери. Задача была непростой, и ее выполнение должно было занять несколько месяцев. Меня назначили командиром 1-го дивизиона резервной артиллерии, размещавшейся в Рами-Кишла, на берегах Золотого Рога¹⁵.

Прежде чем я принял новое командование, мне предоставили отпуск на неделю.

Был почти полдень. Я бродил по улицам Константинополя, с нетерпением ожидая, когда всего через несколько часов я вновь увижу родных Мухаррема. Джамиля, день, когда умер Мухаррем, мои родители – почему от них так давно не было вестей? Мои мысли превратились в хаос возрастающих сомнений, угасающих надежд, озлобленности и горечи. Я зашел на телеграф и отправил еще одно сообщение своим родителям, предупредив их о том, чтобы ответ они написали мне на адрес паши. Гуляя по улицам, я начал замечать, что в этом некогда процветающем районе многое изменилось. Женщины и дети уже не расхаживали в пышных модных нарядах; теперь они были одеты убого, и даже сама их фигура казалась измученной и жалкой. Лишения и голод брали свое. Я видел народ, который был на грани голодной смерти. Перед пекарнями собирались очереди, ожидавшие своей ежедневной порции хлеба. Эти люди голодали. Я видел это по их худым, бледным и осунувшимся лицам.

Над каждой второй дверью висел траурный балдахин. Константинополь, этот великолепный город на Мраморном море, стал походить на женщину, которую болезнь, горе и старость лишили былой красоты и очарования.

Большинство рынков закрылись, а в тех немногих, что все еще работали, толпились немецкие офицеры, скупавшие все продукты для своих семей, оставшихся на родине.

¹⁵ Узкий, изогнутый в форме рога залив, впадающий в пролив Босфор.

За самые дешевые продукты требовали огромные деньги, а ценные предметы домашнего обихода обменивались на простые предметы первой необходимости.

Если в таком положении оказались средние классы, страшно было представить, какие лишения приходилось переносить беднякам, которых было гораздо больше. Проходя по одному из рынков, я услышал, как люди говорят о том, что тысячи детей умирают от голода и болезней. Я слышал рассказы об отчаявшихся женщинах, которые группами выходили на улицы по ночам и грабили магазины с продуктами или нападали на ничего не подозревающих прохожих.

По улицам тянулись вереницы попрошаек.

Я дошел до района Султана Баязида¹⁶, где мое внимание привлекло кафе Эмин-бея. Обычно здесь собирались высокопоставленные турецкие чиновники и мусульманское духовенство. Вдруг мне пришлось в голову, что если я зайду и посижу немного в кафе, то смогу узнать что-то новое о ситуации в стране и услышать хоть какие-нибудь новости о положении армян.

Я прошел основной зал и вышел в маленький аккуратный садик на заднем дворе, где собрались несколько групп офицеров и турецких чиновников. Суть их беседы понять было несложно. Оглядевшись по сторонам, я заметил столик, за которым сидели четыре офицера высокого звания. Я решил положить на свои медали, которые оправдали бы мою дерзость, подошел к ним и, улыбнувшись своей, как я надеялся, самой обаятельной улыбкой, произнес традиционное приветствие в Турции: «Ас-салам-алеюкум».

Разговор тотчас затих, и они посмотрели на меня. Мои медали сделали свое дело. Они встали и в один голос ответили: «Алейкум-ас-салам».

Теперь их обращение было весьма теплым. Они попросили меня присоединиться к их столику. Без всяких сомнений, они не догадывались о том, что я армянин.

Однако по проницательному взгляду неотрывно следивших за мной глаз я понял, что им любопытно узнать обо мне побольше.

Один из офицеров отметил, что я выгляжу уставшим, а другой спросил, откуда я прибыл. Когда я взял сигарету, он наклонился ко мне и настоял на том, чтобы я позволил ему дать мне прикурить, в то время как сам он мог ближе рассмотреть мои медали.

¹⁶ Баязид I Молниеносный – османский султан, правивший с 1389 по 1402 гг.

– С Дарданелл, где я сражался против гяуров, – ответил я.

Их это очень заинтересовало. Они стали расспрашивать меня, много ли солдат в войсках неверных, и большие ли потери они нанесли нашей армии.

– Нет, совершенно, – солгал я. – Особенно когда мы вынули Херхахи Шереф¹⁷ Мухаммеда и стали ему поклоняться. Мы потеряли совсем мало людей, потери же гяуров были большими.

Нет ничего лучше первоклассной, неприкрытой лжи, чтобы порадовать людей, которым гораздо больше хочется слышать эту ложь, нежели правду.

Они снова заговорили открыто. Все сходилось во мнении, что турки вскоре выиграют войну, особенно сейчас, когда удалось склонить на свою сторону болгар.

– Бывает, – сказал один из них, – что и гяуры могут пригодиться, но все же лучше охотиться на них, как на кроликов, чем принимать их как братьев.

Как только они заговорили об армянах, к ним пришло красноречие. Они ненавидели армян не только за их веру, но еще и потому, что армяне контролировали большую часть торговли в Турции. А еще им не нравилось, что священный день армян – воскресенье, а не пятница. Однако больше всего их, кажется, раздражало то, что богатые армяне зарабатывали гораздо больше, чем богатые турки. И неважно, что так удачливы были только сравнительно немногие армянские паши и крупные торговцы.

С огромным удовольствием они принялись обсуждать меры, которые пустила в ход правящая партия и которые могли показаться поразительными и невероятными, – план по полному уничтожению армянского населения Турции. Человек, не знакомый с их страстным фанатизмом, решил бы, что этот разговор – бред сумасшедшего. Но больше всего меня беспокоила их абсолютная уверенность в том, что во всех областях правительство назначило в качестве специальных представителей чиновников, способных и решительно настроенных привести в действие этот страшный план.

Я встал, попросил прощения, используя банальную отговорку, что мне нужно возвращаться в свой полк, и вышел на улицу, более чем когда-либо обеспокоенный за своих родителей.

¹⁷ Священный плащ.

По пути мне не встретилось почти ни одного ландо, и я вернулся в Диреклер Араси, расположенный неподалеку военный пост, где я оставил под присмотром своего дежурного лошадей.

Я направился во дворец паши. Теперь я уже не чувствовал себя таким уж счастливым.

Когда я въехал во двор и спешился, на душе у меня скребли кошки. Холодная нагота деревьев, уже успевших сбросить листья, превратила длинную аллею, ведущую к дворцу, в пустынную дорогу к мавзолею. Печальный зимний сад. Темный траурный балдахин, ниспадающий на массивную дверь. На поле битвы смерть была уродливой и жестокой, и в то же время настолько банальной, что ее принимали как пеструю картину зверства тех дней, но здесь, далеко за линией фронта, она становилась мрачной до того, что душа уходила в пятки.

В огромном вестибюле дворца меня принял странный на вид евнух. Он проводил меня к поникшей фигуре в черном одеянии, в которой я едва узнал мать Мухаррема. Она обняла меня и долго плакала в моих объятиях, а я пытался ее утешить.

Я осведомился о том, где паша, но она не ответила, и я почувствовал, что сейчас она упадет в обморок. Я помог ей дойти до дивана, а слуги поспешили за Фериде и Джамилей.

Наверно лучше бы евнух не звал девушек, потому что они ничем не могли помочь, только бросились в ноги матери и заплакали вместе с ней. Я оказался в положении, в котором даже герой почувствовал бы себя беспомощным, а я, кажется, говорил до этого, что никакой я не герой.

Наконец девушки успокоились. Первой пришла в себя Фериде, потом – Джамия. Я поцеловал им руки.

Наши с Джамилей взгляды встретились, и в ее огромных черных глазах, так многое умевших сказать без слов, я увидел страсть, которая заставила мое сердце биться чаще.

В полной тишине, которую нарушал только мой голос, в эту секунду звучавший грубо и чересчур громко, я рассказывал им о том, как умер мой друг. Я вынужден был вновь пережить эти минуты, и это было непросто. Когда я закончил свой рассказ, все молчали. Они сидели, прижавшись друг к другу, и впервые за все время дворец паши показался мне пустым и холодным. Персидские ковры и великолепные гобелены исчезли. Больше не было бесценных столиков с инкрустацией, потрясающих картин, даже ваз нигде не было видно.

Остались только тахты и несколько диванов, перед которыми были расстелены простые коврики. Мебель стояла в каком-то беспорядке, и комната казалась теперь слишком большой.

Позже я узнал, что они разорились и вынуждены были расстаться почти со всеми ценными предметами, имевшимися в доме, для того чтобы выплатить государственные ссуды, которые никак не удавалось погасить и которые, как сказала жена паши, не стоили и гроша. Она была очень зла на правительство.

— Мы страдали, но терпели, — сказала она, — до тех пор, пока они не взяли Мухаррема. И паша отчаялся. Он больше не мог выносить это место: эти сады, эти деревья, эти старые знакомые аллеи — все это дышало воспоминаниями о Мухарреме.

Он часами сидел в своем кабинете. Ему так сложно было жить здесь с этим горем, что он решил как можно скорее уехать из Константинополя и договорился о том, чтобы его назначили выполнять миссию в Аравии. Там он будет использовать свое влияние, чтобы заручиться поддержкой арабских вождей, привлекая их на сторону турок.

Он хочет, чтобы мы последовали за ним, и в течение двух недель мы тоже уедем.

Я слушал ее, беспомощно глядя в пространство, и, должно быть, выглядел очень глупо.

Я спрашивал себя, что происходит с моим маленьким миром. Мой друг погиб. Судьба родителей мне неизвестна. Впереди меня ждет разлука с любимой на долгие месяцы, может быть, годы. Мои самые близкие друзья в один миг будут мною потеряны. Я чувствовал себя крошечной каплей в бушующем океане чужаков. И уже совсем скоро мне предстояло быть брошенным в этот океан на произвол судьбы.

Внезапно заговорившая мать Мухаррема вывела меня из оцепенения. Когда раздался ее голос, я даже вздрогнул от неожиданности. Она спрашивала, нет ли у меня вестей от родителей. Когда я ответил, что уже два месяца не получал от них никаких вестей, она, кажется, забыла о своем собственном горе и принялась меня успокаивать, убеждая в том, что мне не стоит беспокоиться, потому что благодаря моим военным заслугам, вне всякого сомнения, их не будут трогать, особенно теперь, когда был издан декрет, защищавший от депортации и убийства семьи верных государству солдат-христиан.

День клонился к закату, а у меня все еще не было случая даже слово шепнуть наедине Джамиле. Я уже встал, собираясь уйти, но они даже слышать не хотели об этом, настаивая на том, что я должен провести еще хотя бы одну последнюю ночь во дворце и разделить их одиночество, ведь в мире, в котором теперь царила война, это единственное, что могло утешить их, женщин.

И мужчин, по крайней мере, некоторых, подумал я.

Перед обедом мне все же удалось шепнуть Джамиле, так чтобы никто не слышал: «В пятницу, у Гарабеда, в два часа».

На следующий день я в последний раз спустился в безжизненный зимний сад. Я бродил между сбросившими листву деревьями и долго сидел один на скамейке у бассейна.

Следующие три дня были унылой вечностью, в которой минуты длились тысячи секунд, а часы тянулись тысячи минут. Наконец я получил письмо, которое, предположительно, было написано моей матерью. В нем говорилось о том, что с родными все в порядке, и что они в безопасности. И все же подпись под посланием вызвала у меня некоторые подозрения; она гласила «Госпожа Вардуи Торосян», хотя моя мать всегда подписывала телеграммы «Вардэ Торосян».

Я сильно сомневался в том, что сообщение действительно написано ее рукой, и поэтому тотчас же написал два письма и отправил их матери срочной почтой в разное время дня: сначала одно, потом второе. Ответ должен был прийти через две недели.

В пятницу я встретился в доме Гарабеда с Джамилей, и мы отправились в крошечный пригород Макрикой, расположенный на берегах Мраморного моря.

Был мягкий зимний день. Мы гуляли по пустынному пляжу и набрели на небольшой шатер. Мы сидели там совсем одни, и я прижмал ее к груди и целовал.

Вдруг поведенная Мухарремом история показалась мне порывом охваченного лихорадкой преданного друга. Она была такой невероятной, но вместе с тем я чувствовал, что это правда.

Я не был таким уж большим романтиком, и сейчас порой думаю, не слишком ли резок я был в своих ухаживаниях за Джамилей. И мне кажется, что я был весьма груб.

Я поцеловал ее и сделал то, чего никогда раньше не осмеливался сделать. Я поднял легкие струящиеся рукава и обнажил ее нежные руки. Я помню испуганную тень, проскользнувшую в ее огромных

глазах. А потом она опустила свои черные ресницы и вновь коснулась губами моих губ.

– Это правда, что у тебя на плече есть шрам? – спросил я взволнованно. – На левом плече.

Мой вопрос поразил ее.

– Да, – воскликнула она. – Но откуда ты знаешь?

Он был точно таким, как его описывал Мухаррем – бледное изображение креста на обожженной кислотой сморщенной коже.

Сбиваясь и заикаясь от нетерпения, я поведал ей тайну, которую открыл мне Мухаррем. Я хотел, чтобы она была бесконечно счастлива, и я знал, что она всегда очень сильно переживала из-за того, что она мусульманка, и ей никогда не позволят выйти замуж за христианина. Моя речь была беспорядочной, но, слушая меня, она радостно смеялась.

Ее глаза светились от счастья, а размянувшееся лицо излучало тепло.

Мы сидели так до самого заката, а потом она начала кашлять. Я принялся увещевать ее лучше следить за своим здоровьем и поругал за то, что она простудилась.

Она ответила, что простыла не только что, а достаточно давно, и это недомогание никак не хочет ее покидать, хочет остаться с ней точно так же, как она, Джамия, хочет остаться со мной.

На обратном пути к Гарабеду она была молчалива. Я тоже молчал. Потом она расплакалась и стала умолять меня сделать что-нибудь, чтобы мы не разлучались. Она боялась, что, разлучившись, мы больше никогда уже не увидим друг друга. Говорила о преследовавшем ее странном предчувствии и об опасностях войны.

Больше всего на свете я хотел, чтобы она была рядом со мной всегда, но я знал, что это невозможно, и она тоже понимала это.

Мы убеждали друг друга, что любовь бессмертна, и клялись, что всегда будем любить друг друга. Она снова начала кашлять, и я накинул ей на плечи свой плащ.

Ландо, которое мне удалось нанять, тянула старая лошадь, поэтому обратная дорога вышла очень долгой, долгой и счастливой, и полной разговоров о любви и планов, и радостных картин будущего.

Это был последний мой выходной, который мы провели вместе.

На следующий день мой отпуск подошел к концу.

Неделю спустя жена паши вместе с дочерьми уехала в Аравию, и

я отправился на вокзал Хайдар паша провожать их.

Множество родственников и друзей пришли попрощаться с ними, и я остался стоять в стороне.

Увидев меня, Джамия помахала мне рукой, и не успел я опомниться, как она оказалась в моих объятиях, и я целовал ее. Но, даже целуя ее, я думал о том, что же будет с ней, ведь вокруг было столько турецких женщин из высших слоев общества, строго придерживавшихся традиций своего класса. И все же война и расставание даже аристократов могут сделать терпимыми.

Потом жена паши и Фериде обняли меня и попросили великого Аллаха и дух Мухаррема защищать меня.

Раздался гудок, потом ужасный шум и суматоха, звуки отъезжающих машин, размахивание платками на прощание. А потом все вмиг исчезло, и осталось только одиночество, такое полное всепоглощающее одиночество, что мир стал казаться заброшенной свалкой, в которой то здесь, то там двигались смутные тени людей. А я стоял совершенно один.

ГЛАВА VIII

Печальная судьба моих родителей

Это были дни безмерной тревоги, не оставлявшей времени на размышления, изматывающие дни. С утра до ночи суматоха, спешка, обучение новобранцев в крайне сложных условиях.

Постоянно прибывали группы молодых турецких крестьян, и в течение шести недель мы должны были обучить их основам военной службы и провести с ними максимально интенсивную подготовку, чтобы потом бросить в ненасытную пасть войны. Иногда я удивляюсь, как мы вообще умудрились обучать их, ведь, не имея никакого образования, они казались до невозможного тугоумными.

Их научили только одному – слепой вере и покорному принятию судьбы, уготовленной им Аллахом. Думаю, нам, офицерам, повезло, что у них была эта вера, иначе они бы никак не вынесли постигшую их невыносимую участь.

По мне, так их доля была нестерпимой. Они жили в отвратительно грязных казармах, ни о какой санитарии не было и речи; еду, которой всегда не хватало, тоже готовили в грязных запущенных кухнях.

Когда наступало время обеда, они превращались в настоящих животных. Их ежедневный паек составляли сто грамм мяса, сто пятьдесят грамм риса и килограмм хлеба на человека, поэтому они всегда голодали. Когда раздавался зовущий к обеду рев трубы, разгоралась настоящая схватка за место на полу казарм. Разделившись на группы из восьми человек, они садились в круг, поднимая деревянные ложки, словно ждали, что в них положат еду. В центр каждого круга капралы ставили десятилитровые чаны с жиденьким супом и делили мясо на девять маленьких кусочков. После этого звучал сигнал приступать к обеду, и каждый с жадностью набрасывался на еду, стараясь пропихнуть свою ложку в кастрюлю и проглотить как можно больше этой жидкости, которая называлась супом. И вот наконец обед заканчивался, и, вытирая жирные пальцы и ложки о форму, они принимались восхвалять Аллаха.

И при этом зарплата их составляла всего двадцать центов в месяц.

День за днем мы в ужасной спешке гнали их по программе подготовки, и день за днем я ждал весточки от матери.

Близилась середина февраля, мои беспокойство и тревога становились все сильнее, и я не мог уже выдержать и обратился в Военное

министерство с просьбой помочь мне найти информацию о судьбе близких. Я так и не получил ответа на отправленные срочной почтой письма; телеграммы, которые я посылал раз в неделю, также оставались без ответа.

Секретарь Энвер-паши принял меня и, услышав мою историю, отправил телеграмму каймакаму¹⁸ Эверека с требованием незамедлительно сообщить в Военное министерство о местонахождении семьи капитана Торосьяна. Секретарь искренне хотел помочь мне и попросил прийти через два дня, пообещав, что к тому времени он уже получит ответ.

Когда я снова пришел к нему на второй день, по его лицу я понял, что он собирается сообщить мне именно то, чего я опасался. Он дал мне прочитать телеграмму, подписанную каймакамом Эверека – Зеки – и адресованную Военному министру. В ней говорилось, что семья Саргис-бея Торосьяна, капитана артиллерии в составе армии Его превосходительства, была по ошибке депортирована, и что каймакам прилагает усилия, чтобы определить ее местонахождение и вернуть в сохранности домой.

Я был вне себя от гнева, но в то же время чувствовал, что бессилен что-либо сделать. Я умолял секретаря самому взяться за это дело и попытаться разыскать их. Он отправил несколько телеграмм в пункты, расположенные на путях, по которым следовали армянские беженцы, и попросил меня прийти снова в конце недели.

Несколько недель подряд приходил в Военное министерство и с каждым разом покидал его все более подавленный и расстроенный. Я никак не мог поверить в то, что в эту самую минуту мои родители, возможно, идут, согнувшись под ударами плетей преступников и извращенцев, специально выпущенных с этой целью из тюрьмы. Может быть, уже тогда мой отец лежал мертвый где-нибудь на обочине, и его труп жадно клевали стервятники.

Наконец однажды я решил отправиться в один из районов Константинополя, где, по словам Гарабедя, можно было встретить нескольких жителей Эверека, все еще занимавшихся малым предпринимательством. Я отыскал одного из них, и мужчина поведал мне по секрету, что накануне вечером из Эверека прибыла семья армян. Теперь они прятались в доме на соседней улице.

¹⁸ Глава администрации уезда.

Я нашел этот дом и несколько раз постучал в дверь, но никто не открыл. Мне показалось, что я видел, как кто-то осторожно отодвинул занавеску, и я попросил на армянском впустить меня в дом. Из окна выглянула испуганная пожилая женщина. Я повторил свою просьбу открыть дверь, уверяя ее, что бояться нечего, но она все еще колебалась, очевидно, не доверяя мне из-за моей формы. Думаю, она не могла поверить своим глазам, что перед ней в форме турецкого офицера стоит армянин. Однако, услышав фамилию «Торосян», она впустила меня, потому что, как выяснилось, знала мою семью еще в Эвереке.

Женщина отвела меня на чердак на верхнем этаже и, открыв дверь, за которой оказался чулан, тихо позвала:

– Григор.

На противоположной стороне чулана медленно отворилась дверь, и из нее осторожно показалось лицо мужчины.

Я объяснил ему, для чего пришел, и он вышел и крепко обнял меня, радуясь, кажется, только тому, что это не турки, которые пришли схватить его.

Позже, когда мы сидели на раскладушке в темном чулане, он рассказал мне, что произошло в Эвереке. Его все еще молодое лицо было очень худым и сплошь покрытым морщинами, а в глазах застыл затравленный взгляд. Я передам его речь дословно, так как помню каждое сказанное им слово.

– Погромы в Эвереке начались еще 6 июня 1915г., – сказал он. – Все здоровое мужское армянское население вывели из города и погнали на многие километры якобы на строительство дорог и мостов для армии. Однако вместо этого мужчин расстреляли и вырезали, а их тела разбросали по окрестным лесам.

После этого всех женщин и детей тоже собрали и депортировали в неизвестных направлениях. День за днем, изнуренные и голодные, они шли по горным дорогам. Позже мы узнали, что почти все они погибли от голода и невыносимых условий. Тогда, капитан, твоих родителей не тронули, потому что ты офицер турецкой армии.

Мне повезло, и я смог укрыться в доме своего влиятельного приятеля-турка, жившего в соседней деревне. Стоя у окна мансарды, я видел эту несчастную процессию, готовившуюся к исходу, сотни здоровых крепких молодых мужчин, которые шли по улицам, подгоняемые многочисленным конвоем.

Той ночью под покровом темноты я вернулся домой и нашел свою жену и ребенка. Они прятались в убежище, построенном в подвале нашего дома, и были перепуганы и очень слабы после долгих часов заточения в спертom воздухе подвала. Я отвел их наверх и привел в чувство.

Потом я стал думать, как вывести их в безопасности из Эверека.

Вернувшись в дом укрывавшего меня турка, я попросил у него совета и помощи. Он опасался властей, но вместе с тем хотел помочь мне и согласился отправить на следующий день одного из своих слуг ко мне домой за моей семьей. Слуга должен был взять с собой турецкое платье и хиджаб для моей жены и подходящую турецкую одежду для ребенка.

Он выполнил обещание, и моим родным удалось незамеченными пройти через городские ворота.

Восемь недель я жил в его доме и зарабатывал на хлеб, продавая хлопчатобумажные и шелковые нитки и другие швейные принадлежности жителям соседних деревень.

Вскоре, однако, мой турецкий приятель начал проявлять признаки беспокойства и опасения, намекая мне, что великий Аллах недоволен тем, что он укрывает под своей крышей христианина. Я решил еще раз тайно проникнуть в Эверек и посмотреть, не наладилась ли ситуация достаточно, чтобы мы могли без угрозы для жизни вернуться домой.

Но я увидел, что в городе по-прежнему царят ужас и смятение. Погромы уже дошли до северных районов, где сотни семей силой выгоняли из домов и депортировали.

Тогда я и встретил твоих родителей, отчаянно пытавшихся защититься от преследований каймакама Зеки. И так как всем было известно, что ты офицер турецкой армии, о твоих родителях знали почти все в округе.

Каждый день Зеки отправлял к ним своих людей, угрожая депортацией, если они не примут магометанство и не отдадут твою младшую сестру в жены сыну его кузена. Он делал это умышленно, прекрасно зная, что старые христиане никогда не отрекутся от своей веры, что они срослись со своими традициями и убеждениями.

Он неуклонно отказывался передавать им твои письма, а когда твоя мать ходила к нему и начинала жаловаться, обращался с ней самым гнусным образом. Каймакам убеждал ее не верить в сына-офицера, поскольку в любую секунду он может быть убит. Однажды он пришел

в бешенство и приказал караульным вышвырнуть ее на улицу. Твой отец был в еще более тяжелом положении, ведь каждую минуту он ждал, что его убьют, и твоя мать и сестра останутся одни во власти Чудовища Зеки, как мы его называли.

Это все, что я знаю о твоих родителях и сестре. Мой турецкий приятель наслушался проповедей ходжи¹⁹, осуждавшего всех турок, которые помогали армянам, и угрожавшего им тем, что они не будут приняты в джаннат²⁰, поэтому я вынужден был покинуть его дом.

Когда я попрощался с Григором и поблагодарил своего друга, оставив ему все имевшиеся у меня лишние деньги, я поспешил обратно в лагерь и провел весь вечер, составляя петицию Военному министру, в которой докладывал ему о действиях каймакама Эверека. Я рассказал о своей службе в турецкой армии, напомнил о полученных мною наградах и попросил, чтобы причиненное моим родителям зло было немедленно исправлено.

Через два дня меня вызвали в Военное министерство. Секретарь Энвер-паши вновь тепло встретил меня и принялся уверять, что глубоко сопереживает мне. Он показал письмо, которое приложил к моей петиции. Оно было адресовано Министру внутренних дел Талаат-паше и подписано Энвер-пашой. В письме Его превосходительству сообщалось, что Военное министерство с величайшим негодованием узнало об умышленном и настойчивом преследовании и депортации семьи капитана Торосьяна, проведенной вопреки действующим законам. В связи с этим оно требовало, чтобы каймакам был наказан, а семью капитана Торосьяна разыскали и перевезли в Константинополь.

Секретарь вложил документы в конверт, поручив мне отнести их в Министерство внутренних дел и, если возможно, передать лично Талаат-паше.

Думаю, секретарь Талаат-паши заметил мое волнение, когда меня наконец провели к нему вдоль бескрайней шеренги караульных и специальных агентов. Возможно, мой голос выдал охватившую меня ненависть и ярость от осознания собственной беспомощности. Я увидел, как он бросил взгляд на мою кобуру.

Он сообщил мне, что Его превосходительство Талаат-паша находится на совещании, но добавил, что, если я объясню ему цель своего

¹⁹ Магометанский священник.

²⁰ Рай.

визита, не исключено, что он сможет помочь мне. Думаю, он чувствовал себя так же некомфортно, как и я.

Я ответил, что мне необходимо передать документы лично Его превосходительству.

– Мне очень жаль, – сказал он самодовольно, – но это невозможно. Паша принимает только тех, кто допущен к аудиенции.

Позже я подумал, что даже к лучшему, что я не получил частной аудиенции: я был слишком озлоблен, и мои мысли вновь обратились к мести.

Выходя из здания Министерства внутренних дел, я уже знал, что мне не стоит ожидать здесь помощи.

Высший закон гласил, что семьи солдат-немусульман освобождаются от преследований. Однако Талаат-паша нарушил данный закон, и нарушение это было до такой степени грубым, что даже разожгло рознь между ним и Энвер-пашой. Те, кто стоял на пути Талаат-паши, открыто или тайно устранились.

Однажды утром, когда я наблюдал за тем, как солдаты занимаются строевой подготовкой в Рами-Кишла в присутствии многочисленных наблюдателей, ко мне подошла взволнованная печальная женщина. Она обратилась ко мне по-турецки. Глаза ее застилали слезы, а голос жалобно дрожал:

– Мой дорогой офицер, я армянка из Ангоры. Меня зовут Анник. Около трех месяцев тому назад турки забрали моего мужа, чтобы заставить его вместе с другими строить дорогу, и с тех пор я не получила от него вестей. Каждый день турецкие полицейские приходят ко мне домой, оскорбляют и бьют меня. Я даю им небольшие суммы денег, и они уходят. Это продолжается уже много дней, и я решила найти способ защитить себя от этих оскорблений.

Я армянин, и как армянин я пожалел ее. Я отправился в штаб и получил сертификат от командира Ахмед-бея. Это очень обрадовало женщину, и она пригласила меня на ужин в следующую пятницу.

В назначенный день я подошел к дому №15 на улице Демир Капан в районе Бейоглу²¹. Дом принадлежал некоей мадам Софи, старой гречанке, занимавшей несколько комнат на первом этаже и одновременно выполнявшей функции уборщицы. Я снял саблю, пистолет и

²¹ Район в европейской части Стамбула. До начала XX века именовался Пера.

португеею и отдал их мадам Софи. Она позвала мадам Анник, и мы поднялись в ее комнаты, располагавшиеся на четвертом этаже. Квартира была обставлена великолепно, сверкала чистотой и изяществом. В воздухе витал густой аромат арабских духов, которыми пользовались многие турчанки. Мы остались с ней наедине, и она начала рассказывать о своих бедах.

Около восьми вечера она предложила мне вино, но я отказался. Ужин был готов в полдевятого, и она принялась упрашивать меня немного выпить, прежде чем приступить к ужину. Я выпил всего два бокала. Сразу после ужина, когда я пил турецкий кофе, раздались возбужденные голоса. Заподозрив неладное, я распахнул дверь и побежал в коридор. Голоса доносились снизу с лестницы. Кто-то воскликнул:

– Дели гяур йокаредадер, ишини битиреджегис²².

Было ровно девять часов – именно в это время я должен был прийти в гости к мадам Анник.

Я вбежал в комнату, схватил нож и снова выбежал. Толпа тем временем уже поднималась по лестнице.

Мадам Анник держала в руках масляную лампу. Я сбил светильник, он упал на пол и разлетелся вдребезги. Потом я втолкнул женщину в комнату, захлопнул дверь и выскочил в коридор. Я мог бы защититься, будь при мне пистолет и сабля, и мне хотелось побежать за ними вниз, но это было невозможно, поэтому я спрыгнул, разбив напольную лампу и таким образом оставив их в темноте. В толкотне и неразберихе они начали бить друг друга, думая, что я среди них. Некоторые закричали:

– Гяур зехир теесир итмениш дир катчалем²³.

Таков был план мадам Анник убить меня. Я знал, что спускаться на второй этаж нельзя, потому что несколько человек подстерегают меня там. Я вернулся наверх и поднялся на крышу. Голова закружилась, и меня стало тошнить и рвать. Просидев минут пятнадцать-двадцать у дымохода, я огляделся по сторонам, пытаюсь найти способ выбраться из этой ловушки.

Крыша примыкающего дома находилась на этаж ниже. Я спрыгнул, взломал дверь чердака и вошел. Вокруг стояла кромешная тьма. Я зажег спички и нашел лестницу.

²² Этот псих гяур наверху, покончим с ним.

²³ Бежим отсюда, яд не подействовал на неверного.

На втором этаже я заметил свет, проникавший сквозь замочную скважину. Я заглянул в маленькое отверстие и увидел молодую девушку, лежавшую на кровати и читающую книгу. Рядом за вязанием сидела ее мать.

Я распахнул дверь и вбежал. Девушка с матерью в ужасе закричали. Я сказал им:

– Не кричите. Если вы не будете шуметь, вам не угрожает никакая опасность.

Я объяснил, что произошло, умоляя женщину взять мою саблю и пистолет у мадам Софи и передать ей, чтобы она не выдавала моего местонахождения.

Пять минут спустя она принесла мое оружие и рассказала, что в доме собралось больше десятка жандармов и полицейских, которые обыскивают верхние этажи.

Я вышел во двор через черный ход, прошел один квартал и, оказавшись на главной улице, остановил ландо и поехал прямо в Рами-Кишла.

На следующий день рано утром я отправился в Военное министерство и сообщил о случившемся Риза-бею, после чего мы вместе пошли к секретарю Энвер-паши. Они убедили меня обратиться в штаб за медицинской помощью, а вечером следующего дня я должен был встретиться с ними в «Газино Бейоглу» (в закусочной в районе Пера).

В назначенное время вечером я пошел в «Казино Бейоглу» и увидел всю эту компанию: Зия, Аси, Али-бея и еще пятерых в полупьяном состоянии. Они предложили и мне немного выпить и рассказали, что провели расследование и выяснили, что в схватке, разгоревшейся в доме мадам Софи, пострадало четверо нападавших, и что Талаат-паша спланировал с помощью одной из своих любовниц Фахрии-ханум убить меня и втайне от всех бросить мое тело в море.

Эта самая Фахрия-ханум была также среди тех, кто вынудил наследного принца Османской империи Юсуфа Иззедина²⁴ перерезать себе вену на запястье.

Вернувшись в казарму, я сел писать письмо своим братьям в Америке. В этом письме, занявшем у меня не один час, я рассказал о плане правительства полностью уничтожить, искоренить армянское население Турции, если это возможно. Я поведал им о своих тщетных

²⁴ Сын султана Абдул-Азиза, наследный принц Османской империи.

попытках разыскать нашу семью и поделился своими мыслями о том, что, если только Союзные войска не решат полностью отказаться от военных действий на Турецком фронте, я не представляю, каким образом турки могут продержаться дольше. Я уверил их, что Союзники не станут оставлять этот фронт, а продолжат нападать на турок со всех сторон и сжимать их в тисках, но никогда не возьмут Константинополь. Я высказал свое предположение, что, если такое произойдет, в министерствах иностранных дел Англии и Франции начнется паника. В завершение я призвал их рассказать всем армянам в Америке о реальном положении их соотечественников в Турции и попытаться организовать легион армянских добровольцев, которые бы вернулись и защитили свой народ.

Для любого человека на моем месте было бы безрассудством писать это письмо. И дело не только в том, что я попал бы под военный трибунал, если бы оно обнаружилось, просто я не видел ни малейшего шанса, что это письмо дойдет до моих братьев.

Моей единственной надеждой было американское посольство. В выходной я пошел к Гарабеду, переделался из военной формы в гражданскую одежду и отправился в посольство. Вестибюль был полон людей – приезжих из Союзных стран. Очевидно, все они пришли просить помощи для своих близких. Я нашел переводчика-армянина, изложил ему коротко свою просьбу и рассказал о своих связях в военных кругах и о том, что потерял родных. Моя история заинтересовала его; он выразил глубокое сочувствие и пообещал проследить за тем, чтобы письмо не попало в руки турок и дошло до Америки.

ГЛАВА IX

Македонский и Румынский фронты

На протяжении всего лета и осени я продолжал не покладая рук работать во имя дела, которому уже не был предан. Мне больше ничего и не оставалось делать; работа помогала мне собраться с мыслями. Но я все больше думал о мести, и мои мысли безнадежно кружились по заколдованному кругу, из которого, казалось, не было выхода. Единственную надежду я находил, наблюдая за неуклонным ослаблением Центральных держав и их союзников. Возможно, наступит тот день, когда я смогу отплатить туркам за убитых родных, а я был уверен в том, что они мертвы; из Военного министерства не приходило никаких новостей.

Турция несла колоссальные людские потери и в то же время находилась под сильным давлением со стороны Германии. В сентябре 1916г. турки были вынуждены отправить на Балканы силы численностью 100 000 человек.

Немцы уже начинали испытывать на себе всю тяжесть голода, ставшего последствием блокады Германии Союзными державами. Продукты питания ввозились в страну из внутренних районов Азии. Австро-Венгрия все больше слабела и просила помощи на Галицийском фронте. На Македонском фронте Болгария сражалась весьма мужественно, но потери ее были огромны.

В это самое время 21-й армейский корпус, состоявший из трех самых сильных дивизий турецкой армии: 46-й, 50-й и 51-й – и успешно оборонявший побережье Эгейского моря в районе Смирны²⁵, был отозван в Константинополь, где планировалось восстановить его ряды и после этого направить его на европейские фронты на помощь немцам.

Я получил новое назначение и теперь был помощником полковника Али Риза-бея, командира 46-го артиллерийского полка.

Из разговора с офицерами этого полка я понял, что командир 46-й дивизии полковник Махмуд Бели-бей открыто осуждает действия правящей партии «Единение и прогресс» и принадлежит к оппозиционной фракции, большинство лидеров которой были убиты. Мне

²⁵ Древнегреческий город. Сегодня развалины Смирны расположены на территории города Измир в современной Турции.

рассказали, что полковник Махмуд Бели-бей избежал участи своих политических единомышленников только благодаря тому, что является авторитетом в военной науке и некогда был преподавателем Энвер-паши и Джемаль-паши в Военной академии. Мне также сообщили, что некий Мустафа Шевкет-бей из Смирны, прикомандированный в штаб к полковнику, будучи с виду сторонником партии «Единение и прогресс», в действительности настроен против нее.

После недолгого пребывания в специальном лагере, в течение которого наша дивизия была укреплена и получила новое снаряжение для участия в затяжной кампании, нас направили в район Серре²⁶ – центральный пункт Македонского фронта протяженностью в 110 километров, тянувшегося от каналов через территорию южной Греции до города Монастырь в Сербии.

24 сентября 1916г. мы добрались до места назначения и соединились с силами болгар, испытывавших сильный натиск противника.

Едва мы успели разместиться, как британские, французские и греческие войска, располагавшиеся менее чем в одиннадцати километрах от нас, на озере Такинос, открыли беспощадный огонь по нашей позиции. Осада продолжалась непрерывно шесть дней, от восхода и до заката, и артиллерийский обстрел не умолкал. В течение дня случалось, что густой синий дым битвы наполнял воздух в радиусе многих километров, полностью лишая нас возможности видеть. Это было самое страшное сражение из тех, в которых я на тот момент участвовал. Я видел, как в результате взрыва вырываются с корнем и выбрасываются в воздух целые деревья и как холмы обнажаются и покрываются рытвинами от взрывающихся снарядов. Наша артиллерия располагалась в греческой деревне Саримсакли, и иногда мне казалось, что британцам удалось определить нашу позицию. Возможно, муляж пушки, который я сделал из дымовой трубы и поместил прямо перед нашей позицией, сбил с толку британских летчиков, открывших по нему огонь. Я был не только горд тем, что моя простая уловка (которая, должен признаться, в тот момент представлялась мне немного детской) подействовала, но и благодарен за это. Казалось, что турецкая и болгарская пехоты на грани полного уничтожения, однако потери нашего артиллерийского полка по окончании осады составили только десять процентов.

²⁶ Город в Греции.

Последовали три недели тревожного затишья.

15 октября 1916г. от береговой охраны Болгарии, размещавшейся в городе Кавала²⁷, пришло сообщение о том, что она нуждается в подкреплении со стороны Турции, для того чтобы отразить ожидающуюся атаку британцев и французов, которые, по предположениям болгар, вскоре должны были высадить в этом районе войска.

Мне приказали явиться в штаб командующего в городе Драма²⁸, расположенном в сорока пяти километрах к востоку от нашей позиции. Когда я прибыл в штаб, меня сразу же провели к бригадному генералу Абдул Керим-паше.

Это был очень веселый и искренний человек, хотя и сторонник правительства.

– Итак, – сказал он, – вы капитан Торосян – безумный гяур, которому удалось надуть англичан своими пушками из дымовых труб. Ну, капитан, похоже, Военное министерство очень верит в вас, поэтому я собираюсь назначить вас своим представителем и поручаю изучить положение болгар в Кавале. Уверен, что наши новые союзники будут доверять вам как армянину и христианину, и вы сможете получить более реальное представление о положении дел. Мы не в той ситуации, чтобы отправлять своих людей, если только в них нет реальной необходимости. Раздобудьте как можно более подробную информацию, выясните настрой болгар и проследите за их поведением.

Это задание заинтересовало меня, и я был рад приказу сразу же приступить к его выполнению. На станции в Сари-Шабане меня встретил командир болгарского кавалерийского полка вместе с группой кавалеристов. Вскоре я прибыл в штаб, где всех, похоже, удивило и обрадовало то, что я армянин. Уже к концу вечера между нами установились прочные дружеские отношения.

Я провел три дня, изучая позиции болгар Кавалы, и пришел к выводу, что береговая линия хорошо защищена и что болгары не нуждаются в помощи до тех пор, пока противник не предпримет реальных попыток высадиться на сушу. Силы болгар хватало для того, чтобы оборонять побережье в течение двенадцати-пятнадцати часов, а к

²⁷ Город на северо-востоке Греции.

²⁸ Город в Греции. Столица нома Драма, расположенного в Восточной Македонии.

тому времени сюда, в случае необходимости, могло подтянуться достаточное количество турецких подкреплений.

Я телеграфировал полученные сведения генералу Керим-паше и стал ждать инструкций. Однако на протяжении недели никакого ответа не приходило. Тем временем мои новые болгарские друзья принимали меня очень тепло и радушно.

Утром 8 ноября 1916г. я получил телеграмму с приказом явиться с отчетом в штаб командующего и выехал обратно в Драму. Шел мелкий холодный дождь.

Бригадный генерал, похоже, полностью доверял мне и был со мной более чем любезен.

После того как я представил ему донесение, он спросил, каким образом мне удалось все это выяснить, и, кажется, его повеселил мой рассказ о том, как по-царски болгарские офицеры живут в домах греков и блаженствуют, наслаждаясь вдоволь огромными запасами вина и коньяка, которые они получили в качестве трофея.

Он замолчал. Я решил, что наш разговор подошел к концу, и встал, но он жестом указал мне снова сесть.

– Садитесь, капитан, – сказал он. – Есть еще одно важное дело, в котором, я думаю, вы сможете нам помочь.

Он разобрал лежавшую перед ним толстую кипу бумаг и сообщил мне, что в течение нескольких дней в штаб придут офицеры немецкой, австрийской и болгарской военной миссии, для того чтобы справиться относительно ситуации на монастырском фронте.

– Отсюда, – сказал он, – они практически сразу отправятся для осмотра на этот фронт, и я хочу, чтобы вы сопровождали их и незамедлительно сообщали о ваших наблюдениях. А пока вы будете моим гостем. Не стесняйтесь и наслаждайтесь гостеприимством лагеря.

Что же, размышлял я про себя, все-таки есть какая-то честь в том, чтобы быть армянином в Турции, и эта честь состоит в том, что ты можешь быть в чем-то полезен, но приходится сталкиваться и с поруганием чести, каковым является убийство моих родителей. Возможно, в нас, жителей Ближнего Востока, и вправду проявляется нечто восточное, ведь, хоть я и был решительно настроен отомстить за семью, я знал цену долгому терпению.

Уже в конце недели мы сидели в специальном поезде, направлявшемся в Монастир. Это была самая неприятная поездка в моей жизни: французские и британские самолеты дважды пытались сбросить

бомбы на поезд и рельсы. Я, как и офицеры, которых я сопровождал, очень обрадовался, когда мы добрались до места назначения. После того как в течение девяти часов нам пришлось, словно онемевшим, сидеть в полном бездействии в поезде, мы начали по-настоящему ценить лишения боев, где мы, по крайней мере, не были бессильны.

Положение дел в Монастире было примерно следующим:

Противника поддерживали многочисленные французские, британские, греческие, итальянские и сербские силы, цель которых состояла в том, чтобы получить контроль над железной дорогой.

Им противостояла армия, состоявшая из немцев, австрийцев и болгар, оборонявших побережье, но при этом несших огромные людские потери.

После того как наш осмотр был завершен, немецкий командир заявил, что, по его мнению, необходимо предпринять крупное наступление на занимаемую противником крепость в Монастире, для того чтобы отбросить войска Союзников до самых Салоник и таким образом захватить имеющиеся у них огромные запасы продовольствия.

Три дня шли оживленные споры по этому вопросу.

Что касается меня, я утверждал, что лучше всего атаковать противника не с правого фланга, а с центра.

Однако прежде чем было принято какое-то определенное решение, из штаба командующего пришла телеграмма с указанием временно отложить наступление и ждать дальнейших инструкций.

По прошествии двух дней мы получили срочное сообщение с приказом немедленно отправиться на границу с Румынией.

Утром 19 ноября 1916г. мы выехали в город Туртукай на берегу Дуная и ближе к вечеру прибыли к назначенному месту.

Здесь уже расположились крупные немецкие силы под командованием фельдмаршала фон Макензена²⁹. Полным ходом шла подготовка к общему наступлению по фронту протяженностью в двадцать пять километров. В течение следующих нескольких дней каждый час продолжали прибывать сотни немецких и австрийских солдат.

Две из наиболее сильных турецких дивизий, 50-я и часть 51-й, были направлены в город Слатина³⁰, и я был назначен командиром

²⁹ Эберхард фон Макензен (24 сентября 1889 – 19 мая 1969) – немецкий военачальник времен Первой и Второй мировых войн.

³⁰ Город в Болгарии.

51-го артиллерийского дивизиона. Моя позиция располагалась прямо за центром линии фронта.

28 ноября 1916г. в 3:30 утра наступление началось с массированного артиллерийского огня, непрерывно продолжавшегося в течение 30 минут.

В непроглядной тьме пламя от выстрелов из пушек казалось внезапными вспышками света на электрическом экране, бесчисленным включением и выключением сигнальных огней; разрывающиеся снаряды проносились в воздухе, словно метеоры. Мы слышали, как воды Дуная взмываются в воздух под ударами шрапнели.

По трем понтонным мостам, построенным за ночь, наши войска стали перебираться на румынский берег.

К 4:30 противоположный берег на многие километры был охвачен огнем: противник поджег свои склады боеприпасов, чтобы мы не овладели ими. Жар пламени был до такой степени сильным, что обжигал кожу, когда мы перебирались через реку.

Наши пушки почти сразу разбили румынскую оборону, и теперь противник продолжал отходить назад под нашим натиском.

В 5:00 утра наши артиллерийские полки начали переходить реку. Первым был мой дивизион, защищавший продвигавшуюся вперед кавалерию от вражеских батарей.

Ожесточенная яростная битва длилась два дня и две ночи. Наше продвижение продолжалось. Мы захватили в плен сотни солдат румынской кавалерии и пехоты. Наконец мы дошли до основной дороги, ведущей в столицу, и встретили на своем пути более яростное, чем когда-либо, сопротивление. Подступы к Бухаресту на протяжении примерно тринадцати километров охраняли мощные румынские батареи, пушки которых не умолкали ни на секунду.

Идти дальше по основной дороге было слишком опасно, поэтому, в то время как авангард наших войск, войдя в деревню, уже вступил в ближний бой с передовыми отрядами противника, я приказал своим батареям занять позицию за окружающими холмами на расстоянии 200 метров друг от друга. Через полчаса мы уже готовы были открыть огонь. Я изучил вражеские опорные пункты и составил план.

Но противник тоже не сидел сложа руки. Он обнаружил нашу позицию и открыл шквальный огонь.

Из-за неожиданности и внезапности атаки в густом дыму от выстрелов было невозможно определить расстояние, и я вынужден был

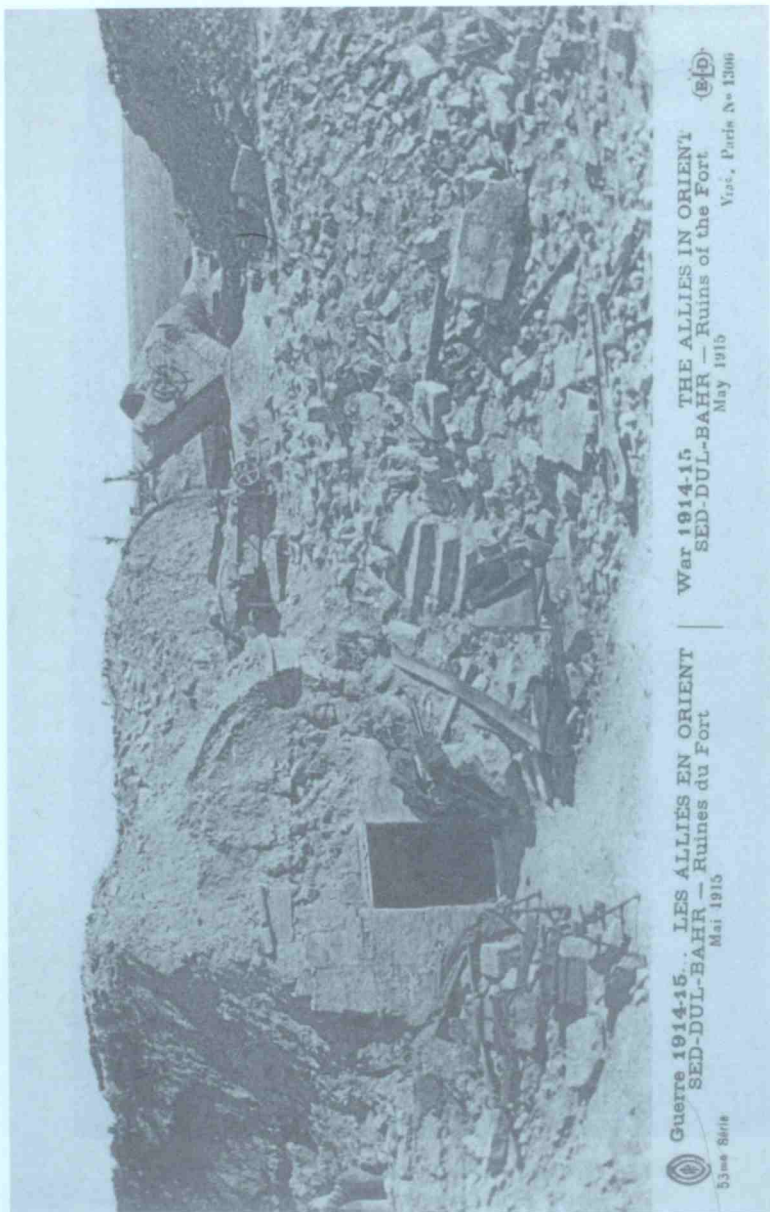
Капитан Саргис Торосян

Родители и сестра Саргиса Торосяна
(фотография сделана до 1915 года)

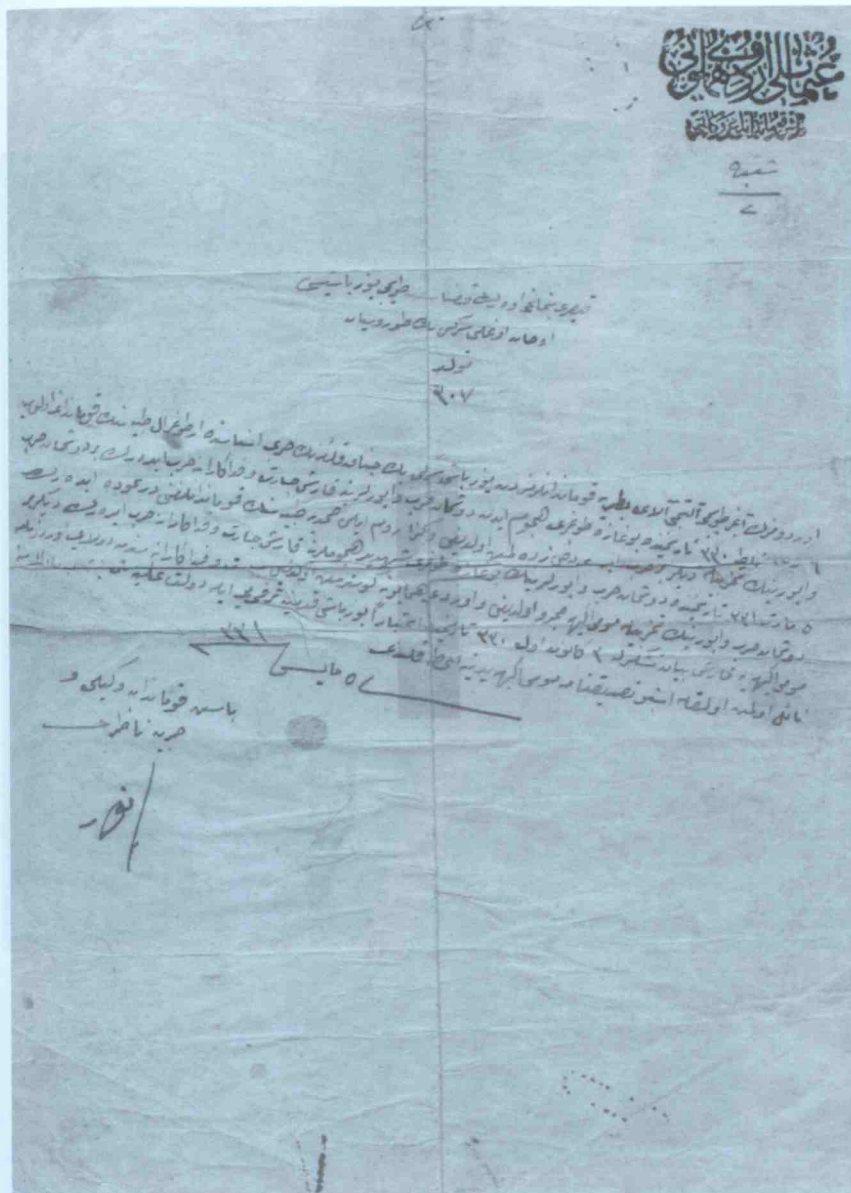
Саргис Торосян в Константинополе, июнь 1915 года

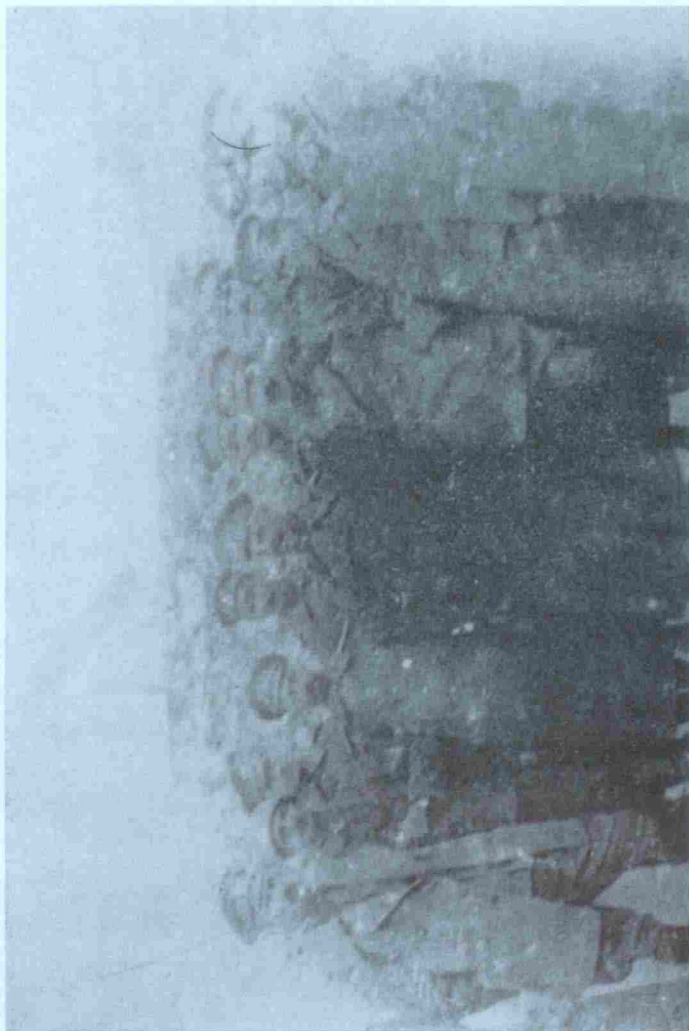
53 ans 81/16
 Guerre 1914-15. LES ALLIES EN ORIENT
 SED-DUL-BAHR — Ruines du Fort
 Mai 1915

(B) D
 War 1914-15. THE ALLIES IN ORIENT
 SED-DUL-BAHR — Ruins of the Fort
 May 1915
 Visé, Paris No 1306

Турецкий форт Сед ул Бахр охраняющий подступы
 Константинополя после бомбардировки союзников

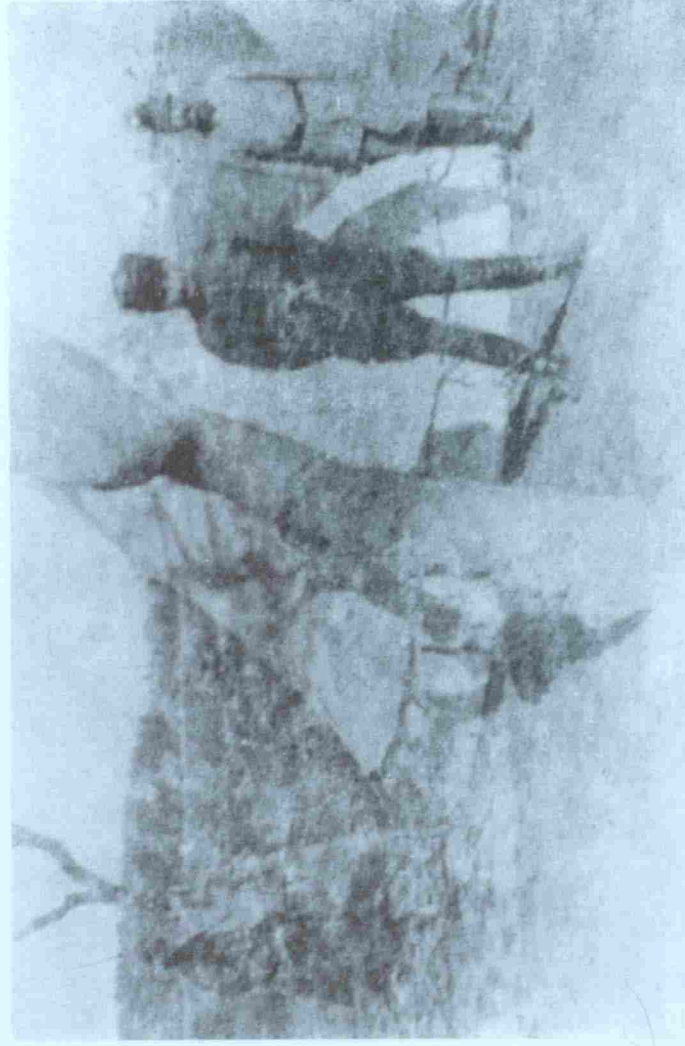
Благодарность выданная Саргису Торосяну
 Военным министерством Османской империи

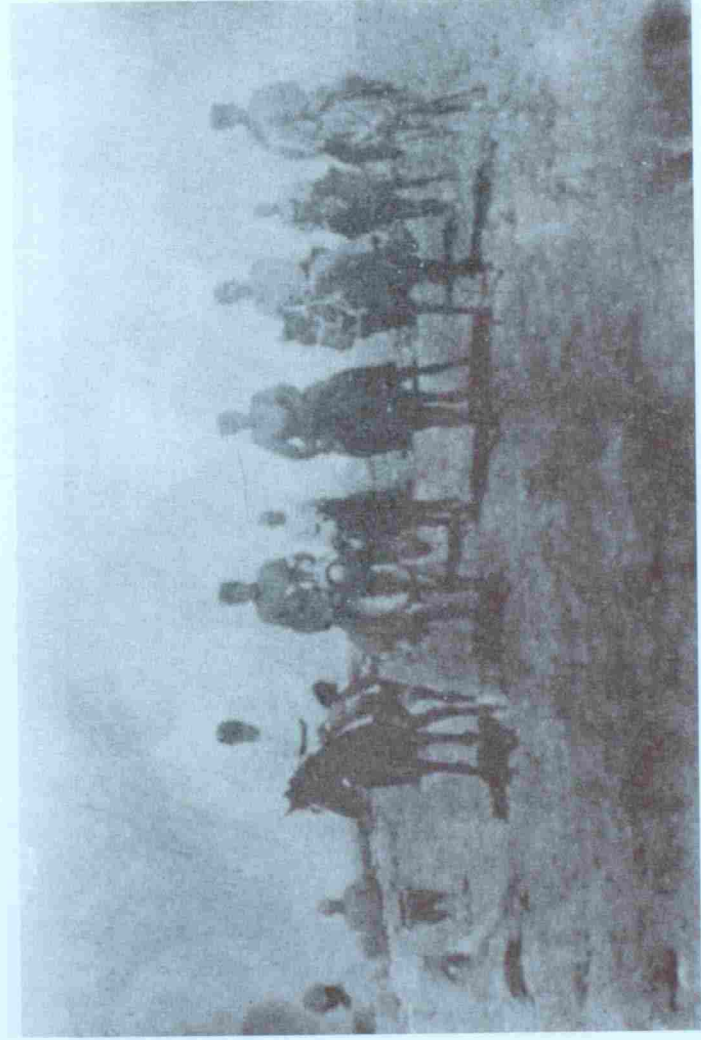
Капитан Торосян во время проведения инспекции (в болгарской штаб-квартире македонского фронта, вблизи Кавалай)

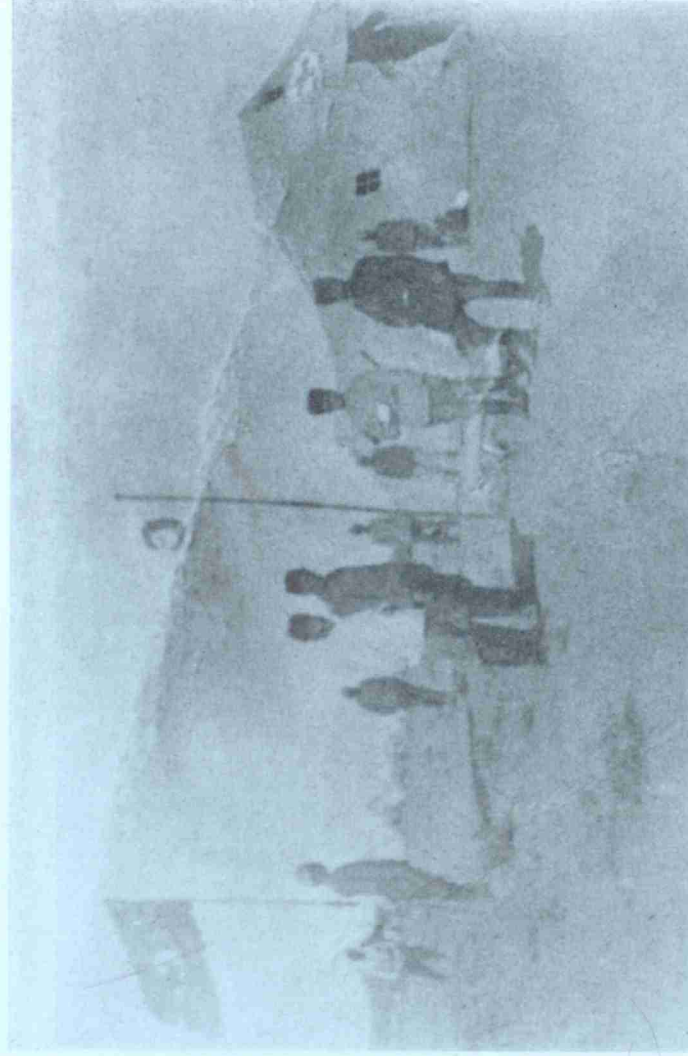
Капитан Торосян на фронте (Монастырь)

Лагерь Саргиса Торосяна на румынском фронте, вблизи Бухареста

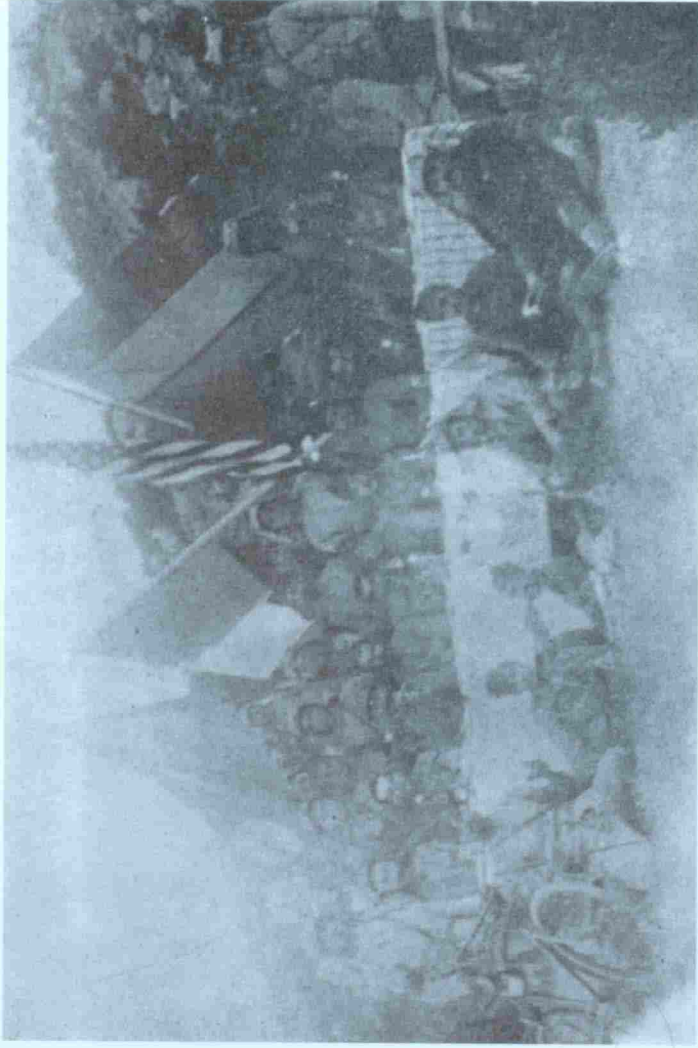
Саргис Торосян со своими соратниками на обратном пути после встречи с шейхом Муса

Саргис Торосян с перевязанной рукой в полевом госпитале фронта Месопотамского фронта

Капитан Торосян в пустыне вблизи Тель-Алифа встречает свою сестру Пайшар

Групповая фотография армян-добровольцев из Америки, воюющих в составе французских сил под командованием генерала Алленби. В этой группе находятся два брата Саргиса Торосяна

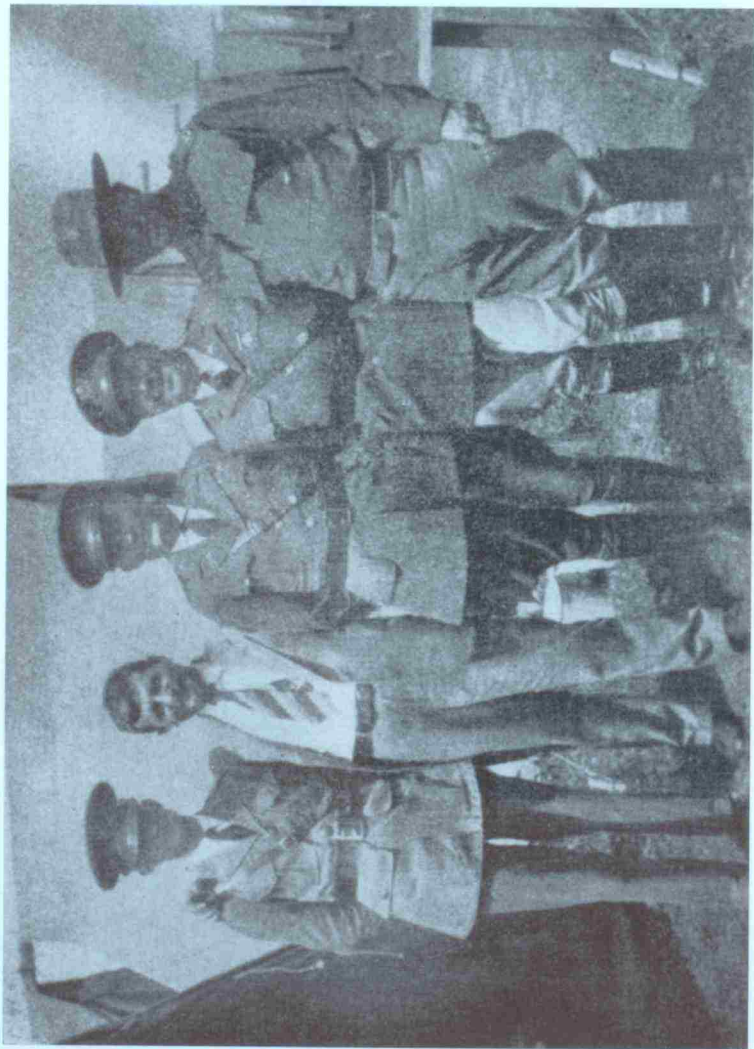
Саргис Торосян – командир шеститысячной арабской конницы, сформированной в Дамаске и воюющей на стороне союзников

Брат капитана Торосяна Барсег Торосян, удостоенный английских и французских военных наград за проявленную храбрость на киликийском и палестинском фронтах

Записавшийся в добровольцы брат Саргиса Торосяна капитан Арам Торосян, живущий в Америке. За храбрость, проявленную на киликийском и палестинском фронтах, удостоен английских и французских военных наград

Капитан Торосян с офицерами американской армии в военном лагере

Начальник штаба конницы армянского легиона французской армии капитан С. Торосян

Саргис Торосян с двумя командирами армянского отряда, действующего в кемалистском тылу

С. Торосян с невестой и братьями

Саргис Торосян с женой и братьями

ARMEE DU LEVANT
1ERE DIVISION
1ERE BRIGADE

LEGI ONNEMENT ENNE

LE LIEUTENANT BROSSIER COMMANDANT LE DEPOT DE LA LEGION
ARMENIENNE CERTIFIE QUE LE CHEF DE DETACHEMENT DE CAVALERIE DANS L'ETAT
MAJOR LE OFFICIER TOROSSIAN SARGIS BRIGOT A TITRE D'ANGAIS VOLONTAIRE
PART DE LA MEDAILLE DITE "MEDAILLE CROIX DE GUERRE ET MEDAILLE
COMMEMORATIVE FRANCAISE DE LA GRANDE GUERRE"

PAR LE 7 SNTBR, 1920.

LE LIEUTENANT COMMANDANT LE DEPOT L. A.

S. Torossian

Удостоверение, выданное французскими военными капитану
Тороссяну — офицеру Армии Востока, 1920 г.

Саргис Торосян с женой, вторая половина 1920-х годов

С. Торосян с женой и семьями братьев

послать нескольких своих солдат на поиски капсюлей от вражеской шрапнели. По моим расчетам, их пушки располагались в 5 500 метрах от нас.

Мы открыли ответный огонь, и уже через двенадцать минут грохот их выстрелов стих, сменившись редкими взвизгами маленьких пушек.

Однако теперь их горная артиллерия точно установила наше расположение и начала обстрел, который, впрочем, оказался весьма неэффективным. Прежде чем определить направление нашей следующей атаки, я решил лучше осмотреть и оценить окружающую нас местность, взял стереоскоп и стал взбираться на холм. Я успел пройти всего метров 50, как мою голову задел осколок шрапнели. Я остался в сознании, но рухнул на землю, чувствуя, что голова наполняется свинцом. Она ужасно болела, и рана кровоточила так сильно, что кровь пропитала всю мою форму на груди и ослепила глаза. Я подумал, неужели можно истечь кровью до смерти и при этом до последней ее капли оставаться в сознании. Но в это мгновение ко мне подоспели солдаты из отряда Красного Креста, которые принялись очищать и перевязывать мою рану.

Мне помогли подняться на ноги, но я все равно шел, немного пошатываясь, так как ослаб из-за большой потери крови. Как офицер я хотел продолжить сражение, и поэтому практически не обратил внимания на рану. Я скомандовал своим батареям, располагавшимся за холмами, покинуть укрытия и начать открытое наступление, а сам тем временем снова попытался изучить положение. Я обнаружил, что наши отряды настолько близко подошли к противнику, что теперь сложно было разобрать, где вражеские войска и где наши. Я отменил свою команду и вместо этого приказал начать быстрое продвижение в направлении открытой долины.

Я со своими офицерами ехал впереди батареи, и, не успев преодолеть расстояние в пять километров, на повороте мы встретили трех гонцов, скакавших во весь опор нам навстречу с сообщением о том, что румыны получают подкрепления и нам приказано их остановить.

Я поспешил со своей батареей к невысокому утесу, возвышавшемуся над долиной, и оттуда увидел бесконечные строи румынской кавалерии, колоннами двигавшиеся по основной дороге с целью сдержать дальнейшее продвижение наших войск.

Мы сразу открыли по ним огонь, и под прикрытием наших пушек немцы с неистовой силой бросились вперед и стали крушить отряды румын. Долина в одночасье превратилась в вихрь круживших в хаосе людей, обезумевших лошадей, в бедлам, в котором раздавались дикие вопли и вой. Я видел, как сотни лошадей скачут к холмам без всадников или с ранеными и мертвыми всадниками, свисающими со стремян.

Солнце еще не успело сесть, как противник уже отступал, а немецкая, болгарская и австрийская кавалерии победно вступили в Бухарест. Это было 5 декабря 1916г.

Наш турецкий артиллерийский дивизион был направлен в маленькую деревню, расположенную примерно в десяти километрах от города. Здесь мы провели переключку и обнаружили, что потеряли всего двадцать восемь человек.

На следующий день нам приказали войти в город, где мы расположились в комфортном роскошной гостинице «Палас отель».

Немецкие военачальники весьма положительно отзывались о поддержке со стороны нашего дивизиона, доложив в штаб, что под моим командованием было уничтожено двадцать пять вражеских пушек, и упомянув меня в списках отличившихся за выдающуюся отвагу, которую я проявил, продолжая, несмотря ни на что, выполнять свой военный долг перед лицом могучего противника.

За мое кажущееся проявление героизма, за то, что я был героем не больше, чем бесчисленное множество рядовых солдат, сражавшихся день за днем на всех фронтах, в гораздо более сложных условиях, я удостоился визита делегации немецких, австрийских и болгарских высокопоставленных чинов, которые пришли восхвалять меня и награждать орденами.

ГЛАВА X

Неожиданная встреча и тайный разговор

В Румынии больше не было необходимости в крупных вооруженных силах, и 51-й турецкой дивизии было приказано вернуться в Константинополь.

Положение на восточных фронтах начало вызывать серьезное беспокойство Военного министерства, и сильнейшие турецкие дивизии, не участвовавшие на тот момент в боевых действиях, были отозваны для восстановления и позднее направлены на эти рубежи.

Я был временно прикомандирован к 51-й дивизии, и артиллерийский дивизион под моим командованием должен был отправиться в путь первым. На обратном пути я не мог найти себе места, начал бродить по поезду и завязал знакомство с высоким и прекрасно сложенным арабом, чье загорелое решительное лицо почему-то привлекло мое внимание. Мы обменялись обычными приветствиями, и он представился майором Нури-беем, штабным офицером турецкой дивизии, входившей в состав 14-го армейского корпуса. Он сообщил мне, что только недавно вернулся с Галицийского фронта и по приказу из Константинополя направляется в Палестину.

В его голосе послышалась какая-то удрученность. Я был уверен, что его пронизательный взгляд и красивое лицо никогда не лгут. Мне показалось, что его что-то тревожит, и, предложив ему сигарету, я встал и уже собирался уйти, как он вдруг выразительным движением рук попросил меня остаться.

– Капитан, если у вас нет важных дел, которые требовали бы вашего присутствия, не могли бы вы ненадолго задержаться?

Я уверил его, что для меня это будет большим удовольствием. Откинувшись на спинку сиденья, мы закурили.

Следующие его слова были неожиданными.

– Аркадаш³¹, могу ли я спросить, где вы родились?

Я сказал, что по происхождению я армянин, а родился в Эвереке.

Услышав мой ответ, он пристально посмотрел на меня, и это меня насторожило.

Его следующий вопрос был более неожиданным, и мне показалось, что он произнес его как-то слишком небрежно.

³¹ Друг (тур.).

– Тогда, возможно, вы слышали о капитане Торосяне или виделись с ним. Это ваш земляк, который, кажется, завоевал себе репутацию героя.

Я не знал, в каком направлении движется наш разговор, а точнее, кем может быть этот величавый араб, поэтому я собрал все свое весьма ограниченное остроумие и ответил, что видел капитана не далее как утром, когда брился.

Когда до него дошел смысл моих слов, он взял мою руку, по-дружески пожал ее, лицо его засветилось, а в угольно-черных глазах засияла улыбка.

– Аджейбе?³² – спросил он. – Как странно, что мы встретились, и это в то время, когда... – он замолчал, словно не мог подобрать слова. – Капитан, – продолжил он, – я слышал о вас и видел вашу фотографию во дворце моего друга, одного арабского паша. Он восхвалял ваш героизм и с гордостью говорил, что считает вас своим сыном. Он сказал, что ваши родители живы. Это так?

Я был сбит с толку. Действительно ли он знал отца Мухаррема? По тому, с каким ударением он произнес свой вопрос о моих родителях, я почувствовал, что кое-что он все-таки точно знает, а именно – об армянской резне. Я все еще сомневался, но решил положиться на свое впечатление, что он искренен, и принять его как друга, а не как шпиона, которым он вполне мог оказаться. Я признался, что по-настоящему рад встретить человека, который совсем недавно виделся с пашой.

Наконец я поведал ему о своей семье, об имевшей место депортации, о сомнениях, много месяцев не дававших мне покоя, и о страхах, что с моими близкими жестоко обращаются, подвергают страшным пыткам, но осмотрительно опустил всякие намеки на желание отомстить турецким властям. Я по-прежнему не был в нем уверен.

Очевидно одно: он вел себя менее осмотрительно, чем я; но мне кажется, это было связано с тем, что он лучше меня разбирался в людях. Он сказал мне, что его настоящее имя – Нури Юсуф – и что он происходит из знатной арабской семьи. Обладая большой властью, она представляла серьезную опасность, поэтому большинство родных Нури Юсуфа были схвачены и повешены. А всего четыре недели назад публичной казни на площади Дамаска предали его кузину.

³² Неужели это правда?

Мы проговорили несколько часов, и поскольку в купе никого, кроме нас, больше не было, он не пытался скрыть свою злобу против турок, описывая бесчисленные злодеяния и унижения, которым подвергались его соотечественники.

– Итак, капитан, – сказал он. – Видите, нас кое-что объединяет: вас, армянина, и меня, араба. Наши народы кое-что объединяет. Я очень долго ждал и готовил этот беджайш³³ в Палестину. Капитан, как только выдастся возможность, я дезертирую, соберу армию из своих людей и энтекам³⁴. Надеюсь, очень скоро. Турецкое ярмо не держится на арабских плечах – в умах и сердцах людей уже вспыхнул эсиан³⁵.

Когда мы прощались, он добился от меня обещания погостить одну ночь в его доме в Сари-Яре, предместье, расположенном на Босфоре. Я помню эту ночь, помню оказанное мне гостеприимство и вспыхнувшую во мне надежду, что где-то впереди меня ждут новые приключения, приключения, которые и меня приведут на путь открытого бунта. Возможно, и мне удастся найти отмщение в бескрайних песках пустыни. Это была волнующая ночь, вселявшая веру в то, что однажды наступит день, когда смуглые, похожие на разбойников люди, обладающие беспредельным мужеством, пойдут за мной в неизвестные земли. В эту ночь мне снились заговоры и контрзаговоры, секретные миссии, тайные сговоры и несущие смерть тени преследующих врагов; смутные отголоски скрытых событий и тайное значение слов, улыбок и жестов.

По приезде обратно в Константинополь я тотчас передал своих людей и технику в штаб и договорился о возвращении в свой старый артиллерийский полк в составе 46-й дивизии, прибывшей сюда всего неделю назад для восполнения потерь.

Следующие несколько месяцев прошли в обычной работе по восстановлению рядов и боевой техники. Поступил приказ о проведении военной экспедиции вдоль месопотамской границы.

17 мая 1917 г. мы начали первую часть своего пути. Нам предстоял путь до деревни Катма, расположенной на севере Сирии.

³³ Перевод.

³⁴ Отомщу.

³⁵ Бунт.

На каждой станции я выходил из поезда и занимал свое время тем, что искал и расспрашивал армянских беженцев, которых начал замечать по мере приближения к внутренним районам страны. Я был решительно настроен разузнать все о судьбе своих родителей. Однако все попытки были безуспешны.

Наконец после долгих утомительных часов поезда тяжело подъехали к выгоревшей на солнце деревне Катма. Здесь был разбит лагерь для всех дивизий, ожидавших, пока их направят в тот или иной внутренний район страны. Наша дивизия временно разместилась вместе с остальными.

Находясь в лагере, я не упускал случая наведываться в близлежащие поселения в надежде встретить там армянских беженцев и узнать хоть о ком-нибудь, кто пришел бы из Эверека. Первую зацепку я нашел на улицах Катмы, где однажды встретил одетую в лохмотья старуху. Она ковляла вдоль дороги, продавая крошечные буханки хлеба. Старуха оказалась армянкой. Она рассказала, что, по слухам, в городе Алеппо, расположенном в тридцати километрах к югу от Катмы, прячется несколько беженцев из Эверека.

У меня был отпуск, и я тотчас отправился в Алеппо. Это был город голодных босоногих оборванцев. Им было лет по десять, едва ли больше, и каждый из них тащил на своих узких плечах самые старые и ветхие инструменты для чистки обуви, которые только можно себе представить.

Я пытался заговорить с ними по-армянски, но когда они смотрели на мой мундир, их глаза наполнялись страхом, и они убегали от меня, утверждая, что они мусульмане. Наконец мне удалось убедить одного из мальчиков, что мне можно доверять. Он сказал, что его семью депортировали всего два месяца назад. Я никогда не забуду его взгляд, страх и ненависть, сверкавшие в его глазах, когда он рассказывал о том, как его отца и старших братьев убили по дороге, и им с матерью пришлось одним проходить этот страшный путь изгнания, который становился все более и более невыносимым.

Я спросил, не встречал ли он никаких ребят из Эверека? Он не ответил, только отвернулся и громко свистнул.

К нам подошел мальчишка лет двенадцати. Когда я заговорил с ним на его родном языке, он пристально посмотрел на меня. Он показался мне довольно смелым пареньком, не таким пугливым, как первый. Но как только я спросил, не из Эверека ли его семья, он за-

плакал. Бессвязно бормоча и рыдая, он пытался рассказать мне, как счастлив был в Эвереке, и что после депортации в живых остались только они с матерью, которая теперь работала за десять центов в день на расположенной неподалеку фабрике по производству военного обмундирования. Это все, чего мне удалось от него добиться. Я почувствовал себя чудовищем, подвергавшим ребенка перекрестному допросу, выманивавшим из него информацию и донимавшим его.

В конце концов после долгих упрасиваний и щедрого вознаграждения он согласился проводить меня на фабрику, на которой работала его мать.

Через полчаса я уже выходил из здания фабрики, разочарованный даже больше, чем если бы мне не удалось с ней повидаться. Я встретился с женщинами из Эверека и поговорил с ними, но о судьбе моих родителей они не могли сказать ничего.

ГЛАВА XI

Месопотамский фронт

Еще через неделю наша дивизия получила приказ направляться дальше, в Мосул³⁶. Казалось, целую вечность мы провели в раскаленных вагонах, задыхаясь от ужасной жары, пока наконец не прибыли в Тель-Халаф³⁷, конечную станцию, за которой растянулись бескрайние пустынные просторы.

Из Тель-Халафа мы отправились пешим ходом к берегам Тигра, где расположен Мосул (Ниневия). Путь до Мосула занял двенадцать дней.

Дорога была неровной, усыпанной острыми камнями. Пустыни сменялись малярийными болотами. Это серьезно замедляло движение и погружало в уныние. Солнце жгло беспощадно, и в конце концов ехать дальше днем стало невозможно. Мы сжимались в укрытиях в густых болотах, пытаясь проспать до захода солнца, а вечером вновь отправлялись в путь до самого рассвета. Воды было так мало, что зачастую нам приходилось выкапывать слякоть в болотах и кипятить грязную, кишаскую микробами жидкость, чтобы хоть как-то утолить жажду. Комары налетали на нас роями. Сотни людей погибли от вспыхнувшей малярии и тифа. Но мы продолжали путь, ночь за ночью. Однажды нас накрыла огромная туча саранчи. Мы боролись с ней целых два дня. Сотни тысяч белых крыльев наполнили воздух, словно густой снег, и закрыли солнце. В другой раз мы встретили на пути бригаду рабочих, строивших железную дорогу под руководством немцев. В основном это были армянские беженцы. Им приходилось тяжело. Они работали, как рабы; под палящим солнцем их спины покрывались волдырями.

Последнюю часть пути мы прошли днем, и 9 июня 1917г. в Мосул вступили, сгрудившись в некоем отдаленном подобии строя, отряды призраков с огромными округлившимися глазами и почерневшими губами.

Генерал Халил-паша, командующий войсками на Месопотамском фронте, поднялся на соседний холм, чтобы провести смотр наших батарей. Мы представляли собой довольно жалкое зрелище. Многие

все еще не пришли в себя после болезни, и глазам генерала предстали обессиленные, вымазанные в грязи отряды, направленные сюда в качестве подкрепления.

Ситуация становилась все хуже. Тиф, холера и малярия с каждым днем поражали все больше людей. Военные госпитали были переполнены и уже не вмещали новых больных. Были открыты полевые госпитали. Ежедневно умирало более двух десятков человек.

Турецкое правительство оказалось в крайне тяжелом положении: необходимость в людях на различных участках фронта была гораздо больше, чем численность возможных подкреплений, а существенный недостаток продовольствия во внутренних районах страны вызывал серьезные беспокойства.

Неподалеку от Мосула, в равнинах и горах на берегах Тигра, жили несколько арабских племен. Они были независимы друг от друга, каждое имело свои собственные нормы поведения и традиции. Племена эти практически не подчинялись турецким властям и существовали целиком и полностью внутри своих общин. У них были свои суды, свои законы, и они сами на свое усмотрение избирали судей и вождей. Представителей разных племен можно было различить по небольшой разнице в одежде и синей татуировке на правой щеке, указывавшей на клан, к которому принадлежали члены племени. Они жили, процветали и усердно трудились в своих огородах и на виноградниках, пасли стада, выращивали огромное количество овощей, фруктов и зерна, разводили крупный рогатый скот и овец, дававших им хорошую тонкую шерсть.

Между этими племенами существовала постоянная непримиримая вражда, их нрав был весьма непостоянным, а отношение к чужакам различалось от племени к племени. Как правило, они вели себя с гостями достаточно дружелюбно, но рассказывали также, что в некоторых из них гостей могли встретить с пышным пиром, а после того как чужаки, наевшись досыта, засыпали, на них нападали и убивали. Так, например, члены одного из племен никогда не причинили бы вреда человеку, которому они позволили ступить на их землю и сесть с ними за один стол. В другом племени чужаков принимали в высшей степени вежливо и любезно и как можно скорее со всей торжественностью выпроваживали, а потом в исступлении бросались за ними в погоню, когда они уже успевали пройти несколько километров, внезапно налетали с дикими воплями и беспощадно убивали.

³⁶ Город на севере Ирака.

³⁷ Поселение в северной Сирии.

Цивилизованному американцу или европейцу все это покажется совершенно невероятным, фантастическим, похожим на кино, и все же я видел, как члены этого племени молнией пронеслись в черноте ночи, белые всадники со сверкающими саблями, в каком-то безрассудстве и равнодушии приносящие и принимающие смерть.

За две недели до нашего прибытия в Мосул генерал Халил-паша, столкнувшись с нежеланием самых крупных из упомянутых племен платить продовольственную дань, отправил к ним полторы тысячи турецких солдат с целью потребовать от них продовольствие, в случае же дальнейшего сопротивления – обыскать и забрать его силой. Солдаты так и не вернулись, а в качестве ответа генералу послали мешки с отрубленными головами офицеров.

В наши дни войны ведутся намного более утонченно и совсем не так неуклюже и шумно. Травящие смертоносные газы покрывают огромные территории, унося сотни жизней в муках и агонии. Словно падающие звезды, на землю обрушиваются бомбы, разжигаются эпидемии. Сегодня войны ведутся с гораздо большим хладнокровием, но едва ли с большей отвагой.

В начале июля нехватка еды стала совсем острой, и было решено принять незамедлительные меры, для того чтобы добиться помощи от нескольких наиболее крупных племен. Эти племена не вызвали особого доверия, но все же производили впечатление, что с ними возможно договориться. Целью похода было потребовать от них продовольствия, а не покарать за неповиновение. Турки не могли допустить открытой враждебности арабов; но продолжать и дальше ждать еды они тоже не могли.

Командующим экспедицией был назначен полковник Салих-бей, с которым я успел достаточно близко познакомиться, а основные надежды мы возлагали на шейха Мусу из племени езидов. Моей батарее было приказано сопровождать экспедицию и в случае необходимости помогать в защите наших отрядов.

Мы провели с Салих-беем долгие часы, обсуждая предстоящую операцию. Мы оба говорили по-арабски и чувствовали, что, если мы проявим мужество и будем действовать тщательно, нам удастся выполнить миссию, избежав кровопролития. Мы предупредили всех солдат о том, как необходимо себя вести, и приказали им быть чрезвычайно осторожными и ни в коем случае никого не оскорблять, особенно в присутствии арабских женщин.

Утром 21 июля 1917г. мы отправились в путь, проходивший через долину. Наше войско включало тысячу пехотинцев, сотню солдат кавалерии и мои артиллерийские батареи. Спустя почти пятнадцать часов мы достигли поселка Гумеидад, в котором жили шаммары – одно из наиболее многочисленных, самое влиятельное и при этом самое дружелюбное из арабских племен. Их хижины растянулись на многие километры вдоль холмов до самых окрестностей Багдада. Они могли похвастаться пятнадцатитысячной кавалерией и располагали лучшими лошадьми и верблюдами в округе.

Вождь шаммаров Хаджи Адил-бей оказался приятным дружелюбным старым арабом. Он тепло принял нас и приказал подать еду голодным и изнемогающим от усталости солдатам нашей экспедиции, настояв на том, чтобы полковник и я, как старшие офицеры, обедали за его столом.

На ночь мы расположились биваком прямо среди них, предварительно расставив двойной караул. На следующее утро старый шейх приставил к нам нескольких своих кавалеристов в качестве проводников, и они провели нас до самых границ владений шаммаров в восьми или более километрах от нашего ночлега.

Не успев пройти и тридцати километров от Гумеидада, офицеры нашей экспедиции, выступавшие впереди, практически одновременно резко натянули поводья. Словно из воздуха возникла и теперь неслась на нас во весь опор вниз по склону Синджара группа арабских всадников.

Полковник Салих посмотрел в бинокль. Мы все были взволнованы. Приказ остановиться, словно кнут, хлестнул по строю, и мы встали, пытаясь решить, что делать дальше.

Поскольку было неразумно, чтобы командующий покидал экспедицию, а, кроме полковника Салиха, я единственный из офицеров говорил по-арабски, я попросил разрешения выехать вперед и встретить их, проявив таким образом дружелюбие.

Я приказал двум ординарцам следовать за мной, и мы поскакали вперед прямо навстречу всадникам. Приблизившись ко мне, шейх, возглавлявший группу, резко натянул поводья и остановился. С перекосенным от злости смуглым лицом он закричал, требуя объяснить, что делает на его землях отряд солдат с пушками. Шейх был так возбужден, что даже покачнулся, размахивая железным прутком, который он держал в руках. Он заявил, что, если мы пришли как враги,

его отряды с легкостью разгромят нас, и отметил, что с большой радостью отправил бы нашим командирам отрубленные головы их офицеров. По-моему, он даже пообещал хорошенько завернуть их в джутовые мешки. Если же мы пришли как друзья, то он примет нас со всем радушием.

Думаю, он вполне был способен выполнить и то, и другое обещание. По крайней мере, я чувствовал, что если он и лжет, то только наполовину, и понимал, что, если не хочу потерять голову, мне тоже придется лгать. Потом он сообщил мне, что его зовут шейх Муса. Это был тот самый Муса, которого мы искали.

Я вмиг соскочил с лошади, поспешил к нему, схватил его руку и сжал ее с таким же пылом, с каким он только что говорил со мной. Поклонившись ему и отдав честь, я принялся со всей легкостью и бойкостью, на которую только был способен, уверять, что мы пришли как друзья, наслушавшись о его гостеприимстве и дружелюбии, и что теперь, когда мы сказали, что знаем его как доблестного и благородного воина, он проявит проницательность и не будет скрывать свои высокие качества под маской врага.

Лесть восторжествовала. После дальнейшего разговора, к которому теперь присоединился и полковник Салих, шейх приказал своим людям развернуться и провести наших людей к месту лагерной стоянки. Мы незаметно предупредили каждого из наших солдат быть настороже.

Мы оказались в раю в самом настоящем смысле этого слова, поскольку, по словам знатоков древностей, владения шейха Мусы располагались на том самом месте, где некогда был Эдем. Это было царство красоты. Бескрайние просторы равнин укрывали пушистые ковры ярко-зеленой травы. Ветви фруктовых деревьев свисали под тяжестью сочных плодов. Воздух был наполнен едва уловимыми, а порой насыщенными ароматами распустившихся цветов. Бесконечная мозаика садов и равнин походила на великолепно написанные на полотне неба картины с цветами. Птицы, молнией пронесившиеся вокруг, были словно яркие вспышки красок, красных, синих, желтых, а в зелени травы они сверкали на солнце, оживляя ее монотонность. Не было больше войны и горя, не было интриг, страданий и резни. Жизнь превратилась в царство захватывающей дыхание красоты.

Мы разбили лагерь в долине на берегу ручья, неумолкающее журчанье которого напоминало щебет девиц за чашечкой чая. Нас при-

няли по-королевски. В лагерь то и дело присылали сотни людей с мешками отборных фруктов и кукурузы, с медом, хлебом и мясом. Никогда в жизни мы еще столько не ели, жадно и до отвала.

Прошла неделя, но все еще не было предпринято никаких попыток огласить истинную цель нашего визита. И хотя полковник Салих не мог не ценить оказываемое нам гостеприимство, он все же был склонен относиться с подозрением к намерениям шейха и осторожно избегал вопроса о продовольствии.

Я с самого начала почувствовал, что объявление цели нашего визита может быть возложено на меня, поэтому изо всех сил старался снискать расположение шейха Мусы, заслужить его доверие и уважение. Мы стали хорошими друзьями и проводили много времени, обсуждая войну. Но удобного случая начать разговор о продовольствии все не представлялось, и я постепенно уверился в том, что наша единственная надежда на успех – это придумать план, как бы оказать шейху какую-нибудь особенную услугу, за которую он захотел бы щедро нас отблагодарить. Я был также уверен в том, что, стоит нам сделать один неверный шаг и выставить себя перед ним попрошайками или ворами, и тогда можно не надеяться на его помощь. Было очевидно, что мы не можем оставаться на его земле вечно, этикие современные адамы, разместившиеся в боевом порядке, но и возвращаться с пустыми руками мы, конечно, тоже не могли.

Я уже так давно не считал себя счастливецом, что удача, неожиданно свалившаяся на меня однажды во время разговора с шейхом Мусой, лишила меня дара речи. Уже и не помню, с чего начался разговор, но я внезапно обнаружил, что вновь оказался лицом к лицу с тем мужчиной с черными, как смоль, бровями и взволнованным лицом, который, оживленно жестикулируя, возглашал об опасности, угрожавшей моей голове. Шейх Муса был в бешенстве. Он рассказывал о вожде соседнего племени курдов, которое стало настоящей головной болью для его племени, обкрадывает его и ворует крупный рогатый скот в огромных количествах. Он жаловался, что курды беспрестанно досаждают его общине и доставляют ему немало проблем; они никогда не сражаются открыто, постоянно совершая набеги на удаленные или изолированные пастбища и не давая покоя его людям.

К счастью, полковник Салих не присутствовал при этом разговоре: я сомневаюсь, что он одобрил бы план, мгновенно сложившийся у меня в голове. Поэтому я решил ничего ему не говорить и предложил

шейху организовать поход против его соседей, чтобы наказать их и раз и навсегда показать, что они не могут так подло и безнаказанно вторгаться в его земли. Я же брался сопровождать его вместе со своей батареей. Я объяснил ему, что полковник может не согласиться с моим планом, если только мы не представим ему более убедительные доводы, нежели просто мои соображения. Поэтому мы договорились, что рано утром на следующий день шейх Муса сообщит нам с полковником Салихом о том, что племена Ибрагим-паши подстерегают нас у подножья гор и собираются на нас напасть.

Шейх Муса был великим актером. Он сыграл свою роль настолько убедительно, что я и сам начал волноваться. Как мы и условились, я обратился к полковнику Салиху с предложением о том, что шейх незамедлительно поднимет армию, а я буду сопровождать его со своей батареей.

Через три дня шейх Муса с отрядом, состоявшим из пятисот всадников и двух тысяч пехотинцев, поддерживаемых моей батареей, уже приближался к курдской крепости Джебель Абдул-Азиз.

Курды были настигнуты врасплох. Они пытались дать нам жесткий отпор. Их всадники помчались нам навстречу во весь опор, размахивая сверкающими саблями. Но мы вмиг разгромили их и победно вступили в курдские деревни. Для шейха Мусы это была огромная победа, и он жадно пожирал глазами награбленное продовольствие, скот и ценности. Он так ликовал и был так благодарен за оказанную нами поддержку, что начал упрашивать меня принять от него в знак признательности одну из самых лучших и породистых из его арабских лошадей. Я принял его подарок и подумал, как же он отреагирует, узнав, насколько более велики в действительности наши пожелания.

Мы вернулись в лагерь, а он все еще продолжал рассыпаться в благодарностях, и поскольку он упрямо настаивал на том, что обязан выразить свою благодарность не просто на словах, а каким-нибудь более материальным образом, мы решили, что удобный момент наступил, и настолько дипломатично, насколько это было возможно, рассказали ему о том, с какой огромной нуждой столкнулась наша армия.

Он вскочил на ноги. Этот малый был горяч и вспыльчив, и я уже видел, как голова слетает с моих плеч и катится далеко-далеко от моего тела. Он пронзительно затрубил в странной формы рог, который обычно носят все арабские вожди, и в ответ на этот громогласный

рев сбежались его слуги. За какую-то секунду он успел раздать приказания. И приказания эти казались невероятными.

На следующий день наша экспедиция выступила в путь обратно в главный лагерь. Впереди двигался караван из пяти сотен верблюдов, нагруженных тоннами продовольствия, и более тысячи голов убойного скота.

Наше возвращение в лагерь стало настоящим праздником. На третий день был устроен официальный пир. Во время пиршества один из офицеров нашего штаба Мустафа Шевкет, опьянев от большого количества выпитого вина, встал и предложил тост.

— Командир, — сказал он, поднимая бокал, — братья-офицеры, я поднимаю свой бокал за гяура, капитана Торосяна, армянского героя турок. Он сын гяура, и он не верит в Мухаммеда, но, исполняя свой долг, он так же верен, предан и праведен, как и сам великий святой.

В тот вечер я впервые стал размышлять над этой своей преданностью, за которую пили офицеры штаба. Не было никакой преданности и не могло быть, ведь во мне все неудержимее закипала злоба. Оглядываясь назад, я думаю, что был очень хорошим солдатом (надеюсь, это звучит не самовлюбленно) и поэтому, безусловно, желал выполнять свой профессиональный долг надлежащим образом. Скажу так: как солдат я был настолько хорошо обучен, что для меня не существовало какого-либо другого здравого смысла. На самом деле у меня и выбора не было, потому что не было ни возможности покинуть страну, ни мятежников, которых я мог бы повести к бунту, ни тайного заговора, к которому я мог бы присоединиться.

До октября 1917г. в Мосуле все было спокойно. В начале октября в штаб поступили тревожные сведения о серьезном угрожающем продвижении русских в восточной части Османской империи. Англичане также неуклонно продвигались вперед и уже заняли город Тикрит³⁸, расположенный на реке Тигр примерно на полпути от Багдада к Мосулу.

10 октября 1917г. 46-я дивизия получила приказ выйти на передовую линию фронта. Мы тотчас отправились в путь и восемь дней спустя расположились близ городка в ущелье Феттах в двадцати пяти километрах от Тикрита. Место, в котором разместилась наша дивизия, было настоящей природной крепостью: в ущелье протекал Тигр, а берега реки защищали горы Джебель-Хамрин.

³⁸ Город на севере Ирака, на реке Тигр.

На следующий день после прибытия я повел отряд из четырехсот человек, вооруженный пушками, на склон горы и стал ждать приказаний.

На третий день британские самолеты обнаружили нашу позицию и открыли шквальный огонь. Я распорядился соорудить бутафорские пушки из дымовых труб и разместить их в наиболее заметных для противника местах, надеясь таким образом немного облегчить наше положение. Однако к этому времени вражеская артиллерия уже определила разделявшее нас расстояние и начала неистовый обстрел нашей позиции.

Ситуация уже становилась критической, но внезапно артиллерия противника перестала стрелять, вероятно, решив, что наше молчание говорит о том, что мы отступаем. За какое-то мгновение сюда был переброшен отряд индийских солдат. Они побежали по склону горы, уворачиваясь от снарядов и пытаясь спрятаться среди камней и деревьев. Наши пулеметные гнезда открыли по ним огонь, но прежде чем мы могли нанести им какой-то значительный урон, индусы начали отступать в ужасном беспорядке.

На следующий день нас вновь начали обстреливать британские самолеты. Во время бомбардировки я снова был ранен, на этот раз в руку. Меня ужасно раздражают такие раны, потому что из-за них приходится каждый день являться в госпиталь на перевязку.

Боевые действия продолжались на протяжении трех недель на обоих берегах реки. Моя батарея наконец по-настоящему вступила в бой. 20 ноября произошло решающее сражение, в котором турки понесли огромные потери.

Все же в конце концов англичане были разгромлены, по крайней мере, боевые действия на некоторое время прекратились, и мы были рады передохнуть.

Внезапное затишье на нашем отрезке Тигра показалось подозрительным, и вскоре наши опасения подтвердились. Оказалось, что противник попытался заманить крупные турецкие силы в ущелье Феттах, а сам тем временем начал быстро продвигаться в направлении Палестины, намереваясь взять Иерусалим и Дамаск.

Рассказывая о событиях на фронте, я, как бывший военный, наверно должен помнить более важные подробности битвы при ущелье Феттах, чем свиньи, просто свиньи, но, положив руку на сердце, я признаюсь, что ничего, кроме этого, не помню. Во всяком случае, все

остальные воспоминания гораздо менее отчетливы, чем воспоминания о свиньях, диких свиньях, о целом стаде диких свиней.

Прежде всего, позвольте мне немного отвлечься. Не знаю, в десятый ли или в сотый раз, но я должен отступить от повествования, если случай, о котором я собираюсь поведать, имеет хоть какое-то значение.

Турки не любят свиней. Полагаю, что это не личная неприязнь. Это чувство имеет религиозное начало, и поэтому оно гораздо сильнее. Что же до свиней, любят ли они туток или нет, я не знаю и не думаю, что можно найти авторитетов в этом вопросе. В любом случае, поскольку турки – магометане, они считают свинью нечистым животным. Так гласит их религия, а так как ученый из меня никакой, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение.

Однако сплетни и слухи не обходят стороной даже самые безупречные из религий, и христиане, мне кажется, первыми начали распространять слух, что магометанство не выносит свиней не потому, что считает их грязными, а потому, что в ранние годы жизни Мухаммеда, когда он только начинал свое дело, парочка молодых кабанов подобралась к нему со спины и сыграла с ним отвратительную шутку.

Вот и мое отступление, а теперь перейдем к истории со свиньями в ущелье Феттах. События эти произошли в дни наступлений противника на наши позиции.

Дикие кабаны заполнили окрестности ущелья Феттах и, говоря в двух словах, совратили глубоко верующих несчастных жителей городка.

Потом пришел ходжа, наш полковой капеллан. Он оставался с нами на протяжении всего времени, пока велись боевые действия. Каждый день этот благочестивый человек молился великому Аллаху и просил его не подпускать к нам мерзких кабанов ущелья Феттах. Но что-то пошло не так. То ли праведный ходжа вел несправедную жизнь, то ли артиллерийский огонь в тот день оглушил Аллаха, но однажды вечером, около 10:30, когда мы все устроились на долгожданный отдых в палатках у входа в пещеру, нас разбудил тяжелый грохот копыт. Времени думать и планировать, что делать, у нас не было; кабаны наводнили лагерь, с неистовством топчась все вокруг, безудержно разнося палатки и врезаясь в деревья.

Я потянулся за пистолетом и начал выкрикивать приказания, но турки, как и кабаны, металась вокруг в иступлении. Повсюду я видел туток, пытавшихся спрятаться от диких животных; религиозные

до фанатичности, они обезумели от нависшей над ними божьей кары. Ходжа вскарабкался на шест палатки и молил Аллаха сохранить ему жизнь.

В конце концов кабанов удалось прогнать, но еще несколько часов после этого никто не мог уснуть, так как ходжа читал нараспев молитвы против возвращения отвратительных, мерзких кабанов. Он распорядился перенести его палатку на скалистый утес и потребовал немедленно помыть и продезинфицировать все его вещи. Когда я видел его в последний раз, он прыгал на цыпочках вверх по склону горы, боясь наступить на следы зверей.

Как вы наверно выразились бы: «Ну и ночка!» Это самое яркое мое воспоминание о сражении при ущелье Феттах.

ГЛАВА XII

В пустыне я встречаю свою сестру

46-й дивизии было приказано вернуться в штаб армии в Мосуле и оттуда отправиться на Палестинский фронт. 9 декабря 1917г. мы покинули ущелье Феттах.

Само возвращение в Мосул нас не беспокоило, но не было среди нас офицера или солдата, который не содрогался бы при мысли о повторении ужасного пути из Мосула в Тель-Халаф. К счастью, было прохладнее, и на этот раз мы не так сильно страдали от болезней и жары. Теперь, когда мы были уже достаточно опытны, однажды пройдя эту пустыню, мы двигались гораздо быстрее.

Прибыв в Тель-Халаф, мы обнаружили, что в городе воцарился настоящий беспорядок. Его наводняли непрерывно прибывавшие войска, которые ждали здесь своей очереди, пока их направят на другие фронты. На протяжении многих километров сортировочные станции были заблокированы поездами с боеприпасами и продовольствием. Лагерь военнопленных были переполнены до отказа. По тому, как складывалась ситуация, мне казалось, что нашей дивизии придется ждать не меньше месяца, прежде чем мы отбудем в Палестину.

Мои батареи разместились в маленькой курдской деревне в девяти-десяти километрах от штаба дивизии. Это было тихое и спокойное местечко.

Приближалось Рождество, и на сердце у меня было тяжело. Мне так много пришлось пережить за последнее время: Джамия была далеко, Мухаррем погиб, мои родители и сестра пропали, я потерял столько друзей. В это Рождество мне было бы нестерпимо одиноко, если бы турецкий командир не разрешил троим врачам-армянам встретить праздник со мной. У каждого из нас была своя печальная история, у каждого навсегда запечатлелись в памяти измученные, искаженные от горя лица изгнанных соотечественников.

Во время разговора один из врачей упомянул, что слышал, как турецкий офицер рассказывает другому офицеру, что в лагере на склоне холмов к западу от Тель-Халафа живет несколько сотен армянских беженцев, работающих на железной дороге.

Я заявил, что нужно сейчас же приказать привести коней и отправиться туда. Оглядываясь назад, я думаю, что где-то в глубине души у меня все еще теплилась надежда, что я найду родителей.

Поддень только миновал. На улице, словно золото, сверкало солнце, и было свежо, как весной. Мы не спеша двинулись в путь, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть в бинокль на холмы, где жили беженцы. Наконец мы увидели вдалеке длинную серую полосу и вскоре стали различать очертания многочисленных палаток.

Теплый солнечный день уже уступал владения меланхолическим сумеркам, когда мы спешились и пошли друг за другом по неровной каменистой дороге вверх по крутому склону, направляясь к черному ходу в лагерь. Караульный указал нам на расположенные за палатками бревенчатые домики, где жили женщины.

Я постучал в дверь самого большого из домиков. Послышался скрежет тяжелого засова, и дверь слегка приоткрылась. С порога нас внимательно разглядывала старушка, на морщинистом лице которой, казалось, навсегда застыла маска ужаса.

– С Рождеством Христовым! – приветствовал я на армянском.

Никогда прежде я еще не видел такой перемены. Ее испещренное морщинами иссохшее лицо, покрытое тонкой пергаментной кожей, будто внезапно помолодело, хотя, скорее всего, мне это только почудилось из-за яркого блеска, вспыхнувшего в ее уставших, потухших, полных страха, затравленных глазах.

– С Рождеством, – ответила она боязливо. – Вы кого-то ищете?

Я уверил ее, что ей не стоит бояться моего мундира, и сказал, что ищу женщин из Эверека.

– Сынок, – ответила она. – У нас здесь живет несколько женщин из Малатьи³⁹, Себастии⁴⁰, Кесарии⁴¹ и Марсована⁴², а из Эверека – только одна, совсем еще молоденькая девушка. Хочешь, я позову ее?

Я был обучен как военный и воспитан в турецких обычаях, и даже сегодня редко проявляю свои чувства, но в ту минуту, когда я умолял ее поторопиться, я даже вспотел, и мои зубы стучали, как в лихорад-

³⁹ Город в восточной части современной Турции, административный центр провинции Малатья.

⁴⁰ Современное название – Сивас. Город в современной Турции, регионе Центральная Анатолия, центр провинции Сивас.

⁴¹ Современное название – Кайсери. Город в современной Турции, административный центр вилайета Кайсери.

⁴² Современное название – Мерзифон. Город в современной Турции. В начале XX века был населен греками, армянами и турками.

ке. Быть может, все дело было в страшном напряжении, которое мне приходилось испытывать в последние месяцы.

Я словно потерял сознание, и первое, что я помню, – это внезапно очутившаяся передо мной тоненькая голубоглазая девочка с каштановыми волосами, залившаяся румянцем, робкая и испуганная при виде наших мундиров. Я боялся поверить собственным глазам, ведь в ее взгляде я увидел выражение своей матери. Невозможно было представить, чтобы это была моя сестра, та малышка, которую я в последний раз видел, когда ей было всего восемь. Но вот она стояла передо мной в оборванной крестьянской одежде, маленькая девочка с глазами моей матери.

Наконец мне удалось хоть как-то побороть волнение, и, стараясь, чтобы голос мой звучал спокойно, я спросил:

– Как тебя зовут?

– Пайцар Торосян, – ответила она едва слышно. Голос ее звучал мягко и неуверенно. – Раньше я жила в Эвереке на улице Текишек.

Это без сомнения была моя сестра, но я почему-то все равно продолжал расспрашивать.

– Твоя семья здесь? – спросил я, осознавая всю жестокость своего вопроса.

– Мой отец и мать мертвы. Трое моих братьев живут в Америке, а еще один брат – офицер турецкой армии, но он был убит в сражении при Дарданеллах. Я осталась одна. – Она замолчала.

И прежде чем мы оба успели понять, что произошло, я уже крепко сжимал ее в своих объятиях, а она плакала так горько, будто ее сердце вот-вот разорвется.

– Я твой брат, – только и смог вымолвить я и потом еще долго повторял это медленно и как-то даже беспощадно. Я не был бессердечным, но все же охватившее меня чувство породила не только братская любовь. Я чувствовал, что мне удалось вырвать что-то из рук правительства, которое я уже начинал ненавидеть.

Я даже не заметил, что она пытается высвободиться из моих объятий, ведь я до смерти напугал ее.

Я отпустил ее и крепко сжал в руках ее руки.

– Разве ты не поняла, моя родная девочка, что я твой брат, тот самый брат, которого ты считала мертвым? Не бойся, Пайцар, я же твой брат. Тебе нечего больше бояться, Пайцар, ведь я пришел за тобой.

Я старался, чтобы мой голос звучал как можно ласковее, говорил, что все ее беды остались позади, и теперь она в безопасности.

– Никто в Турции и пальцем не посмеет коснуться сестры капитана Торосьяна, – гордо заявил я.

Не прошло и часа после моего приезда в лагерь на холмах, как мы с друзьями уже отправились в обратный путь. Пайцар сидела передо мной. Радость и печаль в моем сердце слились воедино. Я испытывал нестерпимую горечь утраты дорогих родителей, но вместе с тем был счастлив, что нашел любимую сестру. На подступах к деревне мои спутники покинули меня и вернулись к своим обязанностям. Мы с Пайцар поехали дальше. Была уже почти полночь, когда мы добрались до дома, где я поселился.

К этому моменту Пайцар уже начала мне верить. Мне удалось убедить ее своими рассказами о случаях из жизни в Эвереке, которые она тоже помнила. В свете комнаты, когда мой помощник помог ей устроиться, а страх в ее глазах сменился оживлением и радостью, она сказала, что начинает смутно припоминать мое лицо.

Мы сидели и пили чай, потеряв счет времени. Она рассказывала мне о своих скитаниях. Возможно, я изложу ее историю слишком коротко, но именно так я ее помню.

– Пятнадцатого ноября, – начала она, – каймакам Эверека прислал нам письмо, в котором сообщалось, что ты убит в сражении при Дарданеллах. Так как твое имя больше уже не могло защитить нас, нам приказали незамедлительно принять магометанство. Меня же должны были немедленно отдать в жены магометанину.

Долгие месяцы до этого отец с матерью сопротивлялись этому требованию. Они постоянно ходили в Городской совет, умоляя каймакама проявить снисходительность и повторяя, что они твои родители, в надежде, что твое имя будет для нас защитой.

Здоровье мамы было подорвано постоянными переживаниями. С папой очень грубо обращались. Но все же им удалось отбиться от каймакама, и нас не депортировали. Иногда им приходилось по несколько дней прятать меня в доме соседей.

В тот день, когда каймакам сообщил нам, что тебя убили, я была дома. Родители вновь, уже в который раз, отправили гонца обратно с отказом, и мы собрались бежать. Отец решил, что мы можем уехать той же ночью, но не прошло и часа, как к нам явился офицер с тремя конвоирами, и мы вынуждены были последовать за ними. На улице к ним присоединились еще трое конвоиров, и нас повели по переулкам к основной дороге.

Когда нас вывели из города, отец, до смерти боявшийся за нашу безопасность, подошел к одному из конвойных, которого уже несколько лет знал в лицо, и попытался узнать, что с нами собираются делать и куда ведут.

Конвоир старался быть добр к нам, но не мог ответить ничего, кроме того, что нам придется идти в Сис⁴³, дорога до которого займет самое меньшее 12 дней. Там нас должны были передать властям города. Это был тяжелый, изматывающий путь.

Мама так ослабла от усталости, что, когда мы дошли до города, она не могла уже держаться на ногах и упала. Нам разрешили передохнуть несколько дней и потом приказали идти дальше.

К нам приставили новых конвойных. Эти были не так доброжелательны, как прежние. Теперь пунктом назначения был Ислахие⁴⁴, но дальнейшая наша судьба все еще была неизвестна. Путь до Ислахие был гораздо короче пути от Эверека до Сиса, но в то же время он оказался намного сложнее. Конвойные мучали нас, постоянно подгоняли, тыча в нас оружием, и мы совсем обессилели. Нас кормили только два раза в день, и то понемногу.

В Ислахие нас повели в концентрационный лагерь. Мы слышали, что там живут почти две тысячи беженцев, ожидающих депортации. Суматоха и переживания отняли у мамы все оставшиеся силы, и она дважды падала в обморок. Она совсем исхудала, и от нее остались одни кости. Мы все очень похудели, хотя я еще как-то держалась. Мы дошли до лагеря утром, а к полудню наша голодная, изнуренная, оборванная процессия уже вышла из города и плелась устало и скорбно по дороге, и никто из нас не знал, куда приведет эта дорога.

Когда мы прошли примерно восемь километров, нам вдруг приказали остановиться и ждать. Что произошло потом, я не знаю. Кажется, караульные, сопровождавшие нас длинным строем в два ряда, немного отстали. Потом послышался грохот выстрелов. Стреляли из небольших пушек или из пулеметов, а может, из винтовок, я не знаю. Доносившиеся до меня крики были ужасны. Стоны, кровь, грохот ружей, вспышки выстрелов, убитые, раненные – все

⁴³ Современное название – Козан. Город и район в провинции Адана, современная Турция.

⁴⁴ Ислахие – город и район в провинции Газиантеп, современная Турция.

смешалось. Я никогда не думала, что мир может быть так жесток и ужасен. Женщины, дети, младенцы падали на землю, словно бумажные куклы под порывом ветра.

Я не лишилась чувств. Помню, что, когда я упала на грудь мертвых тел, я находилась в сознании. Рядом со мной лежали двое убитых. Во всяком случае, мне кажется, что они уже были тогда мертвы. Я прижала голову к земле, и по лицу моему побежала кровь. Я чувствовала, как она течет по моей щеке, к губам, и мне хотелось закричать и убежать, но мне было страшно. И тогда я подумала, что, возможно, сейчас они убьют и меня.

Не знаю, как долго я лежала так, пока не поняла, что стрельба прекратилась. Сумерки уже сгущались до непроглядной тьмы. Прошло еще немало времени, прежде чем я подняла голову. Солдаты исчезли, и даже слабенького огонька не было видно на много километров. Время от времени до меня доносился стон умирающих. Я знала, что турки вернутся убрать трупы. Я подумала, что, может быть, кому-то повезло так же, как мне, и эта мысль придала мне смелости. Я начала звать родителей. Но никто не ответил и не шевельнулся. В груди мертвых тел я нашла две бутылки с водой и с трудом вытащила их, продолжая звать. В ответ – тишина. И тогда я побежала что есть мочи в сторону гор. Я бежала полночи, а иногда, совсем обессилив, переходила на шаг, пока наконец не достигла гор. И все это время я кричала и кричала, и кричала. Добравшись до леса, я остановилась и заплакала, и долго плакала, пока не уснула. С тех пор и до той самой минуты, когда я увидела тебя, я больше не проронила ни слезы.

Две недели я бродила по горам и, охваченная ужасом, не знала, что делать дальше. Я питалась ягодами, травой, всем, чем только можно. Я никогда не думала, что человек может так умирать с голоду, умирать, и не умереть.

Как-то я услышала выстрелы. Отчаяние мое было таким невыносимым, что я бездумно побрела в их направлении. Через некоторое время стрельба стихла, но я продолжала двигаться в ту сторону, откуда она доносилась. Потом послышались чьи-то стоны. Я остановилась, начала вслушиваться и совсем близко, метрах в шести от себя, увидела человека. Он лежал ко мне спиной. Его рука была ранена и сильно кровоточила. Одежда на нем была не солдатская, и я подбежала к нему, на бегу оторвав несколько лоскутов от своей одежды, чтобы перевязать рану.

Когда я приблизилась, он потянулся за винтовкой, преодолевая свою слабость, и попытался повернуться ко мне лицом. К этому моменту я уже поняла, что он тоже армянин, и позвала его. Я перевязала, как могла, его руку и напоила водой. Он очень ослаб от потери крови, и мы решили отдохнуть до вечера.

Он рассказал мне, что родился в расположенном в горах армянском городе Равандуз⁴⁵. Вместе с другими мужчинами из Равандуза он украл оружие и еду и бежал из города сюда, спасаясь от резни. Турки преследовали их, и многие из мужчин были убиты.

Потом он сказал, что на другой стороне холма есть пещера. Он полагал, что его товарищи прячутся именно там, и, едва дождавшись, когда начнет смеркаться, мы отправились в эту пещеру.

Вскоре мы добрались до места, где нас ждали человек сорок армян и еда.

Еще через несколько дней мы вновь тронулись в путь в поисках безопасного места. Мы старались держаться горных дорог, избегая курдские и турецкие деревни, но однажды нас обнаружил турецкий патруль, и за нами началась погоня. Я спряталась в камнях узкого ущелья и стала ждать. До меня доносились звуки борьбы, выстрелы и крики. А потом звуки стихли вдаль. Я ждала весь день, сжавшись в камнях, совсем одна, ведь мне обещали, что за мной придут. И они пришли, когда уже почти стемнело. Вернулись только пятеро. Остальные погибли.

Бесконечно долго мы брели по горам и с каждым днем изнемогали все больше. Наши ноги стерлись до крови, и мы были голодны. Уже и не помню, как мы набрали на лагерь, в котором ты меня нашел, но однажды, одним ясным солнечным днем, он предстал перед нами. Мужчины пошли работать на железную дорогу, а меня приютили в своих лачужках жившие в лагере женщины. С тех пор и до самого твоего прихода ничего не происходило. Мы работали и голодали, и не знали, что ждет нас завтра, и жили в постоянном страхе. Каждый день был ужасающим предчувствием следующего. Я часто вспоминала о наших братьях в Америке, но думала, что они могут уже быть мертвы. Потом пришел ты. Теперь мне уже не так страшно, теперь я очень счастлива.

История, поведенная мной, может показаться сухой и лишенной чувств, но потерянная в дальних уголках моей памяти и запутанная в

⁴⁵ Город на севере Ирака.

паутине слов, которые мне так сложно подобрать, прячется романтическая и трагическая одиссея моей милой голубоглазой сестренки. Я никогда не смогу передать ее вам так, как рассказывала она: никогда не смогу описать черноту ночи в горах и ужас резни, от которой ей удалось спастись, и доводящую до отчаяния неизвестность, поглотившую горные склоны. В лучшем случае у меня получатся скудные наброски пустой, бессмысленной истории, которая для вас, читателей, будет не более чем небылицей.

Впервые за много месяцев ей было хорошо и спокойно, и впервые за долгое время у нее была своя отдельная комната. После того как Пайцар уснула, долгое время меня еще занимали мучительные бесплодные размышления; мне было недостаточно просто дезертировать из турецкой армии, я хотел отомстить. Я вспомнил майора турецкой армии Нури-бея, араба, с которым познакомился в поезде. Неужели и он тщетно сидел и планировал отомстить, или, может быть, уже тогда он тайно вел своих людей к мести?

На следующий день весь штаб уже знал о том, что я нашел сестру. Однажды утром, спустя несколько дней после этого, мне неожиданно нанес визит странный мужчина, назвавшийся моим другом-арабом. Он только вернулся из Багдада и из разговоров в деревне узнал, что я армянин, и что я ищу своих родителей. Он пришел сообщить, что в окрестностях Багдада проживает очень много беженцев, и предложил мне навести там справки.

Он производил впечатление чересчур болтливого человека, способного ловко направлять разговор в нужное для него русло. Потом он заговорил о британской армии. Он слышал, что англичане платят кругленькие суммы золотом наемным иностранным офицерам, хорошо знающим географию страны и располагающим ценной военной информацией.

К этому моменту я уже был уверен, что разговариваю с офицером нашей службы разведки, и мысленно сказал себе, что, когда выпадет возможность дезертировать из турецкой армии, я сделаю это не из жажды получить английское золото, а из жажды свести счеты с турками, которые уже очень много мне задолжали.

Я поблагодарил его за доброту, сказав, что обязательно наведаюсь в армянские лагеря в окрестностях Багдада, как только окажусь в этом районе, но отметил, что на данный момент я офицер турецкой армии и должен строго выполнять свои обязанности.

По-видимому, он поверил в искренность моих слов, ведь он рассматривал меня достаточно внимательно, чтобы сделать какие-то выводы.

Как только он вышел, я послал ему вслед капрала, и через два часа мои подозрения подтвердились; мужчина направился прямо в штаб бригады.

ГЛАВА XIII Палестинский фронт

3 февраля 1918г. я получил приказ подготовить своих людей к отбою на Палестинский фронт.

5 февраля наши отряды погрузились в поезд и выехали. Именно во время этого путешествия я впервые понял, что у меня все-таки может появиться возможность содействовать получению Арменией национальной независимости раньше, чем я ожидал. Совершенно случайно у меня завязался разговор с одним офицером службы разведки, который разоткровенничался со мной после большого количества выпитого виски.

– Дела этой экспедиции довольно плохи, – сказал он по секрету. – Теперь против нас воюют не только Союзные войска, но и сильные отряды армянских добровольцев из Америки. Кроме того, большинство сильных арабских племен подняли мятеж и объединились под руководством Нури Юсуфа, Джафара, Али Ризы, Саида, Нури и Кадрыра. Арабские шейхи восстали против нас. Даже слабые племена и жители этих районов настроены против нас и отказываются продавать нам продовольствие, заявляя, что наши деньги ничего не стоят.

Ни разу до этой встречи, да и после тоже, мне не доводилось встречать человека, который бы, выпив столько виски, сделал так много добра другому человеку.

Я посочувствовал своему пьяному товарищу и про себя отметил, что, возможно, скоро мой час настанет.

Одиннадцать часов спустя мы прибыли в Алеппо и разбили неподалеку от города лагерь. Там мы провели десять дней, прежде чем вновь отправиться в путь.

Я провел не одну беспокойную ночь, думая о том, как лучше всего позаботиться о сестре, и все же день за днем я откладывал всякие решительные действия. Становилось все более очевидно, что невозможно и дальше брать ее повсюду с собой, но сейчас, вновь обретя ее, я не хотел с ней расставаться. Она стала для меня больше, чем просто сестрой. Она стала символом. Она была единственным родным мне человеком, которого мне удалось вырвать из рук турок; человеком, которого они не осмеливаются тронуть, пока я рядом.

Я прекрасно понимал, что мне нельзя, никак нельзя, брать ее с собой на фронт. Но и оставлять ее одну в Алеппо я тоже не хотел.

Я отправил петицию назначенному военному губернатору Алеппо с просьбой предоставить Пайцар охрану для переезда в Константинополь, в дом моих друзей, где ей будет хорошо, и где она будет чувствовать себя в безопасности. Мое руководство без всяких колебаний одобрило эту просьбу, и я, естественно, ожидал, что тотчас же начнется подготовка к отъезду.

Однако на следующий день моя петиция вернулась обратно с категорическим отказом:

«Армянам строго запрещается въезжать в Константинополь. Мы предлагаем, чтобы капитан Торосян взял свою сестру на фронт или же временно поселил ее здесь, в одной из близлежащих деревень».

Отказ был недипломатичным, ведь он бросал тень на репутацию нашей дивизии и авторитет моего командира, относившегося ко мне весьма благосклонно. Я знал, что это очень обидит его, но никак не ожидал, что он будет так разъярен.

– Это, – сказал он, побагровев от злости, – это вопиющее оскорбление, капитан Торосян. Это тирания, грубый произвол. Мы солдаты, и когда эти напыщенные, вечно сующие свой нос в чужие дела чиновнички так бесцеремонно нас игнорируют, в то время как мы защищаем их, рискуя собственной жизнью, терпение мое заканчивается.

Он приказал мне следовать за ним, и в сопровождении нескольких человек из его штаба мы направились к губернатору. Командир двигался впереди. Сначала он пустил лошадь рысью, но его гнев все возрастал, и в конце концов наши лошади перешли на галоп, поднимая копытами клубы пыли.

Прибыв к месту, командир спешил и промчался мимо караульных, а мы очертя голову бросились за ним. Я ждал, что сейчас что-нибудь произойдет. Когда мы ворвались в приемную и оказались перед дверьми в кабинет губернатора, стоявший у входа часовой наивно ждал того же.

– Твой хозяин на месте? – спросил командир грубо. – Тчабук сей-лех⁴⁶, или я силой вырву слова из твоей глотки.

Солдат был совсем молод, и на его щеках все еще был легкий пушок. Он побледнел и, насколько я помню, не произнес ни слова, только открыл дверь, ведущую в кабинет.

⁴⁶ Говори быстро.

Когда, распахнув дверь, мы ворвались к губернатору, он сидел за письменным столом и, словно подвешенный на веревке человек, которого внезапно дернули вверх, вскочил на ноги и принялся нас приветствовать.

Командир не ответил на его любезность, только бросил на стол мою петицию, резко и презрительно спросив, его ли подпись стоит в письме.

Губернатор и слова сказать не успел, как командир выхватил пистолет, и на какую-то долю секунды я даже засомневался, что он не застрелил губернатора, когда тот рухнул в кресло, бормоча: «Какая подпись?»

– Оку шуну!⁴⁷ – Потребовал командир. – А потом посмей ответить, почему вы оскорбляете офицера армии!

Губернатор утверждал, что подписал письмо, не прочитав, смиренно просил прощения и обещал заглазить вину и отправить мою сестру, куда я пожелаю.

– Еще как отправишь, – заверил его мой командир, – или я сделаю так, что тебя казнят прямо на площади.

Никто из нас не усомнился в том, что он способен на это.

Только когда мы уже вышли от губернатора, я начал жалеть о своей поспешности. Отсюда до Константинополя было не меньше четырех сотен километров, а мне вскоре предстояло отбыть на фронт. Униженный турецкий офицер мог подстроить сколько угодно несчастных случаев с молодой армянской девушкой, отправлявшейся под охраной турок на такое дальнейшее расстояние. В Алеппо же оставались мои друзья из числа офицеров турецкой армии. И потом, там в безопасности жило несколько армянских семей. Я оставил Пайцар у одной из этих семей, уверенный в том, что она будет под надежной защитой и что о ней позаботятся. Когда мы прощались, она плакала. Не от страха, ведь она пережила все ужасы, какие только могут выпасть на долю человека. Нет, она плакала от чувства подступающего одиночества.

17 февраля 1918г. наша дивизия отправилась пешим порядком в Дамаск. Мы проделали этот путь за десять дней и, разместившись в лагере неподалеку от города, стали ждать дальнейших приказаний.

⁴⁷ Прочитай это!

В свой первый выходной я отправился в Дамаск, чтобы лучше изучить ситуацию и узнать, нет ли там никаких разговоров об арабском восстании.

Все, что мне удалось выяснить, – это что тысячи армянских беженцев согнали в какой-то убогий район города и держат в ужасных условиях. Я стал разузнавать, и в конце концов поиски привели меня в две жалкие комнаты, где в нищете и грязи толпились без малого пятьдесят человек. Комнаты почти не проветривались, и люди жили в полном отсутствии санитарии, а еды им едва хватало на то, чтобы не умереть. Сторожить комнаты была приставлена целая армия турок, не позволявшая пленным и шагу ступить за порог.

Вернувшись в лагерь, я рассказал об увиденном командиру, и он согласился пойти со мной к военному губернатору и выяснить, по какой причине задержаны эти люди.

На следующий день, отправившись к военному губернатору, мы не застали его на месте, но из разговора с его секретарем поняли, что беженцы содержатся в заключении по приказу Военного министерства, поступившему из Константинополя.

Очевидно, что ничего нельзя было предпринять. Однако я обсудил этот вопрос с несколькими высокопоставленными немецкими и австрийскими офицерами. Они рассказали мне, что уже несколько недель ведут переговоры с Военным министерством в поддержку армян.

По мере того как росла моя злоба против турок, я все больше действовал в интересах своих соотечественников, и все больше становилось у меня врагов.

Вскоре после моего похода к военному губернатору меня и еще нескольких офицеров пригласили на ужин, который устраивали в нашу честь какие-то состоятельные купцы. Нам пообещали, что это будет по-настоящему изысканный ужин, с танцами и музыкой. И поздно вечером четырнадцать офицеров, наряженных в свои лучшие мундиры, с револьверами и саблями, отправились в город.

Нас проводили в огромный особняк, расположенный в одном из самых богатых районов Дамаска.

Поначалу не было никаких неприятных неожиданностей, разве что купцы по своему поведению и разговору были не очень-то похожи на купцов; они больше походили на военных или чиновников.

Ужин представлял собой пропитанную насквозь спиртным эротику. Стол валился от всевозможных яств, и мы, конечно, угощались, но все же моих товарищей еда сейчас почти не волновала.

В качестве почетного гостя в этот вечер пригласили предсказательницу. Она была прекрасна. Говорю вам как знаток, по-настоящему прекрасна, ведь она была практически полностью обнажена. Ее звали Аиша-ханум. Но изначально все чудеса крылись в спиртном. Оно подавалось без разбора, и так же без разбора его поглощали мои товарищи: испанская малага, шампанское, французские и греческие коньяки, турецкий раки, пильзенское пиво и много всего, чего мне и не вспомнить; были и вовсе новые для меня напитки.

Как только ужин начался, заиграл цыганский оркестр, и в зале появилось несколько цыганских танцовщиц. На них не было ничего, кроме золотых и серебряных украшений, а танец их являл собой некое извращенное подобие древнего цыганского танца плодородия. Мне казалось, что передо мной танцуют проститутки. Конечно, этот танец возбуждал. Но все же я выпил не так много и, в отличие от товарищей, не стал, как безумный, смешивать напитки. Я остался трезвым, и пригласившие нас купцы начали вызывать у меня все больший интерес, потому что, как и я, они пили достаточно умеренно, хотя и притворялись, что пьяны вдребезги, не меньше, чем остальные.

После ужина снова стали пить, а потом в каком-то хмельном веселье завязали драку из-за цыганок. Несколько человек выхватили револьверы, и раздались оглушительные выстрелы в воздух. Во время ужина я не раз замечал, что Аиша-ханум и купцы поглядывают на меня как-то чересчур внимательно. Около двух часов ночи хозяева, выхватив из карманов револьверы, тоже принялись шуточно приставать к танцовщицам, и я решил, что все это часть какого-то заговора. Может быть, дело было во врожденном недоверии армянина к турку; или, может, это была интуиция, какое-то сверхострое чутье опасных козней. Я выпил так же мало, как и хозяева, но когда я поднялся и вышел из-за стола, сказав, что мне нужно в туалет, я постарался изобразить нетвердую походку. Выходя из комнаты, я заметил, что четверо купцов тоже встали и направляются за мной. Не зная, как поступить, я подумал, что туалет, возможно, самое безопасное место, поспешил туда и заперся внутри. Мне не оставалось ничего, кроме как проверить, на месте

ли мой револьвер, и ждать, что будет дальше. Я оказался прав. За дверь послышались их голоса, и до меня донеслись обрывки фраз о том, как им повезло, что я отделился от своих товарищей. Это только убедило меня, что было бы весьма небезопасно выходить из этого дома через ту же дверь, в которую я вошел. Я огляделся по сторонам, пытаюсь найти выход, и увидел узенькое окошко. В него едва можно было протиснуться. Я постарался открыть окно как можно тише и повис на подоконнике на высоте метров пяти. Окно захлопнулось, а я, спрыгнув на землю, приземлился на ноги, но не удержался и упал. Едва я успел встать, как из другого окна в меня начали стрелять. Я выстрелил в ответ и, уворачиваясь, бросился за угол дома, но одна из выпущенных пуль успела слегка зацепить мою руку. Я побежал вдоль стены, проскользнул через запасные ворота, как мог, поправил мундир и, набросив на раненую руку плащ, вышел на основную улицу, где взял первое попавшееся ландо и приказал ехать в штаб. В лагере я рассказал о случившемся албанскому майору Селим-бею. Он был штабным офицером и относился ко мне весьма благосклонно. Потом мы осмотрели повреждение и обнаружили, что пуля только расцарапала руку, и рана была не столько серьезной, сколько сильно кровоточащей. Он посоветовал мне не рассказывать начальству о происшествии и не показывать рану, заверив меня, что ее можно аккуратно перевязать и без помощи врача.

На следующий день в штаб донесли, что я стрелял в двоих купцов с намерением убить их (это было первое подтверждение, что я все-таки попал в цель). Майор Селим-бей выступил с заявлением о том, что я покинул ужин в час ночи по его требованию и в период с 1:30 до 5:00 утра помогал ему с отчетами для руководства; таким образом, достопочтенные купцы, должно быть, что-то перепутали. К счастью, мои товарищи в тот вечер были так пьяны, что даже и не поняли, что произошло. На этом инцидент был исчерпан, но позже майор узнал о том, что был подготовлен целый план моего убийства. План этот был разработан губернатором Алеппо при попустительстве отделения партии «Единение и прогресс» в Дамаске. Понятно, что ничего с этим поделать было нельзя, и мне оставалось только проявлять в будущем осторожность.

Наконец пришел приказ приступить к участию в боевых действиях на Палестинском фронте.

После семнадцатидневного пути мы наконец прибыли на место назначения и соединились с 7-м армейским корпусом в городе Наблус⁴⁸.

Ситуация там была крайне тяжелой. Британцы уже захватили Вифлеем⁴⁹, Яффу⁵⁰, Иерусалим⁵¹ и Иерихон⁵² и собрали силы численностью сто пятьдесят тысяч человек вдоль Палестинского фронта от Средиземного моря до восточных берегов реки Иордан и вдоль западных берегов до Аравийской пустыни.

Для того чтобы остановить продвижение Союзников, турки мобилизовали силы численностью сто двадцать пять тысяч человек под командованием немецкого генерала фон Фалькенхайна. Эти мощные силы, включавшие Четвертую, Седьмую и Восьмую армии, состояли из наиболее подготовленных турецких солдат. Впоследствии командование этими силами принял Лиман фон Сандерс.

Наш артиллерийский полк разместился в Вади-Хуммур в одиннадцати километрах от Наблуса на западном берегу реки Иордан. Местность здесь была холмистая и не очень хорошо подходила для размещения артиллерии, поэтому нам пришлось расположить батареи на значительном расстоянии друг от друга, растянув их от берега реки до подножья холмов, что позволило бы защищать расположившиеся вдоль этой линии многочисленные отряды пехотинцев.

Почти напротив нас, на юге, на расстоянии шести с половиной километров находился холм Эль-Мусалла, который занимали крупные британские силы. Турки несколько раз пытались взять этот холм, поскольку отсюда можно было контролировать вход в Иерихон, однако всякий раз получали серьезный отпор и несли тяжелые потери.

Жара стала невыносимой. Лагеря наводнили рои комаров, слетавшихся с близлежащих болот и разносивших тиф и малярию. Госпи-

⁴⁸ Или Шхем. Город на западном берегу реки Иордан, в Палестинской автономии.

⁴⁹ Город в Палестинской национальной администрации. Столица провинции Вифлеем.

⁵⁰ Или Яффо, Иоппия – один из главных портов древнего Израиля.

⁵¹ Древний город на Ближнем Востоке.

⁵² Город в Палестинской национальной администрации, на западном берегу реки Иордан.

тали были переполнены сотнями офицеров и солдат, иногда выходивших из строя на целых пять-шесть недель. Потом на нас обрушились полчища скорпионов, и нам пришлось копать землю в радиусе нескольких десятков километров, чтобы найти и уничтожить их логова.

Это был не самый приятный выходной в моей жизни. Мы продолжали ждать дальнейших распоряжений.

29 апреля 1918г. австралийская дивизия в составе вражеских войск предприняла решительное наступление на турецкий кавалерийский полк Йылдырым⁵³ и Четвертую армию. Сражение началось в 3:30 утра, и до 8:00 утра накал битвы все возрастал. Но в конце концов турецкие силы были разбиты и начали быстро и беспорядочно отступать к горам Аммана. Их преследовали мощные британские и австралийские отряды, и с наблюдательного пункта мне казалось, что они намереваются разом захватить и мост Эндамен через реку Иордан. Взятие этого моста означало бы поражение наших дивизий, размещавшихся на западном берегу, ведь в таком случае противнику оставалось бы только перейти реку и окружить нас. Действовать нужно было незамедлительно, и, оценив ситуацию, мы приготовились к быстрому отступлению. К счастью для нас, подготовка оказалась излишней, потому что по непостижимой причине британская кавалерия прошла мимо моста и остановилась на расстоянии примерно одиннадцати километров от нас в районе Табинехи.

Теперь преимущество перешло на сторону турок. В два часа дня мы получили приказ открыть огонь и обрушили на противника чудовищный град снарядов и шрапнели. Меньше чем за час нам удалось вытеснить британцев с занимаемой ими позиции близ Табинехи. Перейдя мост Эндамен, мы стали их преследовать и захватили большое число пленных. Наши пехотинцы начали грабить их и колоть штыками, и мы вместе с несколькими офицерами бросились сломя голову через мост и принялись размахивать револьверами, чтобы припугнуть своих солдат; только так нам удалось остановить то, что угрожало обернуться очередной резней.

Наша очевидная победа так порадовала немецкого генерала и его турецких помощников, что они решили начать в июне контрнаступление и попытаться вернуть Иерихон.

⁵³ Молния (тур.).

Я считал, что противник слишком превосходит нас численностью, чтобы предпринимать подобные действия. Однако это было только мое мнение, и восьмого июня все было готово к наступлению. Немецкая пехота засела в окопах на холмах к западу от Иерихона; их правый и левый фланги защищали сорок шестой и сорок восьмой турецкие полки.

Утром 7 июня 1918г. я покинул наше расположение и отправился в штаб немецкого полка, куда был назначен офицером связи и инспекции. Я взял с собой двоих телефонных монтеров, одного сигнальщика и шестерых связистов. Нам необходимо было проложить линии и установить нормальную связь на всем протяжении нашего пути. В соответствии с приказом мы должны были уложиться до семи часов вечера. В это время я тяжело болел малярией и с трудом держался на лошади. Меня все время занимали мысли, что наш план обречен на провал. В таком случае я мог попасть в плен к британцам. Это положило бы конец всем моим ожиданиям, связанным с национальной независимостью Армении, которая, я теперь был абсолютно в этом уверен, должна была прийти с восстанием арабов.

Где-то во второй половине дня мы сбились с пути и почти до самого заката блуждали по холмам, пытаясь найти дорогу. Потом нас обнаружили британские самолеты. Они открыли по нас огонь.

Мы укрылись в близлежащем лесу и какое-то время оставались там. Вскоре слева от нас послышался грохот тяжелых повозок. Пробравшись к узкой дорожке между деревьями, мы стали ждать. Кто это мог быть? Свои или враги? Наконец показались немецкие солдаты верхом на мулах, впряженных в повозки. Они помогли нам найти дорогу.

Пройдя несколько километров, мы увидели две палатки, хорошо укрытые среди деревьев. Там нас ждали немецкие офицеры. Еще через полчаса мы вышли в поле и остановились, чтобы передохнуть до 2:50 утра, когда планировалось начать операцию. И хотя сознание мое немного прояснилось, я все равно был рад отдохнуть.

В двадцать минут третьего нас разбудили, и мы поспешили к своим позициям.

Командующий операцией немецкий майор приказал мне связаться с командиром турецкой артиллерии и передать ему, чтобы ровно в 2:50 был открыт огонь.

Приказ был выполнен, и ровно в назначенное время мы услышали рев турецких пушек. Непрерывный обстрел вражеских позиций про-

должался в течение двадцати минут. Потом поступили сведения, что немецкая пехота начала смелое наступление на холм Эль-Мусалла.

Еще через час нам сообщили, что захвачена первая линия вражеских окопов. Некоторое время спустя мы узнали, что вторая, а вскоре и третья линии перешли в наши руки.

Ход битвы удивил меня, но не вскружил мне голову, между тем как руководивший операцией немецкий майор, напротив, был введен в заблуждение и, позвонив в штаб, заявил, что Иерихон удастся взять до рассвета.

В 5:00 утра, к великой досаде майора, накал битвы все еще продолжал возрастать, о чем свидетельствовало непрерывное гроыханье пушек. Но больше всего тревожило, что мы перестали получать сведения о том, как складывается ситуация.

Немецкие офицеры, командовавшие сражением с нашего поста, забеспокоились, и мы подошли ближе к месту боевых действий.

К 6:30 утра солнце уже поднялось высоко в небе, но новостей все не было, а грохот английской артиллерии как будто усилился.

Наконец мы установили наблюдательный пост, откуда я отчетливо видел, что происходит в районе боевых действий. Мы увидели, что немецким войскам удастся стабильно продвигаться. Между тем турецкие полки заметно отставали. Казалось, турки были сбиты с толку и потеряли связь с немцами.

Через полчаса все прекратилось. Англичане воспользовались разрывом в турецких рядах и смели их шквальным огнем, а немцы были окружены и захвачены в плен.

Не подозревая, какая участь постигла немцев, турки продолжали отчаянно сражаться на холме Эль-Мусалла, но вскоре и они были разгромлены.

Холмы и долину наводнили английские войска, и теперь совсем приунывший немецкий майор сказал, что с таким же успехом мы тоже можем сдаться, поскольку совершенно точно, что наша капитуляция – вопрос часа. Все же я уверил его, что, если мы останемся в укрытии, есть все шансы, что нас не обнаружат, и что, когда стемнеет, я смогу в целости довести наши отряды до штаба.

Едва нас накрыла ночь, мы тронулись в путь и километр за километром осторожно пробирались по черным склонам холмов. Уже почти рассвело, когда мы дошли до немецкого лагеря, снабжавшего войска продовольствием и боеприпасами. Нам рассказали, что

накануне ночью поступило распоряжение готовиться к пышному пиру в честь ожидавшейся победы, и для празднования были приглашены военные оркестры. Когда ночью мы пришли в лагерь, офицеры штаба уже не казались такими уж счастливыми. Вскоре после нас начали появляться и другие солдаты, и все они рассказывали о сражении то же, что и мы, разве что с разницей в незначительных деталях.

Через несколько дней состоялся военный трибунал с целью определить виновных в провале наступления. Генерал фон Сандерс, председательствовавший на суде, слушал поочередно турок и немцев, пытавшихся перевести вину друг на друга. Наконец решили ни на кого вину не возлагать, и дело закрыли.

24 июля 1918г. было принято решение направить три наши дивизии в район с более приятной местностью, где в изобилии росли фиговые и оливковые деревья и бежал прозрачный, кристально чистый и холодный ручеек. Мы расположились всего в тринадцать километрах к югу от Наблуса.

В конце июля я отправился на несколько дней в Наблус по служебным делам. В Наблусе я часто заходил в турецкий кафетерий, пользовавшийся большой популярностью среди офицеров. Почти за всеми столами за чашечкой кофе обсуждали, оживленно жестикулируя, положение дел на фронте. В целом прогнозы были мрачными и безрадостными. Все чаще поступали сведения о масштабном наступлении, которое намеревались в скором времени предпринять против нас армяне, французы и англичане. Я не услышал и слова об арабах, на которых я возлагал основные надежды, связанные с получением Арменией национальной независимости. Это были люди, которых я понимал, на языке которых я разговаривал и с которыми лучше всего мог поладить.

Боевые действия прекратились. Не было даже редких выстрелов и набегов. Каждая из сторон отдыхала, восстанавливала силы и напряженно ждала.

ГЛАВА XIV В арабской секретной службе

12 августа 1918г. я снова был в Наблусе. Днем, когда я зашел в Военный клуб, мне неожиданно сообщили, что некий офицер, представившийся моим однокурсником из Военного училища, заходил накануне и оставил мне сообщение.

Сразу же насторожившись, я стал расспрашивать управляющего клубом, но мне удалось выяснить только, что офицер собирался вернуться на следующий день в два часа в надежде застать меня здесь.

Меня охватило любопытство, и я твердо решил встретиться с ним. На другой день я пришел в клуб в 1:30 и выбрал столик в укромном уголке, откуда мог наблюдать за всеми входившими, оставаясь при этом незамеченным.

В третьем часу в клуб вошел высокий смуглый офицер, одетый в форму турецкого лейтенанта. Он не стал сразу подходить к управляющему и спрашивать, пришел ли я. Его взгляд пробежал по комнате, на долю секунды останавливаясь на каждом из посетителей. Мужчина дважды прошелся по комнате прямо мимо меня. Движения его были стремительными и нервными. Он еще раз обошел комнату, и я поймал на себе его внимательный взгляд. Вдруг он направился прямо ко мне, улыбнулся, резким движением отдал честь и протянул мне руку.

– Ба, мерхаба, мачалла бейем, насельсенес⁵⁴, капитан Торосян! – воскликнул он так, словно бы встретил старого знакомого.

Хоть я и был наготове, но все же от неожиданности вздрогнул, и он это, похоже, заметил. Мужчина немного смешался, и лицо его приняло озабоченное выражение. Я был уверен, что никогда прежде его не видел, но меня восхитило его самообладание.

– Бени танемаденми?⁵⁵ – спросил он. – Похоже, ты совсем меня не помнишь.

– Отуренес⁵⁶, лейтенант, – предложил я, намереваясь понять, что за игру он затеял. – К своему стыду, должен признаться, я не припомню, чтобы мы раньше встречались. Могу я спросить, как вас зовут и из какой вы дивизии?

⁵⁴ Ба, как поживаешь.

⁵⁵ Ты не узнаешь меня?

⁵⁶ Садитесь.

Он озадаченно улыбнулся и искусно увильнул от ответа.

– Капитан, это очень меня огорчает, потому как я прекрасно помню и вас, и вашего друга Мухаррема. Очень жаль, что он погиб. Наверно я сильно изменился со школьных дней, – засмеялся он. – Однако если вы не узнаете меня, вы уж точно вспомните, как несколько месяцев назад встретились с одним моим близким другом, Нури Юсуф-беом.

По его взгляду я понял, что он в курсе всего, и мне стало не по себе. В том, что мужчина очень многое обо мне знает, я не сомневался. Еще один офицер разведки, который пытается вытянуть из меня информацию! Нури Юсуф-бей, лидер арабских повстанцев! Человек, имеющий огромное влияние. Я постарался собраться с мыслями и безразлично сказал, уклоняясь от прямого ответа:

– Нури Юсуф-бей. Это имя кажется мне знакомым. Вы не могли бы описать этого господина? Может быть, это все прояснит. Вы же понимаете, лейтенант, – добавил я, – мне бы хотелось больше ясности.

На последних словах я сделал особое ударение. Это вызвало у него улыбку, и он посмотрел на меня дружелюбно и понимающе. В конце концов он тоже ступал по лезвию ножа, ведь я еще не подтвердил, что я и вправду капитан Торосян. Позже я узнал, что ему пришлось искать меня по очень неясной фотографии и весьма туманному описанию, которое он едва мог соотнести со мной, впервые увидев меня за столиком в углу.

Он наклонился, притворяясь, что предлагает мне сигарету, и еле слышно сказал:

– Капитан, давайте пойдем друг друга. Вы друг Нури Юсуф-бея. Вы встретили его в поезде по дороге на границу с Румынией. Вы провели ночь в его доме в Сари-Яре. Это так? У вас было много общего, и все еще есть.

Я вновь рискнул, положившись на искренность его ясных черных глаз, его желания убедить меня, которое я слышал в его голосе, рискнул, положившись на свою интуицию, и кивнул.

– Где и когда вы в последний раз виделись с Нури Юсуфом? – спросил я.

Он сел и осторожно, вполголоса произнес:

– Несколько дней назад, в его штабе в Аравии. Узнав, что вас направили на этот фронт, он хотел передать вам мухим хабар⁵⁷. Я согласился отыскать вас и доставить его послание, переодевшись турец-

⁵⁷ Важное сообщение.

ким офицером. И вот я здесь.

Внешне я отреагировал на его слова сдержанно, но на самом деле я никогда еще не испытывал такого волнения с самых первых дней войны. Момент, которого я столько ждал, наконец наступил, и с той самой минуты, когда мы отправились в путь, я был всецело предан новому делу.

– Тчабук⁵⁸, – сказал я, – давайте ваше послание.

– Не здесь, капитан, – успокоил он. – Если вас ничего не задерживает, поедemте в деревню шейха Хаджи Саида. Она в часе езды отсюда. Здесь не лучшее место, чтобы встречаться и обсуждать планы вроде наших, а шейх Хаджи Саид вне подозрений.

Мы приказали привести лошадей и поскакали в деревню, двое турецких офицеров, самовольно покинувших штаб для дневной прогулки. Около восьми километров мы ехали в направлении Бесана и наконец остановились у огромных ворот в высокой каменной стене, за которой располагалась арабская деревня.

У входа стоял вооруженный караул. После того как мы назвали секретные слова, нас провели к шейху, рядом с казармой которого на привязи стояло около сорока крупных оседланных арабских коней. Жеребцы были весьма норовистые.

Когда мы подошли к казарме, тяжелый занавес был откинут в сторону, и я очутился в длинном узком зале для совещаний в окружении суровых, непроницаемых смуглых лиц почти двух десятков арабских шейхов.

Прежде чем я успел что-то сказать, они вскочили и хором звучных низких голосов приветствовали:

– Ас-салам-aleyкум.

– Алейкум-ас-салам, – ответил я.

Шейх Хаджи Саид зашагал в мою сторону, улыбаясь и протягивая руку.

Все это походило на сон.

– Капитан, мы рады, что вы пришли к нам. Мы знаем, что и вы желаете сбросить турецкое ярмо. Наши народы – ваш и мой – слишком долго страдали.

За полчаса он вкратце рассказал мне о союзе, заключенном арабскими племенами, и от имени Нури Юсуфа попросил присоединиться к ним в качестве одного из их лидеров.

⁵⁸ Скорее.

Я согласился, заявив, что отныне я в их распоряжении. Я изо всех сил старался говорить спокойно, и, думаю, мне это удавалось, но мои мысли возбужденно металась и путались.

Вскоре слуги принесли и расстелили на полу большую серебряную скатерть, и мы расселись за столом праздновать заключенный союз.

Я уехал в лагерь еще затемно, пообещав вернуться через два дня.

Той ночью я никак не мог уснуть. В голове моей крутились бесчисленные схемы, и в конце концов я совсем запутался. Наконец! Мечь! Как хорошо я знал слабые места турецкой армии и куда нам лучше бить. До самого рассвета я изучал карты и составлял в голове самый оптимальный, с моей точки зрения, план действий.

Следующие два дня показались мне вечностью.

На второй день я получил отпуск и рано утром выехал из лагеря. Приближаясь к деревне шейха Хаджи Саида, я увидел издалика длинную процессию арабских всадников, входившую в ворота, и поспекал за ними.

Войдя в ворота, я не успел даже спешиться, как ко мне примчался один из шейхов. За ним следовал мой приятель-лейтенант из офицерского клуба. Когда я спрыгнул с лошади, он протянул мне письмо и попросил прочесть его. Послание было от Нури Юсуфа. Я передаю его дословно:

«Мой дорогой капитан,

Три месяца назад я узнал, что Вы прикомандированы к дивизии, размещенной близ Наблуса, и с тех пор пытался связаться с Вами. Некоторое время это было невозможно, поскольку я не хотел подвергать Вас опасности, послав к Вам гонца. Наконец я подумал об Офицерском клубе в Наблусе и решил отправить к Вам своего родственника шейха Хаджи Махмуда.

Хаджи Махмуд – надежный и благородный человек. Он сделал очень много, для того чтобы сплотить наших людей в прочный и мощный союз и поднять их против турок. Вы можете полностью ему доверять.

Для нас обоих большое счастье, что Вы согласились объединить с нами силы. Нам причинили немало зла, и нам нужно за многое отомстить.

Вы можете, не колеблясь, обсуждать все свои планы с шейхом Хаджи Саидом. Он оценит Вашу помощь и рекомендации. В Вашем распоряжении пятнадцать арабских шейхов, включая бедуинов с берегов реки Иордан. Они предоставят Вам людей и обеспечат военной техникой. Обо всех расходах позаботится специальный секретный комитет.

Помните, что я по-настоящему Вам доверяю и полностью на Вас полагаюсь, и я верю, что наши усилия увенчаются успехом. Всемогущий Аллах на нашей стороне, и свобода не за горами. Да будет так, что и Вашему народу Он вновь дарует независимость.

Жду Вашего скорейшего ответа. А пока во имя Аллаха прощаюсь с Вами и остаюсь искренне Ваш,

Нури Юсуф».

Я всегда дорожил этим письмом.

На состоявшейся в этот день встрече шейхов обсуждались возможные планы действий. Большинство присутствовавших придерживались мнения, что необходимо собрать под Дамаском мощные отряды солдат из различных племен и, развернувшись, ударить туркам в тыл.

Я категорически возражал против данной схемы, объясняя это тем, что она слишком очевидна, и турецкие шпионы могут легко ее засечь. Я рассказал об отчаянном положении, в котором находится турецкая армия, и низком моральном духе офицеров и солдат. Мой план состоял в том, чтобы неожиданно и молниеносно атаковать их, ввергнув в панику. Я предложил, чтобы каждое племя отобрало отряд кавалеристов, обеспеченных необходимым количеством продовольствия и готовых по первому же знаку собраться в деревне шейха Хаджи Саида.

Хаджи Саид одобрил мой план. Вскоре удалось убедить и остальных шейхов. Мы назначили надежных курьеров и договорились о знаках и сигналах к сбору племен и бедуинов.

Чем больше шейхи рассуждали о моем плане нанести мощный, точный, молниеносный удар, тем больше он был им по нраву с их горячим темпераментом, и встреча завершилась в славном единодушии.

Перед возвращением в турецкий лагерь я написал письмо Нури Юсуфу, в двух словах рассказав о предложенном мною плане и спросив его одобрения. Я также спросил, нет ли у него новостей от семьи Мухаррема.

С тех пор как я попрощался с матерью и сестрами Мухаррема в Константинополе, мне пришло только два коротеньких письма от Джамили. И даже эти записки были вскрыты и проверены. Я начал тревожиться за их безопасность, и меня охватила непреодолимое желание вновь увидеть Джамилю. По природе я не был очень уж пылким, но любовь мою никак нельзя было назвать менее страстной только потому, что я не проявлял ее открыто и экспрессивно. Я желал Джамилю, как желают люди, долго учившиеся терпению и сдержанности.

В конце недели должно было состояться еще одно тайное совещание шейхов, и я вновь попросил отгул на утро. Не могу припомнить, под каким предлогом я отпросился, но я стал чувствовать, что мои слишком частые отлучки неизбежно вызовут подозрение, и отправился в деревню по старой редко использовавшейся дороге. Прежде чем уйти, я написал заявление на недельный отпуск. На нашем фронте все было спокойно, и в ближайшее время не планировалось никаких боевых действий. Я не знал, что мне делать с этим отпуском, если мне его все же предоставят, но в то же время лелеял мысль, что смогу пройти через турецкие строи и увидиться с Нури Юсуфом в его штабе.

Перед совещанием я встретился с шейхом Хаджи Махмудом, который передал мне ответ Нури Юсуфа на мое письмо:

«Мой дорогой капитан,

Я целиком и полностью одобряю изложенный Вами план и прошу приложить все возможные старания и использовать все Ваши профессиональные навыки в его осуществлении. Вы имеете полное представление о положении турок, и я уполномочиваю Вас действовать по Вашему усмотрению.

Наши силы здесь хорошо организованы, и нам удастся быстро продвигаться вперед. Да будет и дальше Аллах давать нам силы.

Вы спрашивали, нет ли новостей о вашем покровителе и друге, арабском паше, и о его семье. К сожалению, новости весь-

ма печальные. Паша был одним из самых преданных наших сторонников и сделал все, что было в его силах, для того чтобы содействовать обретению арабами утраченной независимости. В глубине души он ненавидел партию «Единение и прогресс» за учиняемое ею зло и всем своим существом осуждал не только ее возмутительную политику в отношении арабов, но и бесчинства, совершаемые против армян; он все время об этом сокрушался.

Когда паша приехал из Константинополя в Аравию, мы увидели убитого горем старого человека, не способного примириться со смертью сына Мухаррема. Горечь утраты сломила его, и он умер около семи месяцев назад в Иерусалиме. Сразу после смерти паши его жена уехала с дочерьми в свой родной город Газа⁵⁹. Недавно я узнал, что старшая из сестер, Фериде, вышла замуж, а младшая, Джамилия, неизлечимо больна туберкулезом и прикована к постели.

Дорогой капитан, надеюсь, Вы простите меня за то, что говорю о столь личном. После смерти отца Джамилия, которая уже тогда была очень больна, открылась мне, рассказав о вашей любви, и заставила пообещать, что я найду Вас и приведу к ней. Капитан, я хочу выполнить данное мной обещание и поговорить с Вами. Если Вы сможете, не вызвав никаких подозрений, взять отпуск на несколько дней, сделайте это без промедлений. Шейх Хаджи Махмуд проведет Вас в безопасности сюда, а потом в Газу, к Вашей возлюбленной.

Горе – удел храбрых. Да утешит вас Аллах.

Жду вашего ответа.

С наилучшими пожеланиями,

Нури Юсуф».

Во время хаоса войны, в паутине тайных заговоров и восстания у людей нет времени, чтобы прогибаться под ударами несправедливой судьбы. Я сложил письмо и стал тереть подбородок, потом лоб; потом поднял правую руку к небу, как это делают арабы, а перед моими глазами все еще стояли последние слова.

⁵⁹ Крупнейший по населению город в провинции Газа Палестинской национальной администрации.

Иногда мне кажется, что увиденные мною ужасы войны сжали мои чувства в тяжелый грубый ком и силой протолкнули их в самую глубину моего сердца, где до конца моей жизни они будут гореть и сжигать меня изнутри, невыраженные словами. Я все еще был способен испытывать боль, но выразить ее я не мог. В самый разгар войны мы планировали вооруженное восстание, и каждая минута могла иметь историческую важность, и каждый час организовывались заговоры и опасные тайные собрания.

Мы созвали совещание и составили окончательный вариант плана. По завершении встречи было принято решение, что я должен увидеться с лидером арабов Нури Юсуфом.

Днем, вернувшись в лагерь, я пошел в штаб и написал специальное заявление на отпуск под предлогом того, что мне нужно навещать сестру в Алеппо. Заявление было подписано.

Утром 4 сентября 1918г. я направился в деревню шейха Хаджи Саида, где меня уже ждал Хаджи Махмуд. Переодевшись в арабскую одежду и взяв арабское имя, в сопровождении Хаджи Махмуда я пустился в путь к Иорданской долине. Мы продвигались достаточно медленно, а когда оказались в долине реки, дорога и вовсе стала опасной, поскольку за обоими берегами постоянно велось пристальное наблюдение. Мы двигались по узким извилистым тропкам, пролегавшим на склонах холмов, держась на безопасном расстоянии от использовавшихся турками дорог и турецких аванпостов. Наконец под покровом темноты мы вошли в воду. Почти двадцать минут наши лошади с трудом пробивались по реке, спотыкаясь на проваливавшемся дне и задыхаясь под вздымавшимися волнами. Выбравшись на сушу, мы решили отдохнуть до восхода солнца и немного поспать. Мы проснулись уже засветло и отправились дальше, а через пару часов добрались до Вади-эль-Юсуф.

Вскоре вдалеке показался арабский штаб, и Хаджи Махмуд прищипорил коня, издавая странный для меня пронзительный крик, характерный для арабов. Тотчас же в ответ послышались крики сотен всадников в арабских облачениях, бурным потоком следовавших с нами.

Наконец я встретился с Нури Юсуфом. Конечно, я был по-настоящему рад снова видеть его, но в этот критический момент у нас почти не было времени на личные разговоры. Весь день мы провели, изучая карты и планы, и секретные стратегии.

Ближе к вечеру я со своими проводниками отправился в путь так же быстро, как прибыл; впереди нас ждала Газа. Нури Юсуф обеспечил нам безопасное прохождение через британские строи и послал с нами в качестве сопровождения до самого Эль-Шеора отряд из десяти тысяч арабских всадников. Через некоторое время мы прибыли в маленькую арабскую деревню близ Хеврона⁶⁰. Там мы поужинали вместе с главой деревни и снова пустились в дорогу.

Долго еще мы мчались вперед, рассекая ночь, пока наконец в четыре часа утра не въехали в древний, бесконечно прекрасный город Газа. Мы были измотаны, и мои спутники, не желая беспокоить живших где-то поблизости друзей, расположились на отдых в маленьком садике. Я не мог сомкнуть глаз и сидел неподвижно, погруженный в свои мысли, пока солнце не взойшло высоко в небе. Уже и не помню, о чем я думал. Кажется, я заново пересматривал всю свою жизнь, о чем я думал. Кажется, я заново пересматривал всю свою жизнь, со всеми ее радостями и печалью. И перед моими глазами, словно смертельно больные люди, в печальном параде проходили мои несбыточные надежды. А я наблюдал за этой процессией отрешенно, не испытывая никаких чувств, в каком-то полусне; я был для нее призраком, к которому невозможно прикоснуться.

Ближе к полудню я вышел из садика и отправился бродить по залитым солнцем извилистым улочкам; воздух был наполнен благоуханием цветов и едва уловимым шелестом. Весь мир как будто затих и зашептал. Я подошел к старому каменному дому и постучал в дверь. Мои руки дрожали, но чувства были как-то странно приглушены. Словно бы что-то внутри меня умерло.

Совсем еще молоденькая служанка с испуганными глазами спросила, кого я ищу. Когда я поинтересовался, в этом ли доме живет семья паши, она отпрянула, боясь ответить на мой вопрос. Я принялся уверять ее, что я друг семьи, и попросил просто передать жене паши, что пришел капитан артиллерии.

На лестнице послышались легкие женские шаги, и на какое-то мгновение во мне как будто зашевелилась жизнь; на долю секунды мне показалось, что это Джамия. Но я знал, что это не так, ведь мой друг сказал, что она умирает.

Через некоторое время дверь слегка приоткрылась. В узкую щель на меня внимательно смотрела женщина с бесконечно грустным, но вместе с тем подозрительным взглядом.

⁶⁰ Крупнейший город в южной части западного берега реки Иордан.

– Госпожа, – я поклонился ей на европейский манер, – надеюсь, вы не боитесь меня из-за этой одежды, которую я надел из соображений осторожности. Вы помните Саргиса Торосяна?

– Аллах! Аллах! Неужели это правда? – начала она приговаривать тихо, и ее наполненные мистическим смыслом слова были похожи на молитву.

Дверь отворилась, она споткнулась, упала в мои объятия и залилась слезами. Она то рыдала, то всхлипывала, рассказывая о своем горе, прижавшись к моей груди, уставшая, безутешная, убитая потерей любимого сына и супруга. Я говорил с ней, и наверно мои слова имели какой-то смысл, но я все еще чувствовал себя тенью, затерявшейся в мире людей, призраком, воплощавшим собой жестокость жизни.

Я говорил о Джамиле так, словно просто бездумно повторял чье-то имя. По словам ее матери, никто и понять не мог, как она до сих пор жива, и все были готовы, что в любую минуту она умрет.

По узкой извилистой тропе в саду, где пестрели цветы, а вдоль ограды росли оливковые деревья, я молча шел за женщиной в черном. Где-то за моей спиной, далеко-далеко позади, давно, словно в прошлой жизни, однажды родилась любовь, и сердце мое тогда билось гораздо быстрее. Теперь же я был человеком, в котором пылавший некогда огонь потух, умер; умер, но при этом был не мертв, а заперт в каком-то отдаленном потерянном уголке сознания. Время, эмоции – все замерло. У меня не было даже слез. Я просто шел, шел туда, где мне предстояло увидеть, как умирает любовь, умирает в старом садике в Аравии. Под ветвями оливковых деревьев я увидел крошечную кроватку. Мать Мухаррема склонилась над ней и что-то прошептала.

Слабый голосок позвал меня по имени, и тоненькая ручка, прозрачная, словно крылышко бабочки, потянулась ко мне, затрепетала и снова упала на одеяло. Боже! Боже! Как может жизнь быть так жестока с человеком! В глубине души я плакал, поверьте, плакал, как мальчик, которому разбили сердце, но плакал без слез, стоя у ее кровати, удивляясь тому, что, несмотря на бледность ее впалых щек, в этих огромных черных глазах все еще сверкают огоньки, удивляясь тому, что в этом исхудавшем тельце все еще живет голос. Ее ослепительная красота исчезла, как исчезает сон. Я сел перед ней на колени и поцеловал ее слабую, хрупкую, маленькую ручку.

– Любимый, – прошептала она, – неужели это правда, и ты наконец пришел, и сейчас обнимаешь меня? Я так боялась, что смерть найдет меня раньше, чем ты. – Она пыталась сказать еще что-то, но начала кашлять, и на губах ее заалели капельки крови, а глаза наполнились болью.

Я умолял ее не разговаривать и, сжав в своих объятиях, рассказывал обо всем, что приходило мне в голову: о сестре, о родителях, о тайном заговоре, в котором я участвовал. Я говорил, чтобы слышать звук своего голоса и знать, что мы оба все еще живы. Она уснула, и я был этому рад, потому что мне нужно было уходить. Меня ожидали в доме одного арабского шейха на совещании, посвященном предстоящим боевым действиям.

На другой день я вновь сидел рядом с Джамилей, удивляясь, поражаясь тому, как в ней все еще теплится жизнь. Мне показалось, что за утро блеск ее когда-то похожих на звезды глаз погас. Во второй половине дня, когда прямо в саду подали обед, и мы сидели с ее матерью за столом неподалеку от нее, она словно бы озарилась.

Когда слуги убрали стол, а жена паши ненадолго ушла в дом, Джамилля закатилась в страшном приступе кашля. Потом она словно начала задыхаться, попыталась приподняться в постели и снова упала на пропитанную кровью подушку. Я помчался за помощью, и в сад выбежали слуги и жена паши. Я обнял Джамиллю и поднял с подушки. Боль и ужас в ее глазах исчезли, и они снова засверкали, как звезды, серебристые звезды на черной вуали восточного неба; ее веки медленно опустились, и она ушла – ушла, как уходит сон.

Ее похоронили на следующий день. И в небе сияло солнце. И ходжа читал нараспев текст из Корана. Я не помню, что происходило со мной с минуты ее смерти и до той минуты, когда первая пригоршня земли упала на ее могилу. Люди постепенно разошлись, и я остался один. Спустя какое-то время я вышел на дорогу, где меня ждали товарищи. Мы тронулись в путь и через семь часов, когда уже совсем стемнело, въехали в Иерусалим.

Утром мы пошли к Верховному муфтию арабов и изложили ему свои планы. Потом отправились в канцелярию британского военного губернатора, чтобы получить охранное свидетельство для безопасного прохождения на территорию Иерихона и к передовой линии Союзных войск. Я двигался и разговаривал как во сне, но столь глубоко сидели во мне привычка и военная подготовка, что я все же

мысленно отмечал для себя мощь армии, состоявшей из канадских, австралийских и индийских войск, лагеря которых растянулись на самой окраине города. Эта армия могла с легкостью сокрушить деморализованные турецкие дивизии, и я поражался, что вместо этого она празднично сидит здесь.

В Иерихоне наши документы тщательно проверили, продержав нас до самого вечера. После этого нам плотно перевязали глаза, чтобы мы не видели расположения позиций Союзников, и провели до британского аванпоста в долине Вади-Ауджах, находившегося на расстоянии около 100 метров от нас.

Всю ночь мы провели в пути, крадучись под прикрытием темноты по Иорданской долине, а на рассвете прибыли в деревню шейха Саида. Я не стал отдыхать: сбросил с себя арабскую одежду, надел капитанский мундир и вернулся в турецкий штаб в Наблусе. Когда тело измотано, сны не снятся, а я хотел забыться.

ГЛАВА XV

На пути к кровавой мести

Через десять дней после возвращения из Аравии я принял участие в третьем секретном совещании в деревне шейха Саида и наконец получил известие от шейха Нури Юсуфа о том, что час нашей мести уже почти настал. В ближайшие несколько дней планировалось совместное наступление английских и французских войск под командованием генерала Алленби, и мы получили приказ быть готовыми атаковать одновременно с ними. Арабская кавалерия была мобилизована и приведена в полную боевую готовность.

Четыре дня спустя, 19 сентября 1918г., уже в 3 часа утра на всем протяжении Палестинского фронта с западной стороны, от Средиземного моря до реки Иордан, раздался чудовищный грохот пушек.

Мощный флот, состоявший из французских и английских кораблей, дислоцированных в Средиземном море, открыл сокрушительный огонь по Восьмой турецкой армии в Тулкериме, разрушая ряды турок и вынуждая их в беспорядке отступать в направлении Наблуса, где размещалась Седьмая турецкая армия.

В это же самое время несколько английских полков и отряд армянских добровольцев (французский Восточный легион) провели объединенное наступление вдоль всего фронта, в течение часа завершившееся полным поражением турок, в ужасном хаосе и панике бегавших к месту своей дислокации. Телефоны разрывались от раздававшихся в суматохе приказаний. Мне удалось передать сообщение арабу, уже больше недели находившемуся в Наблусе и ожидавшему знака, что час настал. Было около 3:30 после полудня, когда он выехал в деревню шейха Саида с моим распоряжением собрать кавалерию. Я намеревался присоединиться к ней в ближайшее время.

Какое-то время я еще оставался на своем посту, изучая дальнейший ход боевых действий. Из отчетов я узнал, что армянские отряды прорвались через центр турецкой обороны и уверенно продвигаются вперед, а английская кавалерия, изматывая, преследует отступающих турок на других участках фронта. Турецкие командиры были в отчаянии.

По телефону я получил приказ от начальника штаба Шевкет-бея оставить пост и начать действовать в качестве курьера между штабами Седьмой и Восьмой армий. Но я уже готов был оставить пост в

своих собственных целях. Мое сердце даже не дрогнуло. Я был спокоен, а моя месть – хладнокровна. Ничего ему не ответив, я перерезал провода, оседлал лошадь и бросился прочь, едва не затоптав перепуганного ординарца. Выехав из штаба, я погнал лошадь по склонам холмов в деревню шейха Саида.

В шестом часу утра я добрался до деревни и очертя голову бросился в многочисленные строи одетых в белое арабских всадников. Пока они оседлывали свежих коней, я переделся из своего капитанского мундира в арабскую одежду.

Я встал перед ними и, подняв саблю, приказал следовать за мной на мост Эндамен. Мы пустили лошадей галопом. Оглядываясь на ходу, я видел, как сверкает оголенная сталь их сабель, как подпрыгивают стволы висящих за спинами винтовок, и пытался оценить урон, который могут нанести эти орды. Ко мне вернулась страсть, холодная страсть, подобная страсти араба к оголенной стали. Мы громом пронесли по холмам к Иорданской долине.

В 6:45 мы были уже у моста и, затаившись в укрытии, стали ждать приближения отступавших турок. Я чувствовал, что они перейдут реку именно отсюда. Я отправил четверых всадников перерезать провода, соединявшие турецкий главный штаб с Седьмой и Восьмой армиями.

Вскоре мое предположение подтвердилось, и из узкого ущелья между горами Вади-Фарры показались многочисленные отряды. В бинокль мы видели, как они с трудом тащат тяжелые пушки. В небе показалась британская эскадрилья, и по отступавшим туркам был открыт шквальный огонь. Разрывавшиеся снаряды убивали сотни солдат и крушили грузовые платформы с техникой и телеги со съестными припасами.

Когда турки приблизились к мосту, мы выскочили из своего укрытия и яростно помчались на них, неудержимые, словно ураган. Наше неожиданное появление и пронзительный боевой клич арабов привели их в ужас, и они бросились бежать, как кролики, ища укрытия; они свернули влево, на север, в направлении Бесана.

Я тотчас же отправил гонцов в британский штаб в Наблусе с последними новостями, а сам вместе со своими арабскими всадниками пустился в погоню. Мы несколько раз внезапно набрасывались на их тылы, разрубая турок сотнями и захватывая технику и продовольствие. Я уже не был человеком, а превратился в машину для убий-

ства. Во мне не осталось чувств. Смерть была моим старым знакомым. Я убивал, потому что во мне самом убили жизнь, и мне больше ничего не оставалось делать.

В девятом часу утра в хаосе отступавшие Седьмая и Восьмая турецкие армии уже почти достигли окрестностей Бесана, но неожиданно появившиеся британские отряды отрезали им путь к городу, и они были вынуждены капитулировать.

Был заключен договор, в соответствии с которым до 4:00 дня они должны были прийти к британцам как военнопленные, но пока британцы ждали, турки подожгли их боеприпасы, поезда и продовольствие и снова бросились бежать от почти настигшего их плена к реке Иордан. Однако впереди их ждала холмистая местность, по которой было невозможно передвигаться быстро. Они добрались до реки только на рассвете 21 сентября 1918г. и стали в суматохе продираться на другой берег, намереваясь соединиться с Четвертой турецкой армией и надеясь установить еще одну оборонительную линию.

Я следовал за ними со своими арабами, стараясь держаться как можно ближе, и именно тогда обнаружил, что они нарушили условия договора, заключенного при капитуляции. Мы настигли их тылы у воды и, атакуя рывками, несколько раз вгрызались в их строи. И снова мы убили несколько сотен; многие же утонули, отчаянно пытаясь пересечь реку.

Тем временем англичане пустились в погоню за остальными, еще почти шестью тысячами турок, все еще надевавшимися перейти на другой берег, и снова схватили их.

И хотя мой отряд, едва ли насчитывавший тысячу арабов, был всего лишь горсткой людей в сравнении с отступавшими турецкими силами, они были до такой степени деморализованы, что полностью растерялись, и наши внезапные атаки заставляли их бросаться врассыпную в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Мы перешли Иордан и продолжили преследовать и атаковать их. На восточном берегу реки они остановились, чтобы отдышаться, но британские самолеты начали осыпать их градом снарядов, и они вынуждены были бежать дальше. В своем гибельном отступлении они направились в Тибних. Самолеты последовали за ними, уничтожая одним снарядом целые взводы.

Только добравшись до узких горных дорог, где можно было укрыться среди деревьев и кустов, они получили небольшую передышку.

Потом – дальше, и вновь они вынуждены были поменять направление – от Тибниха на север к Ирбиду⁶¹.

Мы преследовали их, и к этому времени мои отряды насчитывали уже почти две тысячи человек. По пути к нам присоединялись другие жившие здесь арабские племена. Теперь, когда нас стало больше, мы действовали еще смелее, держа их тылы в постоянном ужасе.

Вечером 22 сентября, когда отступавшая армия подошла к окрестностям Ирбиды, я заметил в небе вспышки гелиографического сообщения⁶². Это было послание от командующего турецкими силами. По всей видимости, оно было отправлено наудачу, без особых надежд, что его увидят. Очевидно, что средства связи турок были полностью выведены из строя. Я расшифровал послание и выяснил, что для обороны Дерата и Дамаска срочно требуются крупные подкрепления.

Офицеры отступавших турецких сил, должно быть, тоже прочитали сообщение, поскольку они сразу устремились в направлении Эль-Музариба. В Эль-Музарибе они попытались собрать свои потрепанные, промокшие насквозь строи в какое-то подобие боевого порядка. Два полка были направлены на юго-восток, в Дерат, а оставшиеся силы двинулись на север, в Дамаск.

Я понял, что, разделившись, они допустили серьезную ошибку, и, воспользовавшись случаем, повел арабов в яростную атаку на отряды, спешившие на оборону Дерата, вынудив один из полков повернуть и бежать обратно в Эль-Музариб, а другой – разбежаться во всех направлениях.

Мы не давали им времени собраться, если бы даже их морального духа хватало на то, чтобы это сделать. Стремительное преследование, резкое, обычно внезапное нападение, несколько пленных, и мы вновь исчезали.

Расправившись с полками, направлявшимися в Дерат, мы сломя голову бросились за оставшейся частью турецких солдат и 24 сентября настигли их неподалеку от города Шейх-Мискин⁶³. Столкновение было кровавым: мы прорубали себе путь прямо через их ряды, и они несли огромные потери.

⁶¹ В античные времена – Арабелла. Город в Иордании.

⁶² Сообщение, передаваемое посредством световых вспышек.

⁶³ Город в Сирии.

А потом мы снова испарились. И опять передышка. Мы вновь перерезали провода, на этот раз между главным штабом и крепостями.

Вскоре до нас дошла хорошая новость: мощная арабская армия во главе с главнокомандующим Шерифом Эмиром Фейсалом⁶⁴ и семью другими сильными лидерами, среди которых был и мой друг шейх Нури Юсуф, провела объединенное наступление на турецкий опорный пункт в Дерате и, наголову разбив, обратила в бегство оборонявшую город Четвертую турецкую армию.

Это масштабное отступление стало переломным моментом войны на Ближнем Востоке. Разделенные расстоянием всего в двенадцать или тринадцать километров Седьмая, Восьмая и Четвертая армии даже не пытались соединиться. Окаменевшие от ужаса и деморализованные, они бежали что есть мочи в Дамаск, свой единственный оставшийся опорный пункт.

Никогда еще месья не обрушивалась на жертв так безжалостно, как наказание, приведенное в исполнение арабами. Эмир Фейсал вместе со своими мощными войсками до последнего продолжал преследование Четвертой армии; они рвали ее на части, и за отступавшими турками тянулись реки крови.

С каждым днем мои отряды, гнавшие Седьмую и Восьмую армии, все больше разрастались: к нам ежечасно присоединялись сотни арабов из деревень и племен во внутренних районах, пока их наконец не набралось почти шесть тысяч, и каждый жаждал мести отчаяннее другого.

За всю свою военную карьеру я не видел такой пронизательности, боевой готовности, такой безрассудной храбрости и дисциплины, как те, что проявили эти всадники пустыни.

О капитуляции не было и речи; турки знали, что могут не ждать пощады. Наверно это было самое кровавое отступление за весь период войны, и хотя время от времени мы останавливались, чтобы передохнуть и ненадолго вздремнуть, все же за все время этого важного для исхода войны отступления турок, кажется, ни один из нас не сомкнул по-настоящему глаз и не расслабился ни на секунду. А

⁶⁴ Фейсал I Ибн Хусейн (20 мая 1883 – 8 сентября 1933) – основатель и первый король современного Ирака. Первый и последний король Сирии. В годы Первой мировой войны командовал арабскими войсками в составе экспедиционного корпуса генерала Алленби.

я все так же безжалостно вел свою машину для убийств. Ее толкала вперед моя ненависть, и работала она идеально. Во мне не осталось чувств. Смерть была безразлична мне, становился ли я, не дрогнув, на ее пути или уворачивался, продолжая сражаться.

30 сентября около 5:30 утра мы подошли к южной окраине Дамаска на расстояние примерно одиннадцати километров. Я предполагал, что противник попытается покинуть город и прорваться, поэтому принял необходимые меры, чтобы помешать этому. Я приказал своим отрядам повернуть и мчаться во весь опор на северо-запад, к одной из основных дорог, ведущих в город. В 10:30 мы прибыли к месту, где дорога резко уходила вниз, и стали ждать.

Полдень только миновал, когда вдали послышался грохот копыт. Через несколько минут с наших аванпостов, расположенных на вершине холма, поступили сведения о стремительно двигавшемся турецком кавалерийском полку Йылдырым, за которым следовала пехота.

Я приказал своим людям оседлать лошадей. В оглушительном громе копыт их пронзительный боевой клич прозвучал неестественно высоко. Арабы, словно безумные, набросились на вражеские отряды, размахивая саблями и разрывая перепуганных турок на части. Выйдя из оцепенения, турки в отчаянии попытались собрать развалившиеся строи и прорваться. Сражение было кровавым и беспощадным. Они понесли колоссальные потери, и меньше чем через час оставшиеся в живых турецкие солдаты бежали обратно к воротам города.

Мы не стали следовать за ними. Я приказал своим отрядам развернуться. Мы помчались обратно в сторону Кисве, маленькой деревеньки близ Дамаска, и оказались прямо на пути Четвертой турецкой армии, преследуемой войсками Шерифа Эмира Фейсала. Я рассчитывал преградить путь туркам и остановить их продвижение к Дамаску. Было около четырех часов дня, когда появились разрозненные отряды Четвертой турецкой армии. И снова, как ураган, с пронзительными безумными криками диких всадников мы обрушились на них и зарубили сотни. Наше появление было столь внезапно, а атака – так стремительна, что они даже не предприняли попыток защититься. Мы пронеслись сквозь их ряды, потом – вокруг них, и исчезли, прежде чем они успели восстановить строи.

К 5:30 вечера положение турок стало критическим. Спереди им преграждали путь мои войска; с тыла подошли силы Эмира Фейсала

и других арабских лидеров, а к западному флангу с внутренних районов стремительно надвигались британцы под командованием генерала Алленби. Турки капитулировали и поспешили слиться в плен британцам, прекрасно зная, что арабский ятаган⁶⁵ беспощаден к врагу.

Вечером я встретился с Нури Юсуфом и остальными лидерами, которые принялись благословлять меня во имя Аллаха.

И все же одержанная победа не вызвала во мне никаких чувств, хотя я и понимал, что помог сломать хребет турецкой армии, и что теперь Османская империя содрогается и прогибается под тяжестью поражения. Меньше чем за четыре недели Седьмая, Восьмая и Четвертая турецкие армии были практически полностью уничтожены. Тысячи раненых были брошены умирать на обочинах дорог, десятки тысяч – взяты в плен. Немецкие союзники турок больше не могли помогать им, поскольку были вынуждены направить почти все свои войска на Европейский фронт в последней отчаянной попытке отсрочить поражение.

Дамаск был взят. Утром 1 октября 1918г. объединенные силы арабов и англичан вступили в город. Главнокомандующий арабской армией Шериф Эмир Фейсал вошел в Дамаск несколько дней спустя. Его встретили с почестями и торжеством, как некогда встречали возвращавшегося с победой римского императора. Окна были украшены флагами Союзников. На улицах играли военные марши, стояло дикое веселье, возбужденные крики и суета.

Шериф Эмир Фейсал вступил в Дамаск не как генерал-завоеватель. Он вошел в город сдержанно и с достоинством и сразу же направился на площадь, на которой турецкий генерал Джемаль-паша схватил и повесил без малейшего намека на суд арабских лидеров из числа представителей знатных семей.

Шериф Фейсал, человек могущественный, избранный самой судьбой и при этом, как мне показалось, весьма чуткий и мягкий, не стал произносить каких-то пафосных воинственных речей. Он поднял руку к небу и поблагодарил Аллаха за Его милость.

На следующий день после моего прихода в Дамаск в город вошла оставшаяся часть арабской армии с груженными повозками и платформами с техникой, а вслед за арабами, на верблюде, – человек, которого они называли «Хаваджа-эль-Масра», то есть казначей. Позже

⁶⁵ Сабля.

я узнал, что сидевшего на верблюде человека звали капитан Лоуренс, известный сейчас как полковник Лоуренс Аравийский. И именно ему шейхи и их солдаты приносили для оплаты свои векселя, предварительно утвержденные арабскими лидерами.

Насколько мне известно, капитан Лоуренс не сделал ничего, чтобы содействовать арабской революции, и в разработке арабской военной стратегии он также не принимал никакого участия. Когда я впервые о нем услышал, он был не более чем казначеем. Обыкновенным казначеем он был и для принца Эмира Абдуллы, брата короля Фейсала, которого я знал.

Я пишу это не с целью унижить его. Я пишу как военный человек. Кто-то должен сражаться, а кто-то – платить.

ГЛАВА XVI

Я встречаюсь со своими братьями и вступаю во французский Восточный легион

4 ноября 1918г. в Дамаск поступили новости о том, что армянские добровольцы из Америки пришли к соглашению с Союзниками, по которому армянам должна была перейти турецкая провинция Киликия. В отчетах говорилось, что они движутся вдоль Средиземноморского побережья в направлении Бейрута. Я попросил отпуск и, собрав отряд из восьмисот армянских добровольцев, покинул арабский штаб и направился в Бейрут.

Кажется, я вновь ожил, когда арабы, провожая нас, оказывали нам воинские почести, а Союзники прислали своих представителей, чтобы придать этому событию особую важность и торжественность.

На протяжении всего пути нас радостно приветствовали жители арабских деревень, и весь наш поход, казалось, был бесконечным пышным праздником. Во мне вновь пробудились чувства. Я подумал, что могу встретиться со своими братьями, и решил как можно скорее отправиться в Алеппо за сестрой.

Четыре дня спустя мы прибыли в Бейрут, где нас встретила делегация армянских добровольцев.

Я сразу же спросил у одного рядового, нет ли в его легионе выходцев из Эверека.

– Есть, господин, – ответил он. – Мои сержант и капрал родились в Эвереке. Они братья.

– Как их зовут? – спросил я.

– Барсег и Арам Торосян, – сказал он.

Мое сердце забило быстрее. Я понял, что совсем скоро увижу своих братьев, прибывших сюда вместе с Армянским легионом из Америки.

Я попросил рядового сообщить им о моем прибытии и принялся ходить взад и вперед по темному залу. Через некоторое время ко мне подошли двое молодых людей.

– Здесь есть капитан Торосян? – спросили они. – Он наш брат, и мы хотим его видеть.

Я взволнованно посмотрел на них и сказал:

– Вы узнаете его, когда увидите?

– Конечно, узнаем. Мы не виделись много лет, но уверены, что узнали бы его, если бы встретились.

– Хорошо. Поищите его здесь, поднимитесь наверх и, если найдете, дайте мне знать, – сказал я.

Вскоре они вернулись и заявили, что знают о том, что он где-то здесь, но не могут его найти.

– Посмотрите внимательнее, потому что он совсем рядом, – посоветовал я.

После этих слов они узнали меня, и мы крепко обнялись.

Потом мы рассказали друг другу о том, что произошло за то время, пока мы не виделись. Моя история была печальной.

Зато одно я теперь знал точно. Письмо, которое я отправил через американское посольство, дошло до них, и они сразу же рассказали обо всем своим друзьям и соотечественникам. В результате им удалось собрать почти две тысячи добровольцев, чтобы прибыть сюда и присоединиться к Союзникам. Это произошло летом 1917г. Они высадились на Кипре и поступили на службу под французским флагом. В течение последующего года они одержали многочисленные победы на Палестинском фронте.

Мы проговорили много часов.

На следующий день мы с братьями отправились в Алеппо за Пайсаром. Мы только и говорили, что о нашем воссоединении.

Когда мы приехали, она... была мертва. Ее похоронили на Национальном кладбище в Алеппо, где до сих пор покоится ее прах. Она умерла от печали и одиночества. И от лишений, которые ей пришлось перенести.

Братья не выдержали и заплакали, а я молча стоял рядом с ними, созерцая горе, которое чувствовал, но не мог выразить. У меня не было слез. Однажды в старом садике в Аравии я посмотрел в глаза, похожие на угасающие звезды. И в тот миг во мне тоже что-то угасло.

* * *

Я оставался в Бейруте почти два месяца, пока французский командир армянских войск Ромео не захватил Киликию. Несколько рот было направлено навстречу беженцам, чтобы обеспечить им безопасное возвращение домой.

Меня послали в Александретту⁶⁶, а мои братья отправились вместе с основной частью армии в Адану⁶⁷, один из главных городов Киликии.

Турки в ужасе спасались бегством от Армянского легиона, но на безлюдных горных дорогах они устраивали засады и атаковали разрозненные караваны, двигавшиеся в разных направлениях. Вскоре стала очевидна необходимость установить военные посты и организовывать конвои на всей территории провинции.

В этот сложный период меня и еще пятьдесят солдат направили в район Паяса, где собрались огромные орды турок, под покровом ночи совершавших бесчисленные нападения и грабежи.

Поверженные турки вымещали свою злость на всех попадавших на пути незащищенных караванах. А таких было много. Я поражался силе духа своего народа, который через трудности и лишения мужественно шел к обещанному дому и безопасности. Когда мы отправились встречать их, нашим глазам предстали толпы изнуренных, одетых в лохмотья людей: обросших мужчин, еле державшихся на ногах, больных женщин в оборванной одежде, ослабевших, голодных детей. В их глазах все еще прятался страх, а когда им предлагали охрану на пути от одного поста к другому, не зная, как выразить благодарность, они пытались поцеловать нам руки.

Проходили недели, нападения турецких банд становились все более частыми, и я начал задаваться вопросом, откуда они получают оружие и боеприпасы. Я связался по этому вопросу со штабом и получил разрешение совершить набег на их поселения. Когда мы ворвались в одну из их деревень, к своему потрясению я обнаружил, что оружие и боеприпасы им поставляют французы.

В срочной телеграмме я сообщил об этом открытии своему начальнику в Александретте, однако никаких действий предпринято не было, и я начал испытывать некоторые сомнения относительно того, что происходит.

Вскоре после этого я получил приказ от полковника Ромео собрать кавалерийский взвод из сорока человек и тотчас же направиться в Адану. Некоторое расстояние нам предстояло пройти пешком, а оставшуюся часть пути мы проделали на поезде.

⁶⁶ Современное название – Искендерун. Город и район в провинции Хатай на юге современной Турции.

⁶⁷ Административный центр области Адана, современная Турция.

28 марта 1919г. мы прибыли в пункт назначения.

Киликия дышала здесь свободой. На улицах городов и деревень кипела жизнь, и каждый день был праздником. Казалось, что Османская империя распадается. После заключения перемирия территории вокруг Адалии были оккупированы итальянцами, Смирна – греками, а Константинополь практически перешел в руки Союзников.

Весенние и летние месяцы были небогаты событиями, но ближе к осени в поведении наших друзей и покровителей – французов и англичан – произошла заметная перемена, и я почувствовал, что уже давно затевается какая-то интрига.

Нескончаемые потоки турецких военнопленных, захваченных англичанами, выпускались на свободу и ежедневно проезжали через Киликию по алденской железной дороге.

Потом неожиданно и без каких-либо объяснений британцы, охранявшие Айнтаб⁶⁸, Мараш⁶⁹, Килис⁷⁰ и Адану, оставили свои позиции, передав их немногочисленному Армянскому легиону. Один из британских офицеров намекнул мне, что французы и турки заключили секретное соглашение, по которому в конечном счете Союзники полностью покинут Киликию. Меньше чем через месяц из региона были выведены практически все британские войска.

Следующий ход, в котором мой народ играл роль беспомощных пешек, стал для нас еще большей катастрофой: французский губернатор Киликии ушел с поста, назначив своим преемником турка.

Горечь переполняла мой народ, ведь он верил, что полученные им обещания непреложны. Я также испытывал горечь, но не был удивлен, так как прекрасно знал предательскую природу дипломатии. Война создавала чудовищ, беспощадных чудовищ, которые в сражениях зачастую проявляли себя героями; дипломатия же была игрой шакалов. Я предпочитал сражаться.

Узнав об отставке французского губернатора, я решил начать пристальное наблюдение за штабом. Однажды мне сообщили, что днем из штаба полковника Ромео вышел какой-то турецкий майор. Я при-

⁶⁸ Или Айнтап (тур. Газиантеп) – город на юге современной Турции.

⁶⁹ Современное название – Кахраманмараш. Столица ила Кахраманмараш на юго-востоке современной Турции.

⁷⁰ Город и район в провинции Килис в современной Турции.

казал следить за ним и выяснил, что он направился в турецкий лагерь, расположенный в предместье города.

Ночью я надел гражданскую одежду и пробрался в турецкий лагерь. Я расхаживал среди турок как ни в чем не бывало, добродушно улыбаясь и приветствуя ошеломленных караульных обычной фразой «Ас-салам-алейкум». Они механически мне отвечали. Я представился Эмин-беем, капитаном артиллерии, прибывшим из Адрианополя, и для убедительности показал им свои фотографии в турецкой форме.

Меня провели к высокопоставленным офицерам, которые очень обрадовались моему приходу, но никак не могли взять в толк, как это я решился совершенно один слоняться по этой местности, когда в любую секунду какой-нибудь жаждущий мести араб мог напасть на меня и поджарить на ужин. Я весьма правдоподобно солгал, что получил отпуск и, временно покинув свою дивизию в Алеппо, отправился в «Кайсери»⁷¹, просто заглянув сюда по пути. Для того чтобы моя история звучала еще более убедительно, я рассказал им, что вынужден притворяться армянином из страха, что по дороге на меня могут напасть, ведь в последнее время поступают сообщения об огромном армянском контингенте почти из пятнадцати тысяч солдат, приближающемся со стороны Мерсина⁷².

Постепенно мои собеседники стали разговорчивее.

– Все ваши солдаты собираются в ближайшее время вернуться домой? – спросил я.

Они засмеялись, уверяя меня, что домой никто возвращаться не собирается и что большая часть солдат намеревается вступить в армию Мустафы Кемаль⁷³, который, будучи очень сильным человеком, сможет перевязать кровоточащую рану Турции и быстро вернуть ей утраченные территории.

– Капитан, наши дела обстоят весьма неплохо теперь, когда Союзники превратились из наших врагов в столь нужных нам друзей. Конечно, понять, что происходит, несложно: они все горят желанием

⁷¹ Турецкое название Кесарии.

⁷² Город на юго-восточном побережье современной Турции.

⁷³ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881 – 10 ноября 1938), настоящее имя – Гази Мустафа Кемаль-паша. Османский и турецкий государственный деятель, основатель современного турецкого государства.

получить контроль над Турцией, но не могут между собой договориться, поэтому обеспечивают нас оружием и боеприпасами. Они скорее согласятся оставить Турцию во власти турок, нежели уступят ее друг другу, потому что доверяют друг другу меньше, чем нам.

– Единственный, кто доставляет нам сейчас большие неприятности, – сказал другой офицер, – это армяне. Здесь, в Киликии, они весьма сильны и хорошо вооружены. Но французы уверяют нас, что уже через несколько месяцев Киликия будет передана обратно нам.

Во время разговора я тактично смеялся и хлопал вместе с остальными.

Они обсуждали различные планы действий, и из их слов я понял, что французы предоставили им гарантию безопасности передвижения в направлении Аданы, а накануне вечером прислали необходимое на ближайшее время продовольствие.

Наконец, едва начало вечереть, я попрощался с ними, притворяясь, что мне не хочется уходить, и вышел, а в ушах у меня звенели их пожелания удачи.

В ту ночь я спал очень плохо, ведь, будучи военным, я должен был составить план.

На следующее утро я поспешил в Совет Армянского национального союза и рассказал о том, что мне удалось выяснить, предлагая свой план действий, состоявший из трех пунктов:

1. Поднять флаг революции в Киликии.
2. Схватить всех французских офицеров и выгнать их из провинции.
3. Обеспечить оружием и укрепить для защиты от скорого нападения все города, в особенности приграничные населенные пункты и основные въезды на нашу территорию.

Я предположил, что, возможно, в таком случае Союзники припомнят данные ими обещания.

Однако мои предложения остались без внимания. Я был военным и смотрел на сложившуюся ситуацию прямо, в то время как Совет состоял из богатых дельцов, ничего не понимавших ни в военных, ни в политических вопросах, дельцов, которых гораздо больше волновало личное процветание, нежели тот факт, что Союзники предали их народ. Они упорно твердили, что находятся под защитой решений, принятых на Парижской мирной конференции. Я пытался объяснить, что нельзя использовать слова и решения вместо пуля, но все мои

старания были тщетны, и я никак не мог убедить их, что над провинцией, словно меч, нависло чудовищное бедствие.

Прошло более трех месяцев. К этому времени турецкие гонцы открыто передавали сообщения французским властям.

От французского правительства пришло постановление, согласно которому все армянские солдаты, желавшие уволиться со службы, были вольны уйти в отставку.

Больше половины армянских добровольцев из Америки уже давно поняли, что французы предали нас, и, переполненные разочарованием и отвращением, вернулись в Америку.

На место полковника Ромео пришел полковник Флисе-Мари.

В воздухе повисла гроза. Отовсюду стали прибывать турецкие иммигранты. Обстановка становилась все более напряженной. Чувствовалось, что где-то в глубине таятся подводные течения, лежащие в основе происходящего. На востоке и северо-востоке Киликии кемалисты начали осаждать приграничные города. К этому моменту войска французов были отозваны из Мараша, оставив его жителей на произвол бесчинствующих грабителей. Меньше чем через неделю турки вступили в город и вырезали больше двенадцати тысяч армян. Почти шесть тысяч сенегальских солдат погибли от холода.

Число прибывавших кемалистов стремительно росло, и в районе Хаджина они все чаще совершали нападения на армянское население. Здесь жило всего около тысячи семей, и несколько месяцев они мужественно оборонялись, каждую минуту ожидая помощи со стороны французов, помощи, которая была обещана, но так и не пришла.

Положение становилось критическим. Французы продолжали тройную игру. Иногда они открыто помогали туркам; потом оказывали небольшую поддержку армянам; но были времена, когда на первое место выходили их собственные интересы, и тогда они угрожали и туркам, и армянам, заставляли их играть в свою игру и стравливали друг с другом.

На протяжении всего этого времени я со своими взводами оборонял маленькие деревеньки в предместье Аданы.

Я чувствовал себя слабым и беспомощным. Я отчаялся и опустил руки. Я устал. Устал от этой игры и решил уволиться со службы во французских войсках. Это было очень просто, ведь я и не подписывал никаких соглашений и мог оставить службу в любой момент.

В это время, в феврале 1920 года, Армянский национальный союз набирал добровольцев из числа армян для обороны Аданы. Я принял командование передовыми отрядами, размещавшимися на западе и юге. Я продолжал нести службу около пяти недель, но, увидев, что французы ведут свою политическую игру и не позволяют нам действовать так, как мы считаем нужным, я понял, что не смогу осуществлять свои планы, и ушел в отставку.

ГЛАВА XVII

Турецкая партизанская война

На дворе стоял апрель 1920г. С момента заключения перемирия прошло почти полтора года, но в Турции все еще не было и намеков на спокойствие. Масштабы разбоев продолжали расти, а последователи Мустафы Кемаля начали устраивать беспорядки и бесчинствовать во внутренних районах страны.

Теперь, став увереннее и сильнее, турки зверски убивали французских солдат, и таким образом предатели сами стали жертвами предательства. Страну охватил мятеж.

Меньше чем через неделю после ухода из рядов армянских добровольцев я уже держал путь в горные районы вместе с пятнадцатью смелыми и решительными всадниками. Все они были исключительно меткими стрелками, отличными наездниками и превосходно говорили по-турецки.

Это было настоящее сумасбродство, ведь, хотя я и составил достаточно четкий план, все же в глубине души я прекрасно понимал, что надежд нет. Но мне нужно было продолжать что-то делать, я не мог бездействовать: страшная невыносимая ноющая боль не давала мне покоя. Я думал о Джамиле, родителях, Пайцар и о паше с Мухарремом не как об умерших. Нет, я представлял, что они живут где-то во сне. В этом мире не было правды. Я отчаялся, потеряв всякую надежду, и если конец мой был безнадежен, что же, меня все равно это уже не заботило. Мы надели турецкую одежду, в которой могли, не вызывая подозрений, ходить по турецким деревням и распространять пропаганду.

Я намеревался пройти как можно больше поселений, с тем чтобы любыми возможными способами запутать турок и сбить их с толку, рассказывая страшные истории о силе и мощи армян и французов. Поскольку я не мог сражаться с ними, я надеялся таким образом заставить их опасаться нападения на крупные киликийские города, которые практически не оборонялись и население которых в основном состояло из женщин и детей.

Если бы я поведал вам в подробностях обо всех моих странствиях и скитаниях, то получился бы целый приключенческий роман, но это был бы роман о моих собственных приключениях, не представляющих никакой исторической важности, а поскольку рассказчик я

не самый лучший, моя и без того длинная история стала бы совсем утомительной. Все же я не могу удержаться, заставив себя ни о чем не вспоминать, и расскажу вам о двух случаях, о которых я никогда не забуду и не могу не поведать.

На протяжении нескольких недель мы рыскали по горам, входя в доверие жителей деревень и солдат и выведывая информацию, и нам удалось многое узнать от самых безжалостных из кемалистов и от банд турецких мародеров.

Казалось, что на самом повороте дороги мы неожиданно обнаружили свидетельства совершенных зверств. Мы видели изувеченные до неузнаваемости, расчлененные тела французских солдат. Мы сидели вокруг костров в лагерях турок, слушая кровавые рассказы о содеянных ими бесчинствах. Мы старались хоронить мертвых, а иногда нам приходилось убивать умирающих, чтобы облегчить их страдания. Так, знаменитый бесстрашный дивизион под командованием майора Мишеля неоднократно побеждал в сражениях на Македонском фронте, однако в Киликии турки окружили его, застав врасплох, и половина дивизиона была зверски вырезана. Оставшиеся солдаты, пробившись через турецкие ряды, бежали и укрылись в замке, где оставались в течение пяти недель. Мы пытались помочь им, но всякий раз получали отпор.

Однажды ночью французские солдаты, возглавляемые доблестным майором Мишелем, высыпали из ворот замка, прорвались через турецкие баррикады и помчались на запад, в сторону Тарса⁷⁴, унеся с собой почти три сотни раненых.

Каждый день на своем пути мы встречали толпы курдов и турок, распевавших победные песни.

Пока я находился в Киликии, мои братья Барсег и Арам сражались, имея в распоряжении отряды всего из 32 человек. Три дня Барсег, отвечавший за мост Мисиса, отважно бился против двухтысячной кемалистской армии, и ему удалось спасти и в безопасности довести до Аданы больше тысячи армянских беженцев.

Однажды, находясь неподалеку от Тарса, мы узнали, что в город движется банда почти из двухсот человек. Они шли, чтобы ограбить дома и уничтожить христианское население. Мой отряд был слиш-

⁷⁴ Современное название – Тарсус (арм. – Тарсон). Город и район в современной Турции.

ком маленьким, чтобы хоть как-то попытаться остановить турок, и мне пришла в голову уловка, которая позволила бы мне заручиться поддержкой жителей близлежащих турецких деревень.

Один из моих людей по имени Мардиг был хорошо знаком с магометанскими обрядами поклонения и умел искусно имитировать речи и коленопреклонение турецких ходжей. Мы раздобыли для него одеяние ходжи и подготовили выступление, в котором ему предстояло читать грозную предостерегающую проповедь.

Двое моих людей пришли в деревню за день до нас и объявили властям о приходе Святого. В местной мечети тут же провели уборку и постелили на кафедру особенно священный ковер.

Нас сбежались приветствовать около тысячи человек. Безграмотные и невежественные они благочестиво целовали руки Мардига, пока он медленно шел к храму, склонив голову и нацепив на себя выражение лица истинного праведника.

Мардиг наверно никогда в жизни так не веселился. Люди собрались вокруг расположенного во дворе мечети фонтана и принялись омыwać руки, лицо и ноги. Потом, выстроившись колоннами, они направились к странствующему ходже, искренне веря, что он вселит в их сердца дух пророка. Момент был напряженным и вместе с тем умиротворяющим. Это было одновременно и смешно, и опасно. Мардиг смело и величественно прошествовал к кафедре и торжественно уселся на расстеленный специально для него особенно священный ковер.

Я удивился твердости и уверенности в его голосе, удивился и вздохнул с облегчением, когда он начал декламировать вступительные слова из Корана: «Бис Миллах-хи Рахман-ул Рахим». На его лице отразились страшные муки, и, словно переполненный самыми сильными из всех благочестивых чувств, он закатил глаза и неистово затряс руками. Потом, еще больше повысив голос, он провозгласил свою миссию.

– Послушайте, о, верующие в Мухаммеда и мои любимые братья, – начал он, – и да услышите священную волю нашего Пророка, перед которым мы все преклоняемся. Печальны и безнравственны дни, в которые мы живем. Над нашими домами, нашей страной и священной верой нависла страшная опасность – черный призрак смерти и разрушения.

Бесчестные руководители нашего государства, партия «Единение и прогресс», ушли в небытие, принеся в жертву жизни двух миллионов наших молодых мужчин. Война все еще продолжается, хотя во

всем мире воцарился покой. Нет такой семьи, даже в самой крошечной деревне, которая не потеряла бы дорогого человека. И это не все. Своим зверским обращением с неверными армянами наши лидеры настроили против нас весь мир. Наша земля кишит сотнями иностранных солдат, которые силой принуждают нас к покорности. Разве это не так? Где сейчас наши лидеры? Неизвестно где! В безопасности! Они бросили нас в самое сложное время, забрав с собой последние деньги из нашей ограбленной казны. Они сидят сейчас в других странах в тепле и роскоши, развлекаясь со своими наложницами, а мы остались здесь и продолжаем страдать. Теперь среди нас неожиданно появился еще один злодей, еще один лидер, некий Мустафа Кемаль, собравший новую армию кровожадных бандитов, которые грабят наши деревни, насилюют наших женщин и заставляют наших немногих оставшихся мальчиков и юношей идти на так называемую службу и участвовать в их бесчинствах.

В каком страшном положении мы оказались. Каким будет конец? Они убеждают вас убивать христиан, чтобы попасть в рай, в то время как на самом деле они просто хотят нагреть руки за ваш счет. Они гнусно лгут вам. Наш пророк Мухаммед разгневан и глубоко опечален тем, что руки мусульман запачканы христианской кровью. Давайте же восстанем как истинно верующие и откажемся служить этому диктатору Мустафе Кемалю. Давайте же сокрушим его армии бандитов и запретим им ступать на наши земли. Только так мы можем надеяться на благословение Аллаха и спасти нашу честь, наших детей и наши дома.

Мардиг проделал отличную работу. Его слова впечатлили собравшихся, и, столпившись вокруг него, они с восторженным трепетом принялись благодарить его за премудрый священный совет.

Глава деревни, в которой находилась мечеть, рассыпался в благодарностях новому ходже и попросил нас остаться подольше. Мы поспешно, поначалу я даже боялся, что чересчур поспешно, отказались, ссылаясь на то, что нам необходимо как можно скорее проводить праведного ходжу в другие деревни, чтобы он предупредил их жителей о гневе Аллаха, пока еще не совсем поздно.

Мы ушли, пообещав защитить деревню, если на нее нападут, пока мы поблизости, и взяли с турок обещание помочь нам в случае необходимости.

Мы остановились переночевать в гостинице «Козолоф», владельцем которой подтвердил сведения о том, что в Тарс направляется отряд из двухсот кемалистов. Позже мы узнали, что они пройдут мимо нас уже на следующий день, и стали гадать о том, что же ожидает нас самих.

Всю ночь мы придумывали, как перехитрить их и обратить в бегство – настоящее безумство, если учесть, что нас было всего шестнадцать человек. В конце концов мы составили план, скорее отчаянный, чем разумный, центральное место в котором занимало ущелье Гюрлек, лежавшее на их пути в Тарс.

На следующее утро мы проснулись рано и начали ждать. Было почти девять часов, когда мы услышали грохот приближавшихся копыт. Потом до нас донеслись и голоса турок, распевавших похабные песни. Вскоре мы уже приветствовали их, как братья.

Я сообщил им, что мы ревностные последователи Мустафы Кемала и что нам, как разведывательному отряду, поручили обеспечивать его верным солдатам безопасное прохождение по этой дороге, так как ранее многие кемалисты становились жертвами нападений и грабежей, совершавшихся сильными бандами дезертиров, действовавших в этом районе. Я предостерег их, чтобы они переждали до 11 часов, пока я не проведу дальнейшую разведку, чтобы убедиться в отсутствии какой-либо опасности.

Гостиница манила своим уютом, моя история, скорее всего, показалась туркам правдоподобной, и, кроме того, они были весьма доверчивы. Однако когда я уже собирался увести своих людей, кемалисты столпились вокруг нас, размахивая саблями как-то уж чересчур лихо, и я уж было испугался, что мы зашли слишком далеко. Но они всего лишь решили продемонстрировать таким образом свое бесстрашие. Вдобавок ко всему они объявили, что собираются изнасиловать всех христианских женщин в Тарсе, поэтому, прибавили они, охваченные развратным желанием, нам нужно поторопиться.

Оказавшись вне поля их зрения, мы пустили лошадей галопом к скалистым выступам, возвышавшимся над ущельем Гюрлек. Я отправил двоих солдат в деревню, в которой мы побывали накануне, чтобы попросить помочь нам во имя Аллаха. Всего через сорок пять минут глава турецкой деревни примчался к нам на помощь вместе со своими людьми.

У входа и выхода из узкого скалистого ущелья были размещены пушки, а солдаты затаились в укрытии на острых утесах по обеим сторонам дороги, готовясь напасть из засады.

Был уже почти полдень, когда кемалисты подошли к ущелью. Я подождал, пока все они окажутся в пределах досягаемости огня, и дал сигнал. Через полчаса бой был окончен. Повсюду в ущелье лежали тела мертвых и умирающих.

Новость о нападении распространилась очень быстро. Уже через два дня на охрану дороги через ущелье Гюрлек было направлено несколько рот.

После сражения мы около недели прятались в горах, а потом отправились дальше завоевывать доверие жителей других деревень, разрушая планы турок с помощью хитрых уловок или открыто вступая в бой. Мы сражались и убивали, пока не валились с ног от усталости и изнеможения.

Я был ко всему безразличен. Мое дело было изначально обречено на провал, и горевшее во мне пламя погасло, оставив только тлеющие угли, тусклым светом освещавшие пустоту, в которую теперь превратилась моя жизнь. Внезапно я понял, что у меня нет цели, нет даже безумных надежд, некогда двигавших мною.

Но слухи о нашем бесстрашии и преданности туркам разнеслись по горам. Глава одной из деревень, услышав, что мы будем находиться совсем недалеко, пригласил нас на ужин. Почему бы нет? Мы приняли приглашение. Раньше я ни за что бы этого не сделал, но теперь я чувствовал, что меня проглатывает чудовищная пустота. Прежде я был отважным, теперь стал безрассудным. По дороге в деревню мы остановились еще в одной деревне, находившейся всего в нескольких километрах от первой. Мои солдаты считали, что нам нужно угодить обеим. Я согласился с ними, настояв, однако, на том, что пойду на ужин один. Я до смерти устал от своих людей, от своей лошади. Я нестерпимо желал побыть в одиночестве. Взяв только саблю и несколько гранат, я отправился в соседнюю деревню.

Ужин был отличным: вкусный крепкий турецкий кофе и ободряющий наргиле. Мои воспоминания об этом дне вплоть до последовавшего эпизода связаны с безмерной монотонностью, в которой протекали тогда дни.

Внезапно на улице залаяли собаки, и через секунду за дверью послышался оглушительный настойчивый вопль. В одно мгновение жизнь обрела для меня новый смысл. Хозяин дома побледнел, не решаясь открыть дверь. Я вновь стал капитаном или предводителем

партизан. Я приказал ему оставаться на месте, а сам спустился на первый этаж посмотреть, кто пришел.

Я открыл дверь. На пороге стояли двое вооруженных кемалистов. Вот оно! То, ради чего можно было жить! Я захлопнул дверь, запер ее на засов, вынул револьвер и метнулся обратно наверх. Пока я добежал до комнаты, в которой мы ужинали, кемалисты открыли огонь по окнам. Я подполз к окну и кинул гранату. Турки бросились укрываться в деревьях и камнях, и в темноте я различил их разбежавшиеся во все стороны тени.

Главу деревни и его жену с детьми объял ужас; комната наполнилась жалобными стенаниями, напомнившими мне ночь кабанов в ущелье Феттах. Охваченный паникой хозяин дома был беспомощен; его жена пронзительно вопила, особенно когда я набросил на плечи ее хиджаб, спадавший до самого пола, схватил за руку одного из детей и ринулся к задней двери, заявив, что, если хоть кто-нибудь из них попытается выйти из комнаты, пока я еще не ушел, я убью ребенка. Я боялся, что без заложника они меня обманут. Выполнил бы я свою угрозу или нет, я не знаю. Люди совершают много кровавых деяний из страха, что их могут предать.

Не знаю, как и почему, но мой ход сработал. Я прошел мимо главаря кемалистского отряда, и он приказал нам убираться подальше, чтобы нас не могли застрелить. Я знаю, что все это кажется невероятным, и все же произошедшее в тот день до сих пор столь живо в моей памяти, что я как будто даже физически ощущаю все безрассудство своего поступка той ночью, когда я шел по тропинке, проложенной за домами, крепко сжимая в руке маленькую ручку девочки.

Пройдя примерно километр, я спрятался за домом, снял хиджаб, впихнул его в руки ребенку и грубо приказал девочке пойти в ближайший дом и не выходить оттуда, потому что совсем скоро я вернусь с огромной армией кровожадных людей. Какое благородное занятие – пугать маленьких детей, не правда ли?

Я помчался в другую деревню. Когда я прибежал, мои люди уже стояли наготове у своих лошадей, обеспокоенные смутно донесшимися до них звуками выстрелов. Я, задыхаясь, продекламировал свою обычную речь, попросив жителей деревни во имя Аллаха отправить с нами всех имевших при себе оружие мужчин в близлежащее селение, на которое напали бандиты. Мы оседлали коней и очертя голову помчались в соседнюю деревню. У кемалистов не было никаких

шансов. Мы окружили их. Они молили во имя Аллаха не убивать их, уверяя, что они мусульмане, солдаты регулярной армии, но местные жители помогли нам хладнокровно уничтожить почти всех. Потом мы согнали и вывели из деревни их лошадей, а местным приказали оставаться на месте, сказав, что нам нужно догнать несколько человек, успевших бежать. На самом же деле мы вновь отправились в горы, и я до сих пор не знаю, собирался ли в ту ночь глава селения предать меня.

Что же, война – дело героев. Одни умирают, а другие остаются жить, чтобы писать об этом.

В конце концов во мне погас последний огонек, и я устал от мести. Наши поиски были бесплодны, усилия – тщетны. Действительность придавила нас. И я решил отложить саблю и револьвер. Киликия перестала быть родиной армян, она превратилась в кипящий котел, где в крови моего народа готовились и перемешивались бесконечные разговоры и интриги.

Я сообщил солдатам о своем решении, попросив их напоследок отправиться вместе со мной в маленький городок Эверек.

Через три дня мы добрались до знакомой долины, по обеим сторонам которой возвышались покрытые снегом вершины Эрджияса⁷⁵. Я не был печален. Я шел, чтобы утолить какую-то необъяснимую ненасытную жажду, даже и не пытаюсь ее объяснить. Я был зрителем, со стороны созерцавшим собственную жизнь.

Мы медленно двигались на запад и наконец оказались в тени деревьев, растущих на окраине города. Солнце уже почти скрылось за горами.

Я подошел к угодиям, принадлежавшим отцу. Когда-то воздух в садах был полон благоухания фруктовых деревьев, а поля старательно обрабатывались и засаживались. Теперь от них осталась только голая бесплодная земля, на которой тянулись ряды сгоревших и раскуроченных деревьев, печально протягивавших свои кривые ветви к синему вечернему небу.

Я спешил и пошел пешком. В этот момент ко мне подошел старик. Его лицо показалось мне знакомым. Он, похоже, тоже узнал меня. Наконец я вспомнил его. Он был мельником, у которого все в городе покупали муку. Старик боязливо предостерег меня не идти

⁷⁵ Гора в центральной Анатолии.

дальше, потому что город находился теперь в руках турок и курдов, а на его северной стороне размещались лагеря кемалистов.

Я продолжал бродить по городу, сам не знаю, почему, ведь я не был сентиментальным. Не был. Все чувства во мне погибли.

Когда уже совсем стемнело, мы вышли из города и направились к лесам у подножия гор, где провели эту ночь.

Потом мы, не спеша и не теряя осмотрительности, вернулись в Адану. С каждой минутой мы все больше убеждались в том, что всякие надежды на возвращение армянам Киликии окончательно потеряны. Прибыв в Адану, мы обнаружили, что ежедневно провинцию покидает все возрастающее число армян. Армянский народ бежал, преисполненный печали, страха и горечи от крушения всех надежд.

Однажды французские власти дали мне понять, что мои действия после ухода со службы совсем не пришлись им по душе и доставили им немало беспокойств, в связи с чем они настоятельно рекомендовали мне уехать в Америку.

Я встретился с братьями, и мы сошлись во мнении, что дело окончательно потеряно.

Ночью мы сели на корабль и покинули Адану. А над водой расстилалась безоблачная черная пелена неба. И в этой бескрайней черноте вспыхнула яркая звезда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В качестве предисловия.....	3
Биография	11
Вступление	13
Глава I. Дни Первой мировой войны.....	15
Глава II. Золотые дни гаремов	20
Глава III. Сражения при Дарданеллах.....	29
Глава IV. Из Дарданелл в скотобойню	48
Глава V. Тучи рассеиваются, и вновь сияет свет любви.....	57
Глава VI. Боевые действия на Галлипольском полуострове..	63
Глава VII. Тайна гарема	74
Глава VIII. Печальная судьба моих родителей	82
Глава IX. Македонский и Румынский фронты	91
Глава X. Неожиданная встреча и тайный разговор.....	99
Глава XI. Месопотамский фронт	104
Глава XII. В пустыне я встречаю свою сестру	115
Глава XIII. Палестинский фронт	124
Глава XIV. В арабской секретной службе	135
Глава XV. На пути к кровавой мести.....	147
Глава XVI. Я встречаюсь со своими братьями и вступаю во французский Восточный легион	155
Глава XVII. Турецкая партизанская война.....	163

Дизайн обложки Лусине Матевосян
Верстка Арусяк Оганян

Печать «Тигран Мец»
Тираж 500 экз